

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XLVII

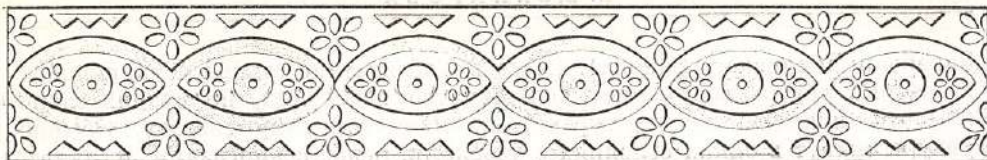
**СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1959

И. В. ЗАХАРОВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЙГУРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Уйгуры — один из древнейших оседлых тюркских народов. Они составляют основное население Синьцзян-Уйгурской автономной области, самой западной из областей Китайской Народной Республики. Там их насчитывается 3640 тыс. человек¹. В условиях долгого сохранения феодализма в Синьцзяне уйгуры не сложились в буржуазную нацию. Демократическая революция в Китае открыла перед ними новые перспективы национального развития. В условиях построения социалистического общества уйгуры, как и некоторые другие народы Китая, быстро проходят процесс дальнейшей национальной консолидации.

На территорию Советского Союза уйгуры переселились из Синьцзяна в XIX в. Среди них различаются две группы, прошедшие несколько различные пути исторического развития и говорящие на различных диалектах. Эти группы можно назвать по основным районам их расселения семи-реченской и ферганской. Семиреченские уйгуры живут главным образом в Казахстане и северной Киргизии. Они переселились из Илийского края в 1881—1884 гг. Ферганские уйгуры переселялись из Кашгарии в основном на протяжении начала и середины XIX в. и расселялись в Ферганской долине (Узбекистан и южная Киргизия) группами, не превышающими 3—5 тыс. человек, среди узбеков, таджиков и киргизов.

По переписи 1926 г. в СССР зарегистрировано 108 500 уйгуров, из них 63 500 — в Казахстане, 37 000 — в Узбекистане и 8 000 — в Киргизии² (см. карту, рис. 1).

В Казахской ССР уйгуры составляют значительную часть населения Уйгурского, Чиликского и Энбекши-Казахского районов Алма-Атинской области и Панфиловского района Талды-Курганской области. Уйгурские селения имеются и в соседних районах тех же областей. Много уйгуров проживает в городах Панфилове и Алма-Ате.

В Киргизской ССР уйгуры поселились в городах Фрунзе, Токмаке, Пржевальске, Оше, Джалал-Абаде и в районах: Ошском (Кашгар-Кишлакский сельсовет), Араванском (Лянгарский сельсовет) Ошской области, Пржевальском (Бирликский сельсовет) Иссык-Кульской области.

В Узбекистане уйгуры живут, в основном, в Андижанской области, в районах: Ленинском, Пахта-Абадском, Избаскентском, Сталинском и др., где находятся самые крупные группы уйгурского населения (например, сельсовет Уйгур Пахта-Абадского района, около 5 тыс. человек, сельсовет

¹ С. И. Брук. Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. «Советская этнография», 1956, № 2, стр. 91.

² О численности уйгуров по переписи 1939 г. опубликованных сведений нет.

Зарабдар Ленинского района). Всего в Узбекистане свыше 40 кишлаков, в которых уйгуры составляют большинство населения, но сравнительно немного кишлаков чисто уйгурских по национальному составу. Обычно уйгуры живут в одних селениях с узбеками, реже с киргизами и дунганами.

Небольшая группа уйгуров, переселенцев из Семиречья (около 600 человек). живет в районе Байрам-Али в Туркменской ССР.

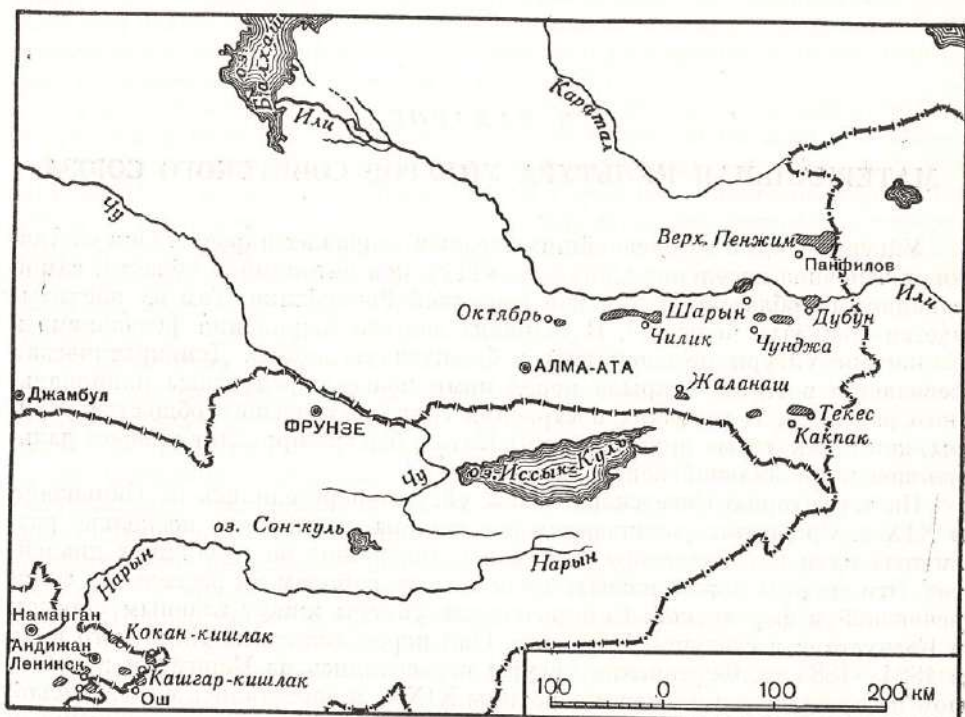

Рис. 1. Схематическая карта основных районов расселения уйгуров в Средней Азии (штриховкой показаны места, населенные уйгурами)

До 1921 г. уйгуры не имели единого наименования. Они называли себя по месту жительства и происхождения — «кашгарлык» (из г. Кашгара и его оазиса), «аксулык» (из г. Аксу), «турфанлык» (из г. Турфана) и т. п. Илийские уйгуры получили свое название по социально-бытовому признаку — «таранчи» (земледельцы). Это название было дано казенным землепашцам, принудительно переселенным маньчжурским правительством из различных районов северо-западного Китая в долину реки Или. У западных соседей (в Средней Азии, Иране) все уйгуры обычно именовались «кашгарлыками».

Наименование «уйгуры» было принято на съезде «джунгарских и алтышарских трудящихся», состоявшемся в мае-июне 1921 г. в Ташкенте, как общее название для уйгуров, живущих в Советском Союзе и Синьцзяне. В 1930-х гг. это название распространилось и в Синьцзяне. Термин был избран по наименованию населения Восточного Туркестана в средние века.

Новоуйгурский язык относится к юго-восточной ветви тюркских языков и ближе всего стоит к узбекскому. Он представлен рядом наречий и говоров, близких между собой (кашгарско-яркендский, кучарский, хамийский, турфанский, лобнорский, хотанско-кериийский, аксуиско-доланский,

илийский, саларский и особо стоящий язык так называемых «желтых уйгуров»). В Советском Союзе представлены два говора — семиреченская группа говорит на илийском наречии, ферганская — на кашгарско-яркендском.

Литература об уйгурах, освещающая вопросы истории, этногенеза, довольно обширна, но в большинстве случаев она относится к уйгурам Синьцзяна. Этнографические сведения об уйгурах начали появляться в европейской литературе с середины XIX в., когда произошло непосредственное знакомство европейской науки с Синьцзяном и его населением.

Эпоха «открытия Восточного Туркестана» начинается поездкой в Кашгарию замечательного русского ученого, казаха по национальности, Чокана Чингизовича Валиханова в 1857—1858 гг. Его отчет о путешествии и статья «О состоянии Алтышаара»³ содержит интереснейшие данные по истории и этнографии населения Кашгарии. Начиная с поездки Валиханова, во второй половине XIX в. Синьцзян посетило много научных экспедиций и путешественников, изучавших страну и ее население. Большинство научных экспедиций XIX в. было посвящено географическому и естественно-историческому обследованию Восточного Туркестана, много внимания уделялось вопросам экономики и состоянию военных сил. С конца XIX в. начинается ряд археологических экспедиций в Восточный Туркестан, занявших первые два десятилетия XX в. Главная роль в изучении Восточного Туркестана в конце XIX — начале XX в. выпала на долю русских ученых. Пржевальский, Певцов, Роборовский, Козлов, Громбчевский, братья Грум-Гржимайло, археологи Клеменц, Березовский, Ольденбург, дипломат и востоковед Петровский — вот имена первых и лучших исследователей природы, населения, истории Синьцзяна.

Многие путешественники, попутно с основными своими задачами ставили своей целью дать более или менее полное этнографическое описание населения. Отчеты о путешествиях в Восточный Туркестан содержат этнографические материалы в виде очерков о быте населения отдельных округов, в которых работали исследователи, или кратких путевых заметок. Наиболее ценны в этом отношении отчеты Н. М. Пржевальского⁴, М. В. Певцова⁵, В. И. Роборовского⁶, Г. Е. Грум-Гржимайло⁷, а из иностранных — отчет французской экспедиции Дютрейль де Ренса и Гренара⁸, в начале XX в. археолога А. Лекко⁹, Сайкс¹⁰.

Особенно большую роль в изучении этнографии уйгуров Синьцзяна сыграли русские востоковеды — Н. Ф. Катанов и С. Е. Малов. Катанов в 1890—1892 гг. побывал в Джунгарии, восточной Кашгарии (оазисы Хама и Турфан) и в Ганьсу. Он записал большое количество устных рассказов,

³ «Очерки Джунгарии»; «О состоянии Алтышаара или шести восточных городов китайской провинции Нам-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 году»; «Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова». См. Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. «Зап. РГО по отделению этнографии», т. XXIX. СПб., 1904.

⁴ Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. Изд. 2. М., 1947; его же. Из Зайсана через Хама в Тибет и на верховья Желтой реки. Изд. 2. М., 1948; его же. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. Изд. 2. М., 1948.

⁵ М. В. Певцов. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. Изд. 2. М., 1949.

⁶ В. И. Роборовский. Путешествие в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Изд. 2. М., 1949.

⁷ Г. Е. Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. Изд. 2. М., 1948.

⁸ Dutreil de Rhins. Mission scientifique dans la haute Asie, tt. I—III. Paris, 1897—1898.

⁹ A. Le Coq. Auf Hellas Spuren in Ost-Turkistan. Berlin, 1926; idem. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan. Leipzig, 1928.

¹⁰ E. and P. Sykes. Through deserts and oases of Central Asia. London, 1920.

собрал много фольклорных и лингвистических материалов, а также материалов по духовной культуре уйгуров и других народов Синьцзяна (казахов, урянхов). На основе их он написал ряд статей¹¹, посвященных различным вопросам духовной культуры уйгуров. Большая часть его материалов не издана.

Из двух экспедиций С. Е. Малова одна (1909—1911) работала в восточной Кашгарии и Ганьсу, вторая была посвящена исключительно «желтым уйгурам» (1913). Ею собирались в основном материалы по лингвистике, фольклору и духовной культуре. Частично они были изданы в виде статей¹².

Ряд русских ученых занимался изучением быта уйгуров-переселенцев в Семиречье. Много материалов по фольклору, истории и духовной культуре уйгуров было собрано Н. Н. Пантусовым, служившим в Илийском крае в 1871—1881 гг.; а затем, начиная со времени переселения туда уйгуров, в Семиречье. Он опубликовал ряд интереснейших сборников уйгурской народной литературы¹³, некоторые исторические сочинения¹⁴. Особенно замечательны его «Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа», вышедшие в 9 выпусках¹⁵.

Лучшее описание материальной культуры семиреченских уйгуров принадлежит антропологу В. Э. Пайселю¹⁶, обследовавшему «таранчей» в Джаркенте в 1895 г. Хорошая этнографическая статья, посвященная главным образом семейной жизни и религиозным обычаям уйгуров, написана И. В. Селицким¹⁷.

Если этнографическая литература по семиреченским уйгурам очень невелика по объему и неполно освещает их быт, то по другим группам

¹¹ «Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана». «Зап. Академии наук», т. LXXIII, прил. 8, 1893; «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана». Казань, 1895; «Этнографический обзор тюрко-татарских племен». Казань, 1894; «О погребальных обрядах у тюркских племен в древних времен до наших дней». Казань, 1894; «Гадания у жителей Восточного Туркестана, говорящих по-татарски». «Зап. Восточного отд. РАО», т. VIII; «Приметы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы». Сб. учеников В. В. Розена. СПб., 1897; «Мусульманские легенды», «Зап. Академии наук», т. LXXV, прил. 3, 1894; «О добром и злом человеке. Турфанская сказка». «Казанский телеграф», 1894, № 420; «Тюркские сказки о человеке, понимающем язык животных». «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии», т. XIV, вып. 3. Казань, 1897; см. также нем. издание: Dr. K. Menges. Volkskundliche Texte aus Ost-Turkistan. Aus dem Nachlass von N. F. Katanov. Berlin, 1933.

¹² «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам». «Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», сер. 11, № 1. СПб., 1912; «Отчет о втором путешествии к уйгурам». «Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», сер. 11, № 3, 1914; «Шаманство у сартов Восточного Туркестана», «Сб. МАЭ», т. V, вып. 1, 1918; «Характеристика жителей Восточного Туркестана». «Доклады Российской Академии наук», 1923; «Уйгурский язык». Л., 1954.

¹³ «Таранчинские песни». Собраны и переведены Н. Н. Пантусовым. «Зап. РГО по отд. этнографии», т. XVII, вып. 1, 1890; «Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н. Н. Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н. Ф. Катанова». «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии», т. XXII, вып. V, 1906; «Таранчинские бакши». «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. VI. Ташкент, 1907; «Образцы таранчинской народной литературы, собранные и переведенные Н. Н. Пантусовым». «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии», т. XXV, вып. II—IV, 1909; «Таранчинские песни». «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии», т. XIII, вып. VI, 1896.

¹⁴ «Война мусульман против китайцев». Соч. Муллы Биляля, вып. I—II. Казань, 1880—1881; «Тарих-и-Эмэние». СПб., 1890.

¹⁵ Казань, 1897—1907.

¹⁶ В. Э. Пайсель. Материалы для антропологии таранчей. СПб., 1897.

¹⁷ И. В. Селицкий. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии», т. XX, вып. VI, 1904.

уйгуров Советского Союза литература почти отсутствует. Близость культуры ферганских уйгуров и их соседей-узбеков послужила причиной того, что уйгуров не выделяли из массы оседлого населения Ферганы. Название «кашгарлыки» можно встретить почти только в статистических сборниках или изданиях, где приводится численность населения.

Основным источником предлагаемой работы явились полевые материалы, собранные в 1947—1949 гг. в Алма-Атинской и Талды-Курганской областях Казахской ССР. В работе по сбору материалов принимали участие, помимо автора, нынешние сотрудники Института этнографии АН СССР Е. И. Махова и Н. В. Шлыгина, аспирантка Н. Г. Борозна, сотрудник сектора уйгуро-дунганской культуры АН Каз. ССР М. Н. Кабиров. Автор пользуется случаем принести им глубокую благодарность за оказанную помощь в работе.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Уйгурский народ сложился на территории Восточного Туркестана в результате длительного процесса этногенеза. Основу его составили оседлые племена Кашгарии и родственные им кочевые племена, жившие в горах по окраинам бассейна Тарима.

Археологические и антропологические данные свидетельствуют об автохтонном происхождении современных уйгуров. Однако немалую роль в их этногенезе сыграли племена, переселявшиеся из Средней и Центральной Азии (гунны, эфталиты, жужане, согдийцы и т. д.). Осевшие на территории Восточного Туркестана пришельцы, иногда родственные жившему тут населению, растворялись и ассимилировались последним, оставляя свой отпечаток на его культуре и физическом типе.

Уже с древнейших времен можно проследить тесные экономические, культурные и этнические связи населения Восточного Туркестана со Средней Азией, с одной стороны, Центральной Азией и Китаем — с другой. Древнейшие археологические памятники Восточного Туркестана обнаруживают сходство с археологическими памятниками Средней Азии¹⁸. С рубежа нашей эры Восточный Туркестан приобрел крупнейшее значение в развивающихся торговых связях Запада с Востоком. По бассейну Тарима проходили торговые пути, соединявшие Китай со Средней Азией, Индией и Ираном. Главным предмет китайского вывоза — шелк — достигал Рима. Обратное в Китай шли караваны с продуктами западных стран.

Достоверные письменные свидетельства о Восточном Туркестане появляются со II в. до н. э. в китайских династийных историях. В ту эпоху Восточный Туркестан делился на множество мелких владений, в основном занятых оседлым населением, имевшим города и занимавшимся земледелием и скотоводством¹⁹.

Древние китайские источники ничего не говорят об этнической принадлежности основного оседлого населения оазисов Восточного Туркестана, ограничиваясь утверждением, что жители их «в обыкновениях не сходствуют ни с хуннами, ни с усуньцами»²⁰. Окраинные племена китайцы относили к усуням (Хюсюнь, Гюуаньду²¹) и к тибетцам-цзянам (Пули, Инай, Сийе)²².

¹⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 71.

¹⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 170.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 188—189.

²² Там же, стр. 178.

На севере, в Семиречье и Джунгарии, жили усунь, занимавшие весь северный Тянь-Шань, на северо-востоке от них — хунны, на востоке, между Дунь-Хуаном и хребтом Цзянь-Шань (соврем. Ганьсу), жили юэджи. Все эти народы, по описаниям китайцев, были кочевниками. С первыми из них (усунями) было, несомненно, связано население северных оазисов Восточного Туркестана. Юэджи (тохары), вероятно, принимали значительное участие в формировании этнического состава населения южных оазисов Кашгарии (Хотаи, Черчен, Ния).

Выгодное положение Восточного Туркестана в центре торговых путей Азии, связывающих самые развитые в то время страны, его раздробленность и политическая слабость сделали его на протяжении многих веков накануне и в начале нашей эры объектом, к завоеванию которого стремились все возникавшие в Центральной Азии феодальные государства. Политическую историю того времени характеризуют постоянная борьба сильнейших соседних держав за территорию Восточного Туркестана, неоднократные переходы его в подданство различных государств.

Во II—I вв. до н. э. происходила упорная борьба за Восточный Туркестан хуннской державы и Китайской империи; борьба эта закончилась подчинением Китаю всех оазисов бассейна Тарима. Для обеспечения власти над Восточным Туркестаном и охраны торговых путей была построена цепь военных станций и военно-земледельческих колоний на Лобноре, в Турфанском и Хамийском оазисах, возле г. Кучи, вплоть до Яркенда. Во II в. н. э. юго-западные оазисы Восточного Туркестана (Кашгар, Яркенд и Хотаи) вошли в состав Кушанской империи, объединившей Согд, Бактрию, северо-западную Индию. В эпоху Кушанской империи в Восточном Туркестане распространился буддизм, вместе с которым сюда проникла индийская письменность.

В последующие века Восточный Туркестан попадал под власть эфталитов (V в.), жужаней, тюрков (VI в.). В VII в. оазисами Восточного Туркестана вновь овладела Китайская империя.

В конце VII в. на западных границах Китая возникают сильные государственные объединения: тюркская держава на Орхоне и Тибетское государство. Они становятся опасными соперниками китайцев в Восточном Туркестане. Еще дальше на западе появилась новая сила — арабы, установившие свою власть в Средней Азии в VII—VIII вв. и уже в начале VIII в. столкнувшиеся с Китаем в долине Таласса.

В середине VIII в. Китай утратил политическую власть над Восточным Туркестаном, а усилившееся Тибетское государство захватило всю Кашгарию. Однако власть Тибета над нею продолжалась не долго. В IX в. в Восточном Туркестане возникло два сильных владения: Уйгурское ханство и государство караханидов. С этого времени в Восточном Туркестане выступают на первый план уйгуры, с которыми связана вся последующая история страны.

Предками уйгуров (хуэй-хэ) китайские летописи называют гаогюйские племена, первое известие о которых появилось в Бэй-Вэй под 390 г. Раньше они жили где-то около Ли-хунь-хай (на границах провинции Шань-си), затем переселились на «север стени» (Гоби)²³. В летописях Суйской династии (589—618) упоминаются потомки гаогюйцев — «те-ле», племена которых жили непрерывной цепью от Западного моря к востоку²⁴.

²³ Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 14, 15.

²⁴ Д. Позднеев локализует их на севере от р. Толы, в Джунгарии к западу от И-у (Хами) и к северу от Янь-ци (Карашара), на юго-запад от Алтая, на север от Кан-го (Согдианы) и далее до Волги (там же, стр. 38—39).

В период династии Тан (VII—X вв.) сведений о потомках гаогюйцев — хуэй-хэ уже много. Их насчитывалось 15 поколений, которые жили рассеянно в Джунгарии, на запад от Алтая, в бассейнах Орхона — Селенги и Толы, по берегам Байкала. Все они описаны как кочевники.

В середине VIII в. усилилось уйгурское владение на территории нынешней Монголии в бассейне рек Орхона и Селенги. Через сто лет оно было уничтожено киргизами; при этом многие уйгуры бежали на запад к своим сородичам в провинцию Ганьсу и Восточный Туркестан, усилив эти группы. В IX в. возникает два уйгурских княжества возле современного Гань-Чжоу и в области Турфана и Гучэна (древний Гао-чан). Власть уйгурских владетелей в Восточном Туркестане простиралась до Лобнора на юге, Манаса на севере и Кучи (Ань-си) на западе.

В том же IX в. Западную Кашгарию объединила династия караханидов. Одни исследователи (Дегинь, Бретшнейдер, Радлов) считали караханидов уйгурами, Аристов вел их от карлуков. Бартольд относил к племени ягма, ветви карлуков. Господствующим языком во владении караханидов становится уйгурский, но этноним «уйгур», очевидно, не распространялся на все население Кашгарии. Это название относилось только к населению Уйгурского ханства.

IX—XII вв. были периодом развитого феодализма в Восточном Туркестане. Это была цветущая страна, с развитой торговлей и земледелием, основанным на искусственном орошении, с оживленной городской жизнью. Уже с VIII в. уйгуры выступали в роли культуртрегеров Центральной Азии и сохранили это свое значение в течение ряда столетий. Уйгурский алфавит распространился далеко за пределы Уйгуристана. Среди уйгуров были распространены буддизм, христианство (несторианство) и манихейство. Их храмы и монастыри имели обширные хранилища рукописей и были богато украшены живописью и скульптурой.

Не меньший расцвет переживала и мусульманская Кашгария. Кашгар при караханидах стал главным культурным центром тюрко-мусульман.

Многочисленные уйгурские юридические документы, относящиеся к IX—XIV вв. и найденные археологическими экспедициями, хорошо отображают социально-экономическую жизнь уйгуров в этот период. Документы (купчие и кабальные записи, долговые расписки, завещания и прошения крестьян) дают представление о развитых феодальных отношениях. Крестьяне, объединенные в общины, выплачивали многочисленные налоги с продуктов скотоводства и земледелия, подати с «дыма», с «еды», в пользу бедных и т. д. Подати выплачивались натурой. Наряду со свободными общинниками выступают отдельные категории феодально-зависимых крестьян, находившихся в кабальных отношениях к феодалам, усynoвленные и т. п., а также рабы. В городах было значительно развито ремесло. Об этом говорит весьма характерный факт: в качестве оценочной единицы в торговых документах выступает кусок бязи. Документы свидетельствуют о большом развитии грамотности среди уйгуров — многие крестьяне и их жены умели писать²⁵.

В IX—XII вв. наиболее ярко проявляется процесс сложения уйгурской народности на территории Восточного Туркестана.

Восточный Туркестан XI в. описан Махмудом Кашгарским в известном словаре «Диван-Лугат-ат-Тюрк». Судя по его описанию, большинство населения — уйгуры, чаруки, тухси, ягма, чигили — говорило на диалектах тюркских языков. Некоторые другие народности могли

²⁵ А. Н. Бернштам. Уйгурские юридические документы. «Проблемы источникововедения», сб. III. М.—Л., 1940, стр. 61—84.

принадлежать к остаткам прежнего дотюркского населения, например «басмылы»²⁶.

К XII в. тюркизация населения Восточного Туркестана была в основном закончена. Уйгурский язык распространился как письменный и разговорный во всех оазисах Кашгарии.

В период монгольского завоевания Уйгуристан существовал как вассальное владение, возглавлявшееся своими князьями. Некоторое обособление восточной области расселения уйгуров от Кашгарии имело место до XIV в., когда Уйгуристан был присоединен к Чагатайскому улусу. С XIV в. здесь, вытесняя буддизм, стал быстро распространяться ислам.

Уйгуры оказали значительное культурное влияние на завоевателей; монголы приняли уйгурский алфавит, уйгурский календарь. Уйгуры выступали как учителя знатных монгольских юношей, как писцы в многочисленных канцеляриях Монгольской империи.

Однако уже в XIV в. феодальные смуты и междоусобицы монгольских князей, потомков Чингиз-хана, привели к значительному разрушению производительных сил, к застою в экономике и культуре населения, к глубокому экономическому, культурному и политическому упадку ранее цветущей страны. За период XIV—XVII вв. погибло много городов и культурных центров Восточного Туркестана, сократились площади орошенных земель. В результате общего экономического упадка всех стран, завоеванных монголами, уменьшилась торговля, а вместе с тем упало и значение транзитных торговых путей, идущих через Кашгарию. Открытие европейцами в XV—XVI вв. морского пути в Азию еще более сократило роль Восточного Туркестана как центра торговых путей, соединяющих Запад с Востоком.

Политическая история Восточного Туркестана в XIV—XVII вв. характеризуется непрерывными войнами феодальных владетелей, заговорами, разделами и переделами их владений. В XVII в. всей Джунгарией и Семиречьем вплоть до реки Чу овладели ойраты²⁷, а в конце XVII в. (1678 г.), воспользовавшись смутами между кашгарскими феодалами, они захватили Кашгарию. В качестве верховных владетелей кашгарских княжеств при помощи джунгар утвердились представители духовной династии ходжей, сменившие правивших до тех пор джагатаидов.

Пришедшая к власти в Китае в XVII в. маньчжурская династия Цин, укрепив свою власть внутри страны, перешла к активной внешней политике. Конец XVII — начало XVIII в. заполнены борьбой между Джунгарским ханством и Цинской империей за господство в Восточном Туркестане и над торговыми путями в Среднюю Азию. Воспользовавшись внутренними феодальными междоусобицами, маньчжуры в 1755 г. захватили Джунгарию. В 1757—1758 гг. они перебили огромное число джунгар. В результате этого избиения Джунгария была совершенно опустошена и только во второй половине XVIII в. она постепенно вновь заселилась.

Затем маньчжуры овладели Кашгарией (1758—1759). Часть ходжей, противников присоединения к Китайской империи, с небольшим числом своих сторонников бежала в Фергану, где была хорошо принята в Кокандском ханстве.

²⁶ «Басмылы» — человек смешанного происхождения. Интересно сообщение Махмуда Кашгарского об особом, помимо чисто тюркского, языке уйгуров, на котором они разговаривали между собой. См. В. В. Бартольд. История тюрко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 13—14.

²⁷ Ойраты (Западные монголы) — джунгары (дословно «левое крыло» монгольского воинства).

С завоеванием Джунгарии и Кашгарии связано образование новой группы уйгурского населения в Илийском крае. Переселение уйгуров на Или было продиктовано двумя целями Цинского правительства: создать земледельческую базу для снабжения войсковых частей в Джунгарии и наказать «мятежников». Было переселено около 6 тыс. уйгурских семей из разных городов Кашгарии, активно сопротивлявшихся завоевателям-маньчжурам.

Присоединение Восточного Туркестана к Китаю привело к объединению Кашгарии и Илийского края в одну область под названием Синьцзян (дословно «новая граница»); результатом его было некоторое расширение связей между оазисами и оживление торговли. Но наряду с этим маньчжурское завоевание принесло уйгурскому народу тяжкое колониальное угнетение. Уйгурские крестьяне и ремесленники очутились под двойным гнетом — своих феодалов и маньчжуро-китайской верхушки.

Угнетенные народы Синьцзяна не раз выступали против своих поработителей. В 1760 г. вспыхнуло восстание саларов, к которым примкнули уйгуры и дунгане, в 1765 г. — восстание в Уч-Турфане, для подавления которого потребовались значительные воинские силы. В XIX в. восстания следовали одно за другим. Однако на характере выступлений сильно сказывалась отсталость народных масс: во главе восставших нередко оказывались феодалы — муллы и ходжи (потомки свергнутой династии кашгарских ходжей), которые пытались использовать недовольство масс в своих интересах и придавали восстаниям феодально-сепаратистский и антикитайский характер. Восстания неизменно оканчивались разгромом и жестокой расправой правительственных войск с населением.

С этими восстаниями и связана история переселения значительного числа уйгуров на территорию Средней Азии.

Уйгуры, ныне живущие в Ферганской долине, переселились в основном в первой половине XIX в., но число уйгуров, поселившихся за это время в Фергане, установить трудно. Часть беглецов возвращалась обратно, часть рассеялась по городам и кишлакам среди узбекского и таджикского населения, не образовав отдельных поселений.

Как сообщал Ч. Валиханов, «в Кокандском ханстве много кашгарских эмигрантов белогорской партии, они живут в деревнях около Андижана, Шахри-хана и Карасу в числе 50 тысяч семейств под названием «таглык». Кроме того, живет их много и в городах. Около Ташкента есть целое селение кашгарских эмигрантов Янги-шаар»²⁸.

Можно полагать, что до 1860 г. в Кокандском ханстве проживала значительная группа кашгарцев (200—250 тыс. человек), в 7—8 раз превышающая современную численность уйгурского населения Ферганской долины. Кроме эмигрантов, бежавших после восстаний, часть уйгурского населения Ферганы составили крестьяне, ушедшие с родины в поисках свободной земли.

Из пяти селений Андижанской и Ошской областей, обследованных нами в 1948 г., только одно (Яд-баши Андижанского района) было основано повстанцами, бежавшими из Кашгарии²⁹. Остальные кишлаки, по рассказам стариков-уйгуров, были основаны группами кашгарского населения, пришедшего в поисках свободных земель. Так возникли селения одной из крупнейших групп уйгуров Андижанской области — ныне входящие в Уйгурский сельсовет Пахта-Абадского района. Здесь поселилась

²⁸ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Сочинения, стр. 436.

²⁹ Полевые записи автора, 1948 г. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Впрочем, утверждение это опровергается другим сообщением о том, что кишлак основан 6—7 семьями, вышедшими из Кашгара в мирное время между 1843 и 1845 гг.

большая группа уйгуров, ушедших, продав свои земли, из Кашгара примерно в 1840 г. Ушли они, по словам стариков-информаторов, потому, что условия жизни в Кашгаре были трудны. Прибыв на место, пришельцы поселились кварталами, составившимися из бывших соседей и односельчан. Так образовалось несколько селений, многие из них названы по именам кашгарских поселков, откуда вышли переселенцы (Токкуз-ак, Артыш, Шаурапг, Бадрынг и др.)³⁰.

К тому же времени относят начало заселения Кашгар-кишлака Ошского района³¹.

Несмотря на очень тяжелое положение уйгурского населения в Илийском крае, его беспощадную эксплуатацию со стороны маньчжурских властей, — до 1864 г. здесь не было крупных восстаний. Объясняется это отчасти изолированностью уйгуров, отрезанных от населения Кашгарии, а также наличием в крае значительного числа правительственных войск.

В 1864—1878 гг. произошло наиболее крупное восстание в Синьцзяне, охватившее всю провинцию. Успешным восстанием в Кашгарии воспользовались феодалы и духовенство. В 1867 г. власть здесь захватил Якуб-бек, выходец из Кокандского ханства. Он создал довольно крепкую армию и подчинил себе ранее возникшие ханства, султанства и эмирства Кашгарии (хотанское, дунганское и т. д.). Якуб-бек, опираясь на высшее мусульманское духовенство, установил режим реакционного характера. Во внешней политике Якуб-бек ориентировался на Англию, которая в этот период интересовалась Кашгарией как возможным антирусским плацдармом на подступах к Средней Азии.

Маньчжуры двинули против восставших снабженную европейским оружием армию. В 1877 г. внезапно умер Якуб-бек. В следующем 1878 г. вся Кашгария была вновь захвачена маньчжурами, почти не встретившими сопротивления.

В Илийском крае после восстания 1864—1878 гг. власть также захватили феодалы. Здесь образовался Илийский, или «Таранчинский», султанат. В 1871 г. русские власти, опасавшиеся захвата Якуб-беком Илийского края и создания сильного мусульманского государства на границах Средней Азии, оккупировали территорию «Таранчинского» султаната. В 1881 г., вследствие сложного международного положения, создавшегося для царской России после Берлинского конгресса, Илийский край был возвращен Китаю. За Россией осталась небольшая пограничная полоса с селениями Кальджат, Кетмень, Большой и Малый Ачинохо, Тиермень, Дардамты, Шункар, Актам, Добун и др. (в пределах современных Панфиловского и Уйгурского районов).

Петербургский договор, подписанный 12 февраля 1881 г., предусматривал право населения Илийского края на избрание себе подданства. Большинство уйгуров и дунган предпочло стать русскими подданными и переселиться на территорию Семиречья. Всего к началу 1884 г. переселилось 9572 семьи или 45 373 человека уйгуров. В Кульдже осталось 2565 семей.

Причиной такого массового переселения была боязнь жестокой расправы со стороны возвращавшейся маньчжурской администрации. Переселение происходило с сентября 1881 г. по март 1883 г. Благополучнее других перебрались на новые места уйгуры Хонохойской волости, находившейся недалеко от границы. Они переселились зимой 1881—1882 гг. и заняли зем-

³⁰ Полевые записи автора, 1948 г.

³¹ Там же.

ли в пределах будущей Аксу-Чарынской волости³². Весной 1882 г. к ним присоединились уйгуры Мазар-Нилкинской волости, но недостаток воды для орошения вынудил их уйти на реку Чарын. В 1882 г. правительство разрешило поселить 3 тыс. уйгурских семей по обе стороны от почтового тракта из Кульджи, между реками Хоргос и Усек³³. Тут на развалинах солонской деревни был основан г. Джаркент (соврем. Панфилов); он был заселен главным образом горожанами из Кульджи. Основная часть уйгуров поселилась на реке Чилик (Малыбаевская и Корамская волости). Около тысячи семей заняли земли между реками Тургень и Талгар (Карасуйская волость). Часть уйгуров (760 семей) отошла к России вместе со своей территорией. Они составили Кетменскую волость.

Для беднейшей части населения, вследствие неимения перевозочных средств, переселение оказалось очень тяжелым. Им была оказана небольшая денежная помощь от русского правительства, в перевозке помогли уже переселившиеся уйгуры, но много бедняков-уйгуров, принявших русское подданство, так и не смогли выехать из Кульджи³⁴.

* * *

Переселяясь в Семиречье целыми деревнями, уйгуры стремились сохранить прежние общинные связи.

Русское правительство наделяло землей целую общину, подать также взималась с общины; таким образом, был закреплен общинный порядок землевладения, сохранявшийся вплоть до революции.

Среди земельных владений различалась пахотная и усадебная земля. Усадьба находилась в полной частной собственности ее владельца, он мог продать ее, подарить и т. д., обычай лишь требовал, чтобы перед продажей были опрошены соседи, имеющие преимущественное право на ее покуску. Однако обычай этот соблюдался редко. Более строго придерживались запрещения продавать землю не члену данной общины. Пахотная земля считалась общинной собственностью. Как правило, по хозяйствам делили только часть, прилегающую к арыкам, т. е. орошенную, которая составляла около трети надела, а также сенокосы. Остальная земля находилась в общем пользовании в качестве выгона, из нее же давали надел новому хозяйству — «отау». Поделенная земля была в подворном владении, причем хозяин не мог бросить или сдать в аренду свой надел без согласия общины.

При переселении общине нарезалась земля из расчета 10 десятин на хозяйство. Однако значительную часть земли уйгуры из-за нехватки воды не могли освоить, и, следовательно, она была непригодна для земледелия. Позднее часть надельной земли, уже орошенной, при окончательном размежевании была отрезана казачьим станицам или в фонд Переселенческого управления. Поэтому размеры наделов в разных общинах оказались различны. Например, в Аккентской волости общество Худояр имело по 3,75 десятин на хозяйство, селение Изибек — 2,5 десятин, Арустан — 7 десятин. Трудности с орошением заставили некоторые общины отказаться от части надела, чтобы не платить за него податей.

В пределах России, которая переживала период бурного развития капитализма, уйгурское хозяйство быстро втягивалось в процесс капитали-

³² «Записка о переселении кульджинских оседлых мусульман в Семиреченскую область, составленная 10.VI 1884 г. в г. Верном Н. Н. Пантусовым». Рукопись. Архив Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, инв. № 60, стр. 29.

³³ М. Н. Кабиров. Переселение Илийских уйгуров в Семиречье. «Изв. АН Каз. ССР», № 85. Серия уйгуро-дунганской культуры, вып. 1. Алма-Ата, 1950, стр. 49, 50, 51.

³⁴ Там же, стр. 51, 52.

зации, что способствовало разложению общины. С одной стороны, происходило обезземеливание части крестьянства, с другой — захват общинных земель байско-кулацкой прослойкой. Чаще всего этот захват имел вид «аренды» наделов, брошенных беднотой, причем за аренду бай платил только налоги, приходившиеся на этот участок.

Выделившаяся кулацко-байская верхушка в эксплуатации обедневших общинников использовала полуфеодальные методы издольной аренды. Наиболее яркой фигурой этого типа был джаркентский богатый купец и предприниматель Вали-Ахун Юлдашев. В зависимости от него находились целые селения в Илийском крае, жители которых поселились после 1881 г. в Джаркентско-Аккентской волости.

В Семиречье он развернул многообразную деятельность, в результате которой вскоре держал в своих руках население трех волостей. Под видом «помощи» малосильным сельским общинам он давал им небольшие денежные ссуды для проведения и исправления оросительных каналов — арыков, а затем становился владельцем и самих арыков и орошаемых ими земель, платя за них подати и беря на себя расходы по поддержанию оросительной сети. Попавшие таким путем в его руки земли сдавались исполу прежним хозяевам за треть или половину урожая. Все выборные должности сельской администрации, заведывавшей арыками, он заместил своими приказчиками. В урожайные годы в его амбары стекалось до 200 тыс. пудов зерна³⁵.

Далеко зашедшее расслоение общины особенно ярко сказалось в размерах усадебных участков, которые открыто продавались, закладывались, дробились и т. д. Кроме того, в селениях практиковалась «добровольная передача» надела, под которой скрывалась обычная продажа земли. В этом случае в бумагах вместо имени нового, настоящего владельца оставалось имя прежнего хозяина³⁶.

Капитализация уйгурского села приводила к развитию домашних и отхожих промыслов среди земледельческого населения, к выделению значительной прослойки сельского пролетариата — батраков. В 1913 г. 50,3% всех уйгурских хозяйств занимались «подсобными промыслами»³⁷, главное место среди которых занимало батрачество. Уйгуры-батраки работали у «своих» баев и у русских кулаков.

Среди уйгуров было много ремесленников и кустарей. Большинство из них находилось в зависимости от крупных скупщиков и торговцев. Они закабалили ремесленников, давая им авансы под готовый продукт, а иногда и под материал, ставя в зависимость от размера ссуды оплату готового продукта.

2. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Главным занятием уйгуров с давних пор является земледелие наряду со значительным развитием ремесел в городах и подсобных домашних промыслов в селениях.

В Семиречье уйгуры расселились в зоне предгорий, наиболее благоприятной для земледелия. Они без всякой помощи со стороны царского правительства проделали огромную работу по орошению ранее пустынных степных пространств. В Аксу-Чарынской и Джаркентской волостях

³⁵ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. V, ч. 1. Текст. Таранчи, 1914, стр. 25, 34.

³⁶ «Материалы по обследованию...», т. V, стр. 100, 159, 241.

³⁷ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 95.

было много старых заброшенных, так называемых «калмыцких» арыков; уйгуры их расчистили, распирили и привели в действие.

Магистральные арыки — «останг», проведенные из рек, обслуживали одну или несколько общин. Так, Талды-арык и Рахмедановский «останг» орошали поля всех селений Карамской волости. Головной арык делился на несколько рукавов по числу общин или кварталов одного села — «кол-ерик» или имел соответствующее количество ответвлений. От этих ветвей шли мелкие арыки, ведущие воду к полям отдельной группы хозяйств. Для полива поле разбивалось на участки (шана) от 3 до 10 в одной десятине, на каждый из которых проводили 3—4 поливных борозды — «туган» или «балдак»³⁸.

Из магистральных арыков вода распределялась при помощи водоразделительных окон — «тома», по местами раздел происходил на глаз. В связи с плохой регуляцией воды наблюдалось большое различие в наделении ею общин, расположенных на одном арыке. Распределение воды зависело от близости общин к головной части арыка. Нижние наделы обычно страдали от недостатка воды³⁹.

Единицей измерения воды был «кулак» — количество воды, достаточное для полива в день 2,5—3 десятин⁴⁰.

На поля воду пускали по очереди. В общинах, бедных водными ресурсами, число очередей в сутки доходило до 24, но обычно в день бывало 6—8 очередей. Для точного определения времени поливов уйгуры устраивали род солнечных часов; сутки делились на нужное число частей по длине тени от палки, вбитой в землю, или по тени человека. Так, в Джаркентской волости первая очередь полива была от восхода солнца до того времени, когда длина тени человека становилась равной восьми его ступням — «тапан», очередь второго — от 8 до 2 тапан, третьего — от 2 до 8 тапан, четвертого — до заката солнца. Кроме того, ночью еще было 1—2 полива⁴¹.

В селениях, где в день поливали в 3—5 очередей, сутки делились следующим образом: 1) от восхода до «ашвахты» (первая еда); 2) от ашвахты до полудня; 3) от полудня до вечерней молитвы; 4) от вечерней молитвы до захода солнца; 5) от захода до восхода, — либо они делились на три части, праницами которых служили восход и заход солнца и полдень (Чиликский район)⁴².

Каждой весной, а иногда и осенью, производились работы по очистке арыков. На очистку магистральных арыков выставляла работников вся волость или несколько общин; каждый боковой арык чистила та группа хозяйств, поля которой он орошал, мелкие отводы расчищали хозяева участков. Обычно на очистку выставлялись работники от каждого надела — «туган» по очереди. Кое-где нанимали рабочих за деньги, расходы раскладывались по хозяйствам. Работа занимала 7—15 дней.

За водным хозяйством следили аксакалы (сельские старосты), мирабы и «кёк-беши». Мирабов выбирали — одного на всю волость и по одному на общину. Кёк-беши (буквально «глава зелени») ведал отдельными арыками, в большом селе — орошением наделов одного квартала. Мирабы и кёк-беши получали оплату натурой от населения, обычно по одному пуду зерна с одного надела⁴³.

³⁸ «Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 110.

³⁹ Там же, стр. 216.

⁴⁰ Там же, стр. 305.

⁴¹ Там же, стр. 48—49.

⁴² Там же, стр. 219.

⁴³ Там же, стр. 227, 320 и др.

Для уйгурского земледелия была характерна пестрота полей. Самые бедные хозяйства, имевшие до полудесятины посева, возделывали на своих полях 5—6 культур. В богатых хозяйствах число возделываемых культур доходило до 12⁴⁴. Большую часть поля занимали зерновые культуры, в первую очередь пшеница — «бугдай», затем ячмень — «арпа», овес — «сулу», просо. В хорошо обводненных районах сеяли еще рис. Сеяли различные культуры: суренку — «кыча», коноплю — «зыгыр», в меньшей мере — лен. Значительное место отводилось посевам люцерны — «бедэ», занимавшей в среднем 10% поля. Иногда (в пригородах) на поля высаживали бобовые и огородные культуры. В Джаркентской и Аксу-Чарынской волостях местами культивировали опийный мак — «эпиюн».

На усадьбе уйгуры разбивали фруктовый сад и огород. Иногда часть усадьбы засеивалась кукурузой — «көмүр-конак» и люцерной, изредка — пшеницей.

Сельскохозяйственная техника у уйгуров находилась на низком уровне. В земледелии господствовала переложная система. Поля почти не удобрялись, за исключением наиболее истощенных участков⁴⁵. Результатом было быстрое истощение почвы, вследствие чего половину земли оставляли в залежь. Обычно на одном участке сеяли два года подряд, а два следующих года земля пустовала⁴⁶. Наиболее рациональной системой считалось трехполье. Первый год на отдохнувшую землю сеяли «как аш» (белые хлеба), т. е. пшеницу, ячмень, овес, на второй год — «кара аш» (черные хлеба), в состав которых входили суренка, просо. На третий год землю пускали под залежь или пар⁴⁷. Бедняки практиковали перелог, ежегодно переносив свой маленький посев с одного участка на другой, пока не использовали, таким образом, всей площади надела⁴⁸.

Земледельческие орудия (рис. 2) были очень примитивны. Землю пахали сохой — «сапан», «бугуса». Корпусом сохи являлся коленчатый кусок дерева, на заостренном конце которого укреплялся железный или чугунный наконечник — «чиш». Спереди в корпус вставлялось короткое деревянное дышло — «кашкин», к которому при помощи ярма — «боюнтурук» припрягали пару волов, реже лошадей. Уйгурская соха, в общем очень похожая на сохи других народов Средней Азии («омач» узбеков), отличается наличием регулятора глубины — «кылчак», имеющего вид перекаладины, вставленной наискось между дышлом и корпусом сохи; от его положения зависела более или менее отвесная постановка корпуса сохи с наконечником к поверхности земли и, следовательно, более или менее глубокая вспашка. Вверху в корпус сохи спереди вставлялась маленькая ручка, на которую надавливал пахарь⁴⁹. Глубина вспашки такой сохой не превышала 6 вершков, обычно она составляла 2—4 вершка⁵⁰. Землю весной пахали под снеговую воду или увлажняли почву предпосевным поливом. Как правило, поле вспахивали один раз, только под рис делали не менее 2—3 вспашек. После вспашки землю рыхлили бороной — «сёрэм», представлявшей собой деревянную раму, заплетенную прутьями; во время работы боронующий становился на нее ногами или

⁴⁴ «Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 55.

⁴⁵ Там же, стр. 59, 323.

⁴⁶ Там же, стр. 56—58.

⁴⁷ Там же, стр. 170.

⁴⁸ Там же, стр. 58.

⁴⁹ По описанию М. В. Певцова, соха в Кашгарии совершенно аналогична по устройству. Он приводит термин «бугус» (см. М. В. Певцов. Указ. соч., стр. 121); Гренар сообщает термин «амач» (Grenar. Mission scientifique dans la haute Asie, t. II, Paris, 1898, p. 179).

⁵⁰ «Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 59.

накладывал для тяжести камни⁵¹. Бороной разбивали комья земли, а после посева закрывали зерно. Сеяли рукой из полы — «в один взмах» для более густого засева или «в два взмаха» — для более редкого. Урожай убирала серпом — «огак», малоизогнутым, с довольно широким лезвием и длинной ручкой⁵². Широко распространен был также русский серп, более изогнутый и с короткой рукояткой.

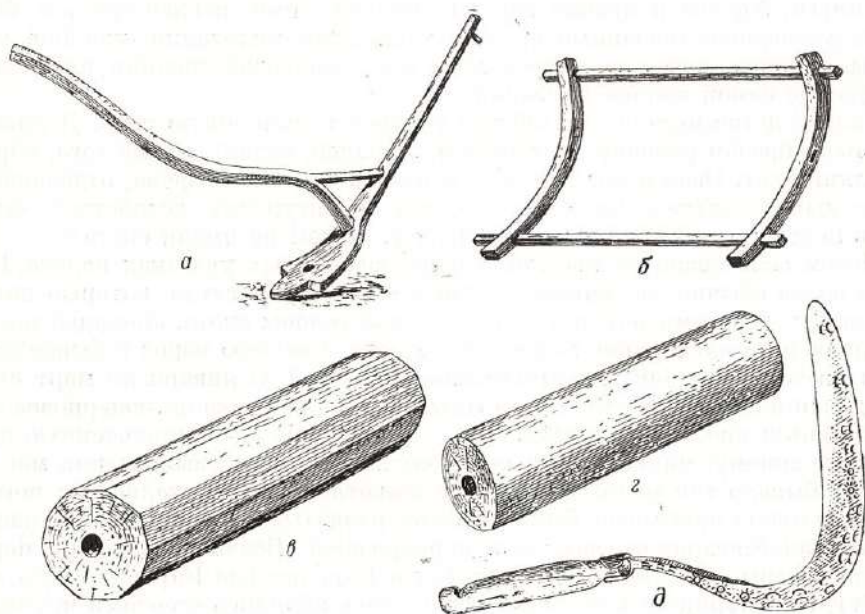

Рис. 2. Старинные сельскохозяйственные орудия семиречевских уйгуров:
 а — соха «сапан», или «бугуса», б — деревянная рама для кату «ян ягач», в — каменный
 кату для молотбы «тудук», пароконный, г — то же одноконный, д — серп «огак»

Ток для молотбы — «хаман» устраивали в поле. Уйгуры употребляли два способа молотбы: при помощи скота, который гоняли по разостланным снопам, и молотильным камнем — «тудук». Последний обычно изготовляли из серого песчаника в форме цилиндра диаметром в 25 см и около 95 см длиной, такой камень приводился в движение одной лошадей. Пароконные молотильные камни имели вид валика с восьмигранным сечением (35—40 см толщины). Камень посредством железных втулок подвижно укреплялся в деревянной раме — «ян ягач», к которой привязывались постромки для лошадей. Лошадей с тудуком гоняли по снопам, подбрасывая их под копыта деревянными вилами — «ягач ара». Затем этими же вилами убирала солому, а зерно сметали в кучу метлой из длинных гибких прутьев чия или камыша. Тут же на току зерно провеивали, подкидывая его вверх деревянной лопатой.

За время своей жизни в Семиречье уйгуры познакомились с более передовой русской техникой земледелия. Русские переселенческие села на территории нынешних Чиликского, Эпбекши-Казахского, Панфилов-

⁵¹ Бороны такого же типа употребляется в восточных оазисах Синьцзяна (Куча, Турфан). См. А. Ле Соф. *Volkskundliches aus Ost-Turkistan*. Leipzig, 1916, S. 12, где и приводится ее наименование — «sötäm».

⁵² Изображение серпа такого типа имеется у Гренара (Гренар. *Op. cit.*, t. II). Гренар приводит термин «ourghak» (*ibid.*, p. 179).

ского и других районов находились в непосредственном соседстве с уйгурскими селениями. Уйгуры заимствовали у соседей ряд сортов полевых, огородных и садовых культур, начали сажать картофель, приобретали саженцы яблонь, груш и других плодовых деревьев. Однако основная масса земледельцев-уйгуров, прекрасно понимая преимущества русской сельскохозяйственной техники, не имела возможности приобрести железные плуги, бороны и прочие орудия. Владели ими исключительно баи. Более усовершенствованные орудия, такие, как молотилки, жнейки, железные бороны, почти не встречались в сельскохозяйственном инвентаре уйгуров до самой коллективизации.

Скотоводство играло в хозяйстве уйгуров подчиненную роль. Держали главным образом рабочий скот (волов, лошадей, ослов), кроме того, коров и мелкий скот. Овец и коз имели в основном богатые хозяева, отдававшие их на выпас казахам. Количество скота в уйгурских хозяйствах было очень невелико, а 25% хозяйств в 1911 г. совсем не имели скота⁵³.

Летом скот пасли на перелогах и неводеланных участках надела. Коров и волов обычно соединяли в стадо и нанимали пастуха, который получал оплату деньгами или натурой с каждой головы скота. Лошадей пасли на привязи на клевернике возле дома. Поздней осенью коров и быков держали на току, где они подкармливались соломой. С января по март скот находился в закрытых стойлах — «егыл»; лошадям давали люцерновое сено, ячмень и просо, остальному скоту — рубленую или измельченную при молотье солому, мякину и жмыхи, получавшиеся при выжимании масла. Кормов бывало так мало, что к весне животные еле держались на ногах.

Из отхожих промыслов были наиболее развитыми извозный и так называемое «алабатарничество», т. е. перепродажа. Возчики-арбакенши перевозили товары от г. Верного в Ташкент и Каркару (на Каркаринскую ярмарку). Перекушники в большинстве случаев являлись агентами крупных скупщиков или мелкими предпринимателями, едва зарабатывавшими средства к существованию.

Ремесленники из Кульджи поселились в основном в Джаркенте и других городах — Верном, Пишпеке, Пржевальске. Среди городских ремесленников первое по численности место занимали сапожники, портные и шпачники, каменщики и штукатуры, затем слесари и кузнецы, ювелиры; много было плотников и столяров. Далее следовали дубильщики кож, булочники, мыловары⁵⁴.

В XIX в. ремесло потеряло свою цеховую организацию, свойственную городскому ремеслу Восточного Туркестана. Как повсюду в Средней Азии, уйгурское ремесло сохраняло «публичный» характер. Ремесленные мастерские ставились на базарной площади, где мастер работал на виду у всех. «Хозяин, сидящий за работой на виду у всех, служит как бы живой вывеской; своей степенностью, мастерством и трудолюбием он приобретает доверие клиентов и кредиторов. Он часто у соседей-лабочников берет в долг пужный ему товар и материал. Предпочитает работу на заказ, но в свободное от срочных дел время приготавливает товар и на рынок»⁵⁵.

В селениях также были ремесленники, обслуживавшие потребности своих односельчан. Сельские ремесленники отличались меньшей специа-

⁵³ В сел. Малыбай, Карамской волости, не имели скота 21,21% хозяйств («Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 176); во 2-м районе Джаркентской волости — 24,62% (там же, стр. 61). По Джаркентскому уезду не имели скота около 13% хозяйств, по Верненскому уезду — около 11,5% («Материалы по обследованию...», т. V, ч. II. Таблицы. СПб., 1914, стр. 611, 921. Исчисление в процентах сделано автором).

⁵⁴ «Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 35.

⁵⁵ Там же, стр. 35.

лизацией. Кузнец делал различные металлические предметы и орудия труда, ковал лошадей. Плотник, помимо приготовления деревянных частей дома и мебели, занимался вытачиванием посуды и т. д. Ремесленники работали у себя на дому, иногда имели мастерскую и одного-двух помощников.

В некоторых селениях имели большое значение кустарные промыслы. Так, распространено было плетение циновок из камыша «бора» (берданы). Этот промысел был принесен земляческой группой Байтокай, занимавшейся им в Илийском крае. Байтокайцы в основном поселились в селении Байсеит (нынешний Чиликский район), где плетением бердан стали заниматься почти все семьи. У одних это служило подспорьем основному занятию — земледелию. Другие, забросив сельское хозяйство, занимались только промыслом.

Промысел носил семейный характер. Им обычно занимались дома все члены семьи, начиная от детей 6—8-летнего возраста.

* * *

Уйгуры, переселившиеся в Ферганскую долину, в основном обосновались в ее восточной части, наиболее гористой, в долинах по рекам Кара-Дарье и Нарыну. В начале XIX в. там было еще довольно много свободных земель. Природные условия этих районов очень благоприятны для земледелия, которое, за исключением предгорий, где вызревают богарные посевы, возможно лишь при условии искусственного орошения. Места, где проживают уйгуры, довольно богаты водой.

Поселения уйгуров расположены на крупнейших арыках, выведенных из Кара-Дарьи: Шаарихан-сай, Андижан-сай, Улугнар с левого берега, Чек-Наср-эддин-бек, Кокан-Кишлак, Сазы, Хакыл-Абад, Хайрабад — с правого. Магистральные арыки достигают 60—100 км в длину и орошают целые районы. От них отходят крупные ответвления — на отдельный район или на группу сел, затем отводы на поля одного селения и на его участки. К полям воду проводит «окарык», от него идут мелкие арыки к участкам полей — «чэкарык». Ирригационная система требовала ежегодных работ по очистке и исправлению арыков. Помимо весенних работ по расчистке каналов, ежегодно летом приходилось ремонтировать магистральные арыки, нередко страдавшие от летнего паводка.

Переселенцы-уйгуры первоначально возделывали преимущественно зерновые культуры — озимую пшеницу, рис, просо, ячмень. Много сеяли джугары. Поле было довольно пестрым, так как до середины XIX в. при господстве в основном натурального хозяйства оно должно было доставлять все необходимое. Ячмень и люцерну сеяли главным образом на корм лошадям. Из технических культур возделывали масличные (кунжут и коноплю) и хлопок местных сортов — «жайдары гоэ». Многие хозяева имели небольшие посадки бахчевых культур, фруктовых садов и огородов. Правильный севооборот в полеводстве отсутствовал.

С 70—80-х годов XIX в. в Фергане происходит быстрый процесс капитализации, изменивший порядок землепользования, экономику, весь характер хозяйства. В начале XX в. от общинного землевладения остались лишь незначительные пережитки. Вся удобная земля находилась в подворном владении. Владелец мог распоряжаться ею без всяких ограничений.

Общинная форма землевладения сохранялась на неорошенных землях, занятых под выгоны. Эти земли считались в общем пользовании одного или даже нескольких кишлаков. При распашке неорошенной

земли каждый мог взять себе любой участок и владел им, пока его возделывал. Размер запашки определялся мощностью хозяйства, поэтому богатые хозяева имели возможность захватить в свои руки большие участки земли⁵⁶.

Прежний натуральный тип хозяйства к концу XIX в. исчез, сельское хозяйство полностью подчинилось рыночным отношениям. Посевы американского или египетского хлопка, увеличиваясь год за годом, вытесняли прежние основные культуры — рис и пшеницу.

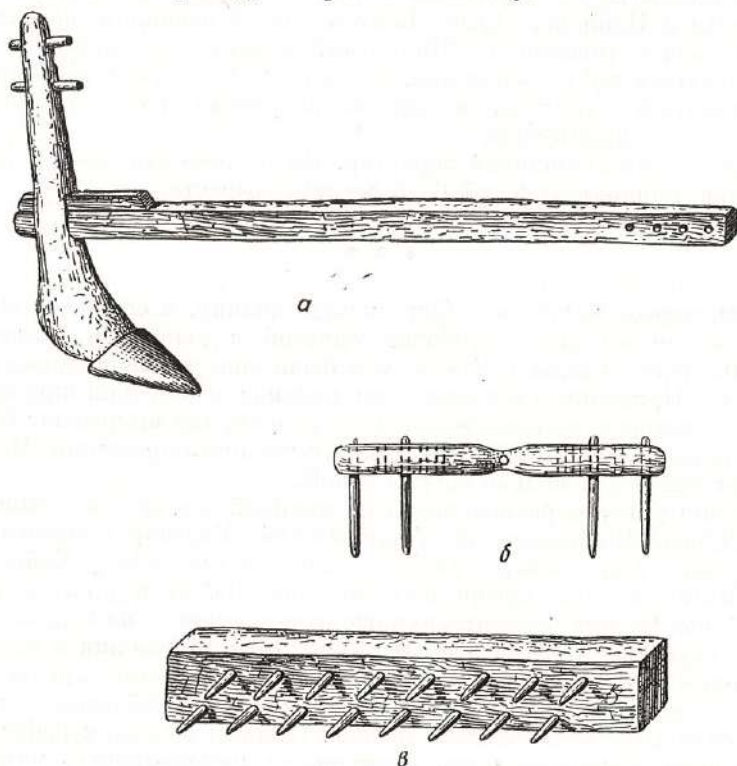

Рис. 3. Старинные сельскохозяйственные орудия ферганских уйгуров:
а — соха «омач», б — ярмо «боюнтурук», в — борона «мала»

Среди ферганских хлопководов орудовали хлопковые фирмы, снабжавшие хозяйства деньгами под будущий урожай хлопка на необходимые затраты (покупка удобрений, наем рабочих). Должник обязывался не только отдать долг хлопком-сырцом по установленной цене, но и продать остальной хлопок той же фирме. Неурожай приводил к разорению массы беднейших хозяйств, которые или совсем лишались земли, скупаемой кулаками-баями, или попадали в долговую кабалу к торговой фирме или ростовщику. Результатом было далеко зашедшее расслоение в кышлаке⁵⁷.

Капиталистическая эксплуатация в земледелии выступала в отсталых формах издольной аренды (чайрикерство), реже нанимали «каралов» (батраков на 1 год), платя им деньгами и натурой. Много было сезонных рабочих, которых нанимали даже чайрикеры для уборки хлопка. В их числе

⁵⁶ «Хозяйство сартов Ферганской области». Ташкент, 1911, стр. 17.

⁵⁷ «Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г.». М., 1924, стр. XXIX.

немало было кашгарских уйгуров, приходивших на заработки. Некоторые из них оставались в Фергане навсегда.

Сельскохозяйственные орудия уйгуров Ферганы (рис. 3) не отличались от узбекских. Для пахоты служил «омач», по устройству очень похожий на соху семиреченских уйгуров. Разница заключалась в том, что регулятором глубины служила различная длина дышла (ярмо прикреплялось к дышлу то ближе, то дальше от корпуса сохи, отчего изменялся угол ее наклона к земле). На острый деревянный конец сохи надевали чугунный лемех, но иногда пахали и без лемеха. Землю выравнивали тем же омачом, положенным на бок, или «малой»⁵⁸, представлявшей собой бревно с укрепленными в нем деревянными заостренными колышками или доску, набитую железными гвоздями. При бороновании на малу для увеличения тяжести обычно становился человек. Серп — «орак» по форме походил на русский, довольно изогнутый и с короткой рукояткой. Молотьбу производили молотильным камнем — «таш» многогранной или звездчатой формы в поперечнике. В отличие от семиреченского, он не имел деревянной рамы, поэтому постромки привязывали к железным полуосям.

Скота у ферганских уйгуров было еще меньше, чем у уйгуров Семиречья, так как выпасы почти отсутствовали.

Подсобную роль в хозяйстве ферганских крестьян, в том числе и уйгуров, играло шелководство. Выведением шелкопряда занимались почти исключительно женщины. Приемы шелководов были чрезвычайно примитивны: так, червей выводили из грены, согревая ее теплом собственного тела. Для выкармливания их раскладывали на плоские корзинки, а потом перекладывали на циновки. Особых помещений для выращивания шелкопряда не было, червей держали в комнатах, реже в конюшнях. Созревшие коконы продавали, не замаривая, ремесленникам-шелкомотальщикам, обычно через посредство скупщиков⁵⁹.

Очень славились уйгуры своим кулинарным искусством (пекари, повара в открытых на базарах «ашхана», мельники, чайханщики). До сих пор в городах Андижане и Оше существует своеобразная монополия уйгуров (иногда недавних переселенцев) на эти профессии. Были среди них также кузнецы⁶⁰, ткачи, ювелиры, плотники и другие специалисты.

В селениях были мельники, маслоделы, кузнецы, плотники, портные, специалисты по постройке домов, ювелиры, медники, ткачи. Широко было развито прядение хлопка, которым занимались женщины.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране и последующее социалистическое строительство обеспечили коренные перемены во всем жизненном укладе народов Советского Союза, в том числе и уйгуров.

Проникновение при царизме капиталистических отношений в хозяйство уйгуров сопровождалось очень слабым прогрессом в технике земледелия и ремесла. Оно не могло повысить материальный уровень жизни трудящихся, а, наоборот, вело к обнищанию основной массы населения. Разорвавшиеся крестьяне не могли улучшить технику обработки полей. Для

⁵⁸ «Мала» такого же типа употреблялась в Западной Кашгарии.

⁵⁹ См. «Хозяйство сартов Ферганской области», стр. 55—56. Однако, по рассказам пожилых колхозников Андижанского района, уйгуры в этом районе давно занимались шелководством, причем сами получали грену и сами же замаривали коконы кипятком, разматывали на «чархе» (прядильном колесе) и продавали.— Полевые записи автора, 1948.

⁶⁰ В сел. Кашгар-Кипшлак Опского района целая улица (Темуркуча) получила свое название от живших на ней кузнецов.— Полевые записи автора, 1948 г.

кулацко-байской верхушки, заправлявшей в селениях, было характерно крайне хищническое использование земли. Пережитки патриархально-феодалных отношений, наряду с далеко зашедшим имущественным расслоением в кишлаке, противоречие между значительной концентрацией земель в руках капитализирующейся верхушки и низкой, рутинной техникой ведения хозяйства — привели к тяжелому кризису сельского хозяйства, особенно сильно сказавшемуся в Ферганской долине.

Империалистическая война, восстание 1916 г., гражданская война, басмачество — тяжело отразились на экономике Семиречья и Ферганы. Остро ощущался недостаток рабочего скота и инвентаря, многие бедняцкие хозяйства перешли к обработке полей вручную. Это в свою очередь снизило размеры посевных площадей. Так, в Кокан-Кишлакской волости Кокандского уезда в середине 20-х годов обработанная земля составляла около 30% площади наделов⁶¹. В Семиреченской области площади запашек в 1917—1920 гг. сократились на 51,67%⁶².

Ряд аграрных мероприятий был проведен Советской властью в исключительно трудных условиях. Крупнейшим из них была земельно-водная реформа, осуществленная в 1921—1922 гг. в Семиречье и в 1923—1924 гг. в Фергане, способствовавшая изживанию тяжелого кризиса в хозяйстве. Советская власть, наделив землей бывшие бедняцкие и батрацкие хозяйства, подорвала экономическое и политическое засилье кулаков и баев, помогла беднейшим хозяйствам подняться, бесплатно снабдила их инвентарем и рабочим скотом.

Крупнейшую роль в перестройке сельского хозяйства нашей страны сыграла индустриализация, явившаяся базой дальнейшего социалистического строительства. Решающий перелом в сельском хозяйстве произошел в результате сплошной коллективизации, подготовленной всей предыдущей экономической политикой Советского правительства и Коммунистической партии.

Вместе со всеми народами Советского Союза уйгуры включились в строительство социализма в нашей стране. Первые уйгурские колхозы были основаны после проведения земельно-водной реформы; организаторами их выступили бывшие батраки, получившие землю от советской власти. Вначале обычно организовывались ТОЗ'ы (товарищества по обработке земли), впоследствии преобразовавшиеся в сельскохозяйственные артели.

Так, в 1928 г. в кишлаке Пишман (ныне Уйгурский сельсовет Пахтабадского района Андижанской области) организовался колхоз «Кзыл Аскер», объединивший 22 батрацких хозяйства, обобществивших свои земли и рабочий скот. Организатором его был бывший батрак Исмаил Якубов, он же стал первым председателем колхоза. Колхозники получили денежную ссуду сроком на 5 лет, им была добавлена земля. Купив 4 лошадей и быка, они, засеяв землю хлопком, стали обрабатывать ее сообща. Весь хлопок сдавали государству⁶³.

С 1930 г. в уйгурских районах коллективизация происходила очень быстро. Незадолго перед этим проведенная земельно-водная реформа не могла не повлиять на трудящееся крестьянство как могучее средство агитации. Большинство бедняцких хозяйств охотно шло в колхозы. Организаторами колхозов выступали коммунисты. Примером может служить история колхоза, организованного возле станицы Иссык (Энбекши-Казахский район).

⁶¹ А. Давыдов. Кокан-Кишлакская волость перед земельной реформой. Ташкент, 1926, стр. 84.

⁶² А. Б. Турсунбаев. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950, стр. 35.

⁶³ Полевые записи автора, 1948 г.

Раньше его члены работали в качестве батраков у русских кулаков Иссыка. В 1922 г. здесь был организован союз кошчи. По земельно-водной реформе батраки получили земли, отобранные у кулаков, и в 1924 г. образовали селение Ходжалук в 50 дворов. В 1930 г. в селении, переименованном в «Уйгур», возник колхоз; организатором его был коммунист Ибдымин Ахмедов. В колхоз вступили сразу все хозяйства. В 1929—1934 гг. подавляющее большинство уйгуров-земледельцев объединилось в колхозы.

Рис. 4. Сушка табака. Чиликский р-н Алма-Атинской обл.

В колхозах ферганских уйгуров главной культурой является хлопок, посевы которого в Андижанской области занимают 60—70% площади полей. На остальной площади высевают зерновые (озимые — пшеницу и ячмень, рис), люцерну, кукурузу, джугару. В пригородных колхозах большие участки полей отводят под овощи, картофель и бахчевые культуры. Большинство колхозов имеет молодые фруктовые сады.

В полеводстве уйгурских колхозов Казахстана главную роль играют зерновые культуры: пшеница, ячмень, просо, овес, местами (главным образом в Уйгурском районе) рис. Немалое место занимают технические культуры: желтые табаки (рис. 4) (Чиликский и Энбекши-Казахский районы), подсолнечник, лекарственный мак (Уйгурский район), сахарная свекла (Панфиловский район). На полях отводятся небольшие участки под овощи, картофель, бахчи (арбузы и дыни). За исключением нескольких колхозов Уйгурского района, расположенных слишком высоко в предгорьях, всюду имеются обширные сады.

Важную роль в подъеме земледелия сыграло в плановом порядке проведенное Советской властью улучшение и расширение оросительной системы. Переделка старых арыков, устройство плотин и шлюзов на головных артериях, укрупнение поливных карт, произведенное после объединения

уйгуров в колхозы, — способствовали значительному улучшению снабжения водой колхозных полей, создавая даже некоторые излишки воды для орошения неполивных земель. Весной 1947 г. по инициативе комсомольцев Чиликского района (уйгуров и казахов) был проведен второй Корамский канал из реки Чилик, оросивший более 2,5 тыс. гектаров (рис. 5). В Фергане в послевоенные годы развернулось грандиозное строительство Фархадского канала, в котором приняли участие и уйгурские колхозы.

В первое время после коллективизации обработка полей производилась старым уйгурским инвентарем, но вскоре появились конные железные плуги, бороны и простые уборочные машины. Первые МТС были организованы в 1929 г., в 1931—1934 гг. МТС появились во всех районах. Число тракторов росло. В инвентаре колхозов появились конные и тракторные молотилки, косилки и жнейки, опрыскиватели, культиваторы и т. д. С 1935 г. стали распространяться комбайны. Из среды уйгуров-колхозников выросли кадры механизаторов — трактористов, комбайнеров, машинистов и т. д. По сравнению с дореволюционным временем резко повысилась урожайность зерновых и технических культур.

Все полевые работы проводятся под наблюдением агротехников и агрономов, работающих в МТС и колхозах. Да и сами колхозники-полеводы, постоянно работая над возделыванием определенных культур, приобретают агротехнические знания, становятся профессионалами. В зимнее время, наиболее свободное от работ, многие колхозники занимаются на вечерних агротехнических курсах, получая минимум знаний, уже становящийся необходимым для успешной работы рядового колхозника.

За годы колхозного строительства очень возросла роль животноводства в хозяйстве уйгуров, изменился его характер. В Казахстане в большинстве уйгурских колхозов животноводство является, наравне с полеводством, ведущей отраслью хозяйства. Государство предоставило уйгурским колхозам огромные массивы пастбищ, лугов, сенокосов. В хозяйстве ферганских колхозов животноводство отстывает на второй план, поскольку там значительно меньше пастбищных угодий.

В настоящее время уйгурские колхозы обладают большим поголовьем продуктивного скота. Первое место по численности занимают овцы, затем крупный рогатый скот и лошади. В колхозах организованы фермы — овцеводческие, коневодческие, молочнотоварные; передовые колхозы имеют также свиноводческие фермы и птицефермы.

В уйгурских колхозах используют отгонно-пастбищную систему; пастбища разбиты на три категории — осенне-весенние, летние и зимние. Летние («джайляу») расположены высоко в горах, зимние — в долине реки Или (Уйгурский район), в песках Прибалхашья (Чиликский и Энбекши-Казахский районы). Ферганские колхозы, не имеющие своих пастбищ, отгоняют скот на лето в Киргизию, где им отведены участки земель Государственного фонда (в 80—100 км от колхозов). В Казахстане летовки обычно довольно близки от селений (20—30 км). Ряд колхозов Энбекши-Казахского и Чиликского районов имеет летние выгоны в плодородной высокогорной долине Ассы, где раньше паслись стада только богатых аулов. Для животноводов там устроен постоянный культурный центр с рядом общественных построек и магазином. Он сообщается с колхозами автомобильной дорогой.

Зимние пастбища расположены далеко от колхозных сел, на расстоянии от 50 до 200 км. По дороге к ним колхозы устраивают пункты с запасами кормов, с водопоями для скота. На зимовках за последние годы развернулось строительство крытых помещений для скота, сараев для хранения кормов, жилых домов для животноводов.

Рис.5 . Оросительный канал в Чиликском р-не Алма-Атинской обл.

С 1945 г. на зимних отгонах разворачивается строительство межколхозных культурных центров, имеющих целью улучшить бытовое и культурное обслуживание животноводов-отгонщиков. Там имеются клубы, бани, больницы, ветлечебницы, гостиницы для животноводов, домики для специалистов и т. д.

На летних выпасах животноводы живут в юртах и палатках, на зимовках имеются теплые дома. В животноводстве уйгурских колхозов используется опыт киргизов и казахов. В большинстве колхозов имеется несколько семей казахов или киргизов, которые преимущественно и работают в животноводстве. Однако в животноводческие бригады входит много уйгуров. Семиреченские уйгуры заимствовали у казахов некоторые способы приготовления молочных продуктов, научились изготовлению кумыса.

В уйгурских колхозах Ферганы (Андижанская и Ошская области) большое значение имеет шелководство. Колхозные шелководы, организованные в бригады, получают с грепажных фабрик коробки с выведенными гусеницами шелкопряда и выкармливают их до завивки в коконы. Выкармливают их обычно на дому, вначале в плоских корзинах («сават»), застланных тряпьем, затем на циновках, разложенных на деревянных помостах — «чортая». Коконы сдают на шелкомотальные фабрики. Разводится главным образом багдадский шелкопряд.

Большую роль в организации производства, в борьбе за повышение производительности труда играют партийная организация колхоза и ее помощник — комсомол. Партийные организации имеются во всех колхозах. Они небольшие, но их направляющая роль очень велика. Коммунисты и комсомольцы являются организаторами социалистического соревнования, инициаторами многих начинаний. Партийная организация так составляет свои силы, чтобы ни один ответственный участок работы не остался без коммуниста.

Широко развернуто социалистическое соревнование между бригадами, звеньями и между отдельными колхозами. Соревнующиеся бригады и колхозы устраивают взаимопроверку выполнения социалистических обязательств. Для проверки приезжает комиссия, состоящая из руководителей колхоза и лучших колхозников. Результаты проверки групповых и индивидуальных социалистических обязательств публикуются в стенгазете, боевых листках, на Доске Почета.

Интенсификация хозяйства, увеличение доли технических культур и животноводства, мощная сельскохозяйственная техника, новая организация труда — способствуют повышению производительности труда и росту доходности колхозного хозяйства. Многие уйгурские колхозы получают миллионные доходы от реализации своих продуктов. Колхозы-миллионеры имеются и в Фергане, и в Казахстане, например крупнейшие хлопководческие колхозы — им. Сталина (Пахта-Абадский район) и «Сталинчи» (Ленинский район) Андижанской области, табачно-зерновые и животноводческие колхозы — «Кадаш» (Чиликский район), «Элегек» (Уйгурский район) и др.

Высокие доходы колхозов позволяют им вести крупное строительство производственных помещений, колхозных электростанций, культурно-бытовых и общественных зданий, новых жилых домов колхозников. Так, в 1953 г. на бюджете колхоза им. Калинина, Чиликского района, было 1400 тыс. руб. Колхоз построил новый клуб, радиоузел, здание для магазина. За этот год 83 колхозных семьи справляли новоселье. Колхоз снабжается электроэнергией, используемой в производстве и в быту⁶⁴.

⁶⁴ В. Бирюков. Новый день. «Казахстанская правда», 1 января 1954 г.

Большое значение в дальнейшем развитии общественного производства и повышении материального и культурного уровня колхозной жизни играет электрификация колхозов. В 1952 г. закончилось строительство и пуск в эксплуатацию мощной Иссыкской гидроэлектростанции, чем завершилась сплошная электрификация Эмбекши-Казахского района, первого по Алма-Атинской области. Близки к завершению сплошной электрификации Уйгурский и Чиликский районы. Помимо мелких колхозных электростанций в Уйгурском районе построена крупная Чарынская ГЭС, дающая ток нескольким колхозам и районному центру. Электричество прочно входит в быт уйгуров.

Вместе с ростом общественного производства и повышением доходов колхоза растет и благосостояние колхозников. Колхозники получают на трудодни по несколько килограммов зерна, 2—3 и больше руб. деньгами, кроме того, мясо, молоко, овощи. В передовых колхозах оплата трудодня возрастает до 5—6 кг зерна и 4—5 руб. деньгами, не считая других продуктов.

Бюджет колхозников дополняется доходами с личного хозяйства. Каждая колхозная уйгурская семья обрабатывает на приусадебном участке огород, нередко фруктовый сад, имеет небольшое количество скота — коров, коз, овец, иногда лошадь и домашнюю птицу.

Уйгуры — искусные огородники и садоводы. Участок земли, отводимый под огород, уйгуры называют «кокпатлык», или «ушаклык», под бахчи — «когунлук». В огородах выращивают морковь — «сэвзэ», лук — «пияз», свеклу — «кызылча», редьку (семир. — «чамгур», ферг. — «туруп»), репу, тыкву — «кава», картофель («карточка» — ферг.)⁶⁵, помидоры. Кроме того, сеют перец, чеснок, анис и различные душистые травы, используемые в качестве приправы к кушаньям. Бобовые преимущественно высевают в полях.

Огородные гряды у уйгуров Казахстана бывают двух видов: 1) «чөнэк» — небольшие валики, шириной в 30—35 см, 2—3 м длиной, отделенные один от другого канавкой для прохода воды. Овощи на них сажают по склонам, повыше той линии, куда доходит вода, которая таким образом смачивает только корни растений; 2) «тахта» — плоские площадки величиной в 3—4 кв. м, орошаемые путем залива водой всей площадки. Эти грядки требуют меньше работы, но делать их можно только на мягкой, рыхлой земле, не дающей корки. Рядом с огородом устраиваются бахчи. Для арбузов и дынь делают широкие и плоские гряды — тахта, отделяемые друг от друга канавкой. Корни арбузов, дынь, тыкв располагаются по склонам канавок, плети выпускаются на середину гряд, чтобы их не замочила вода.

Ферганские уйгуры под овощи устраивают неширокие и небольшие грядки «агэт», для бахчей — широкие и плоские «джияк», орошаемые одним небольшим арыком, зигзагообразно обходящим эти грядки. Для обработки земли и разделки гряд пользуются кетменем. Семиреченские уйгуры употребляют перенятую у дунган маленькую лопатку «чэнчээ», которой выпалывают траву и окучивают каждое растение.

Овощи и бахчевые культуры составляют существенное добавление к столу колхозников, частично они идут на продажу. В большинстве случаев у уйгуров сохранились сорта овощей, привезенные из Кульджи. Уйгуры культивировали разнообразные сорта бахчевых культур: дынь, арбузов, тыкв. Пантусов насчитал у «тарапчей» 16 пород дынь. Большую роль в уйгурской кухне играет тыква «кава», которую уйгуры ценят выше

⁶⁵ Картофель появился на полях уйгуров еще до революции, по устным сообщениям — 50—60 лет назад.

картофеля. На каждом огороде растет их несколько сортов, например «турпап кава», «кара кава», «манта кава» (последняя идет на изготовление начинки для мантов, отсюда ее название), «мэшуру кава» — с красивой кожей, расцветка которой похожа на китайскую ткань «мэшуру», и ряд других. Не менее разнообразны бахчевые культуры в Фергане.

Почти все уйгурские колхозники выращивают на усадьбах плодовые деревья. Особенно славятся садами Энбекши-Казахский и Чиликский районы Алма-Атинской области. В Семиречье уйгуры, отводя под сад отдельный участок, засаживают его яблонями, грушами, урюком, сливами, местами виноградом, кроме того, сажают джиду, вишни, черешни. Главные плодовые культуры ферганских садов: виноград различных сортов, персики — «шаптула», абрикос — «ўрўк», гранаты — «анар», в меньшем количестве сливы, вишни, яблоки, груши. В Фергане, как правило, для плодовых деревьев не выделяется особого участка, деревья рассаживают по арычку, орошающему усадьбу и обычно проходящему вдоль стен двора. Виноградник (2—3 куста) сажают возле дома, перед фасадной стеной, и на лето подымают на деревянную раму; при этом он образует беседку перед домом, называемую «чалла». С потолка ее свешиваются грозди винограда, к осени на них надевают мешочки, спасая от воробьев. На зиму виноградные лозы кладут на землю и сверху прикрывают землей.

* * *

За годы Советской власти большинство городских ремесленников-уйгуров объединилось в артели или работает в мастерских. Так, в г. Панфилове была создана артель берданщиков (изготавливающих циновки), в которую наряду с уйгурами вошли и русские. В мастерских Алма-Аты работает много уйгурских ковровщиц и вышивальщиц. Однако часть ремесленников — сапожники, ювелиры, медники, пекари, портные — до сих пор работают в одиночку в г. Панфилове, Оше, Андижане и в районных центрах, где имеются базары (например, в Кокан-Кишлаке Андижанской области).

В селениях все ремесленники вступили в колхозы или также организовали артели. Так, в сел. Чарын (Уйгурский район) есть артель сапожников.

В колхозах имеются мастерские и подсобные предприятия — мельницы, маслодельни, рисорушки, кузницы, плотничьи мастерские по выделке повозок. Помимо того, в колхозах обычно есть специалисты по кладке кирпичных или глинобитных стен, жестянщики и т. д.

Колхозные подсобные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственных продуктов (мельницы, рисорушки, маслодельни) сохраняют много архаичного в своем устройстве.

Мельницы (семир.— «тунгмэн», ферг.— «тегирман») устраиваются на арыках. Вода по деревянному желобу направляется на мельничное колесо, представляющее выточешную из дерева втулку со вставленными в нее деревянными, слегка выдолбленными лопастями. Лопасты стоят в вертикальной плоскости, а колесо вращается в горизонтальной. Вместе с колесом вращается вертикальный железный вал, приводящий в движение верхний жернов⁶⁶. Зерно сыплется на жернова из деревянного бункера.

⁶⁶ В Кульдже существовали мельницы более примитивного устройства, с вращающимся нижним жерновом, верхний же подвешивался к потолку мельницы на веревках (Д. Федоров. Опыт военно-статистического описания Илийского края, ч. II. Ташкент, 1903, стр. 35).

Для регулирования тонкости помола имеется особое приспособление — «кулак», с помощью которого поднимают или опускают верхний жернов. Чаще всего устраивается одноставная мельница. Встречаются мельницы более сложного устройства с двумя парами жерновов, устанавливаемых рядом с веялкой, также приводимой в движение водой. Уйгурская одноставная мельница в сутки смальывает 8—10 ц пшеницы или 4 ц кукурузы⁶⁷.

Изготовление растительного масла прежде имело очень широкое распространение у уйгуров. В Семиречье уйгуры изготовляли масло из смеси

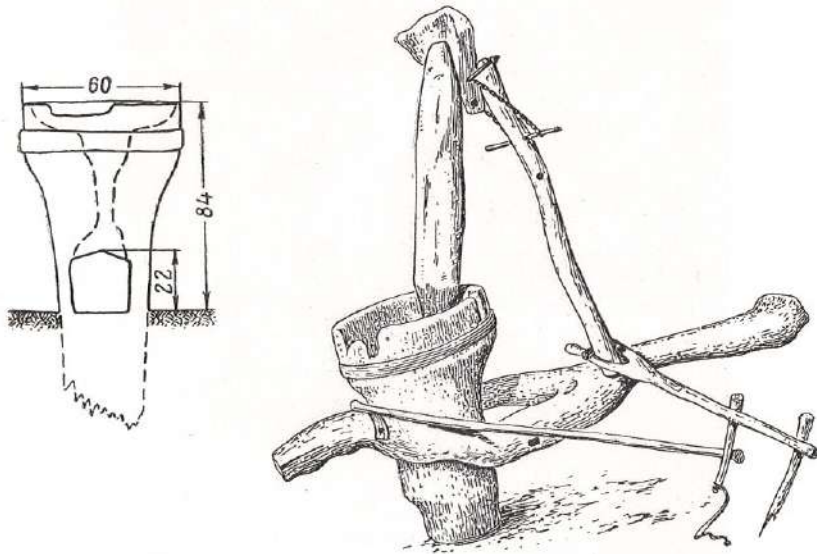

Рис. 6. Маслодельня «джугаза» семиреченских уйгуров

семян конопля, горчицы, мака, льна, из косточек урюка, а также из кунжута; основу составляло горчичное и конопляное семя.

В настоящее время маслоделие почти исчезло у семиреченских уйгуров, лишь у немногих сохранились старые маслодельни «джугазы» (рис. 6). Джугаза представляет собой ступу, выдолбленную из части ствола дерева, врытого на 1,5—2 м в землю колом вверх. Верхняя часть его (ступы) возвышается над землей на 90—100 см. В ступе ходит пест, выточенный из бревна. К песту сверху прикреплен развилок, на который кладется груз из камней и приделана оглобля, для впрягания осла или лошади. Масло стекает по стенкам ступы вниз, где имеется небольшое отверстие для его вычерпывания. В ступу можно положить одновременно до 8 кг семян, из которых получают 1—1,5 кг масла. В день джугаза может выжать до 20 кг масла⁶⁸.

⁶⁷ Полевые записи автора, 1948 г.

⁶⁸ Материалы антрополого-этнографической экспедиции в Казахстан, 1947 г. Архив Ин-та этнографии АН СССР. В Кульдже маслодельня такого же устройства (см. Муравьев и Палюкайтис. Кустарная промышленность Кульджинского района. Сб. «Рынки Востока», 1933, стр. 47). Наряду с этим существует другой способ выжимания масла, более усовершенствованный: зерна растираются жерновыми, затем укладываются в деревянные ящики с плотной крышкой, где происходит выжимание масла (там же).

В Фергане в каждом колхозе добывают масло из хлопковых семян, к которым добавляют конопляное семя, кунжут, косточки урюка. Обычно засыпают 3 кг хлопкового семени — «чигит» и 7 кг конопляного — «зыгыр», из этого получают 2,5 кг «зыгыр-яг». Делают масло и из одного хлопкового семени, а также с добавлением ореха.

Рис. 7. Маслодельня «а-жуваз» ферганских уйгуров

В Фергане маслодельня «жуваз», или «май-жуваз» по устройству лишь немного в деталях отличается от семиреченской. Другой тип ферганской маслодельни — «а-жуваз» приводится в движение водой (рис. 7). Ставят его на арыке. Двигательный механизм состоит из круглого горизонтального вала (бревна), на один конец которого наколочены четыре доски, образующие нечто вроде восьмиллопастного колеса. Воду на колесо подводят деревянным желобом. На другом конце вала насажено зубчатое колесо, вращающее горизонтальный, сбитый из досок, круг. Он приводит в движение пест, который ходит в выдолбленной из дерева ступе, врытой в землю.

Рисоружки в Семиречье устраивают в виде толчеи на мельнице. В Фергане рисоружки имеются в каждом колхозе, они также приводятся в движение водой. Основную часть рисоружки составляют деревянные молотки или песты — «сап», опускающиеся в долбленные деревянные корытца с рисом. «Молотки» представляют собой бревнышки в 60—80 см длиной, прикрепленные под прямым углом к концу осей — «ок» больших круглых

балок, укрепленных подвижно, так, что передняя часть с молотком перевешивает, для чего к ней привязывают груз в виде чугунной болванки. Нижний конец соприкасается с толстым бревном — вращающимся валом, устроенным так же, как в маслобойке а-жуваз. Вал, вращаясь, при помощи небольших выдающихся зубцов то опускает нижний конец осей ок, подымая верхний с молотком, то опускает его, и тогда верхний конец перетягивает и молоток ударяет в корытце с рисом. Конец молотка, бьющий рис, окован железом⁶⁹.

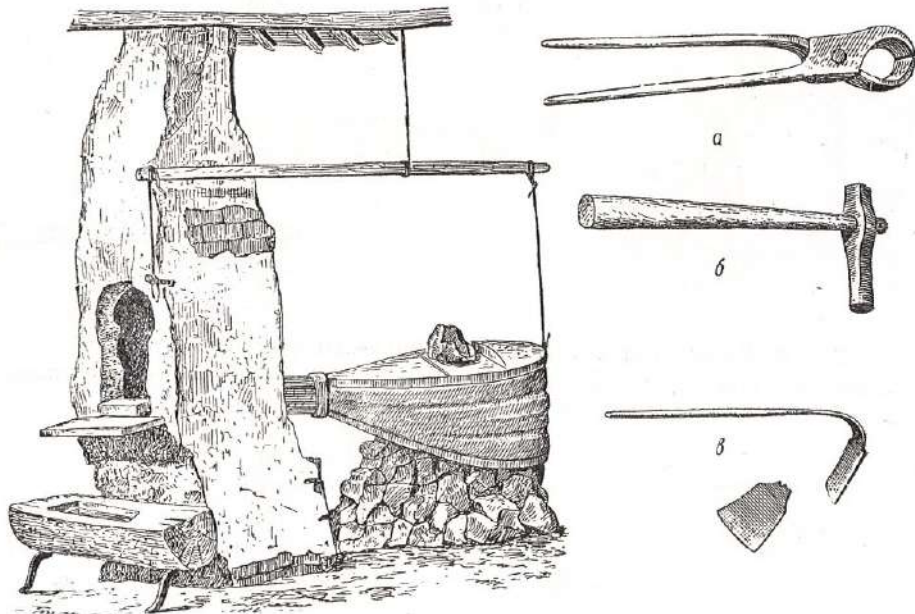

Рис. 8. Кузнечный горн семиреченских уйгуров и инструментарий кузнеца:

а — щипцы «амбур», б — молоточек «болка», в — среброк для расчистки конских копыт «синтораш»

Основной инструментарий в уйгурских колхозных мастерских — фабричного производства, но еще сохраняется и местный — уйгурский и узбекский. Во многих случаях колхозные мастера переняли свою профессию по наследству от отца, унаследовав старые орудия и навыки труда.

Уйгурский кузнечный горн — «очак» — высокая глинобитная печь (рис. 8). Воздух подается мехами — «дэм», сшитыми из бараньих шкур. Меха приделаны сзади горна, их двигают при помощи деревянных ручек. Перед горном на деревянном, врытом в землю обручке (семир. — «кѳтак», ферг. — «чопкунда») укреплен наковальня — «сандал». Для изготовления гвоздей пульзуются особой наковальней, имеющей посредине готовую форму для гвоздя (рис. 9). Инструменты кузнеца не очень разнообразны: тяжелая кувалда дляковки «базган», средний молоток для подковывания лошадей (семир. — «болка», ферг. — «болга»), клещи для вынимания железа «от амбур», клещи для подков — «така амбур», резец для чистки копыт (семир. — «синтораш»,

⁶⁹ В Кашгарии повсюду употребляются рисорешки такого же типа (см. K. Fütterer. Durch Asien. Berlin, 1901, S. 114). Автор описывает рисорешку в Маралбаши, к описанию приложен рисунок.

ферг.— «сигторач»), род долота, при помощи которого проделывают бороздки на подковах,— «испира», зубило «калэп», напильник — «екэк».

Плотничья колхозная мастерская также имеет много старых уйгурских инструментов (рис. 10). Для обработки дерева уйгуры пользуются набором топоров. Самый большой из них — «бэйгэн» (семир.) или «байтиша»

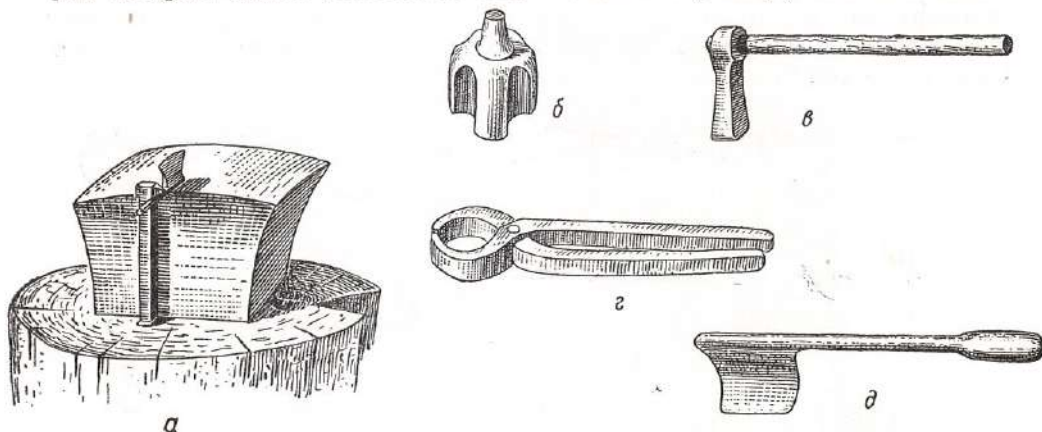

Рис. 9. Наковальня и кузнечные инструменты ферганских уйгуров:

а — наковальня «саидал», б — наковальня для изготовления гвоздей, в — кувалда «базгап», г — клещи «самбур», д — долото для нанесения бороздки на подкову «испира»

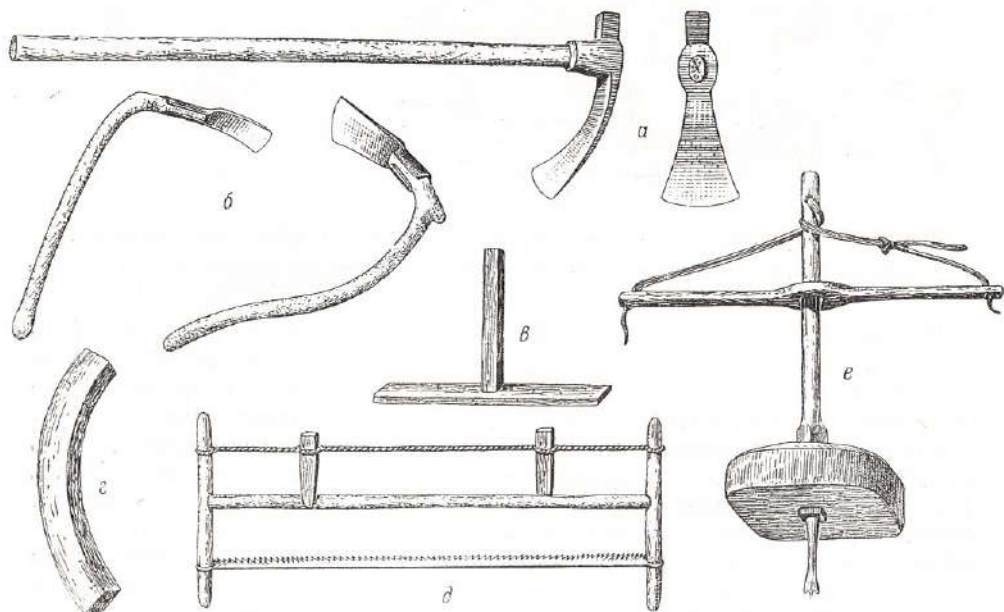

Рис. 10. Плотничьи инструменты семиреченских уйгуров:

а — топор «бэйгэн», б — тесло «кэпэ», в — линейка «чиза», г — мерка для выделки колеса «үйгэ», д — пила «пэнхэрэ», е — сверло «ушкэ»

(ферг.). Его металлическая часть, литая, с отверстием внутри и закраинами снизу, пасаживается на тяжелый деревянный обух, скрепленный с прямой деревянной ручкой. Этим орудием обтесывают бревна и доски. Средний по величине топор (семир.— «кэкэ», ферг.— «тиша») имеет ру-

кояточку — прямую или изогнутую, коленчатую. Лезвие также бывает прямое или вогнутое, в зависимости от его употребления. Самый маленький топорик «чот» (семир.) устроен так же, с прямой рукояткой. Все топоры — теслообразной формы, с поперечным лезвием.

Пила (семир. — «хэрэ», «пэнхэрэ», ферг. — «хара») напоминает русскую двуручную пилу, только лезвие ее перпендикулярно к плоскости рамы. Зубья пилы имеют наклон по направлению к боковой планке рамы, причем посредине их наклон меняется.

В Казахстане уйгурские мастера иногда применяют старинный способ пиления досок с оригинальным станком — «бастурук». Распиливаемую доску ставят стоймя на колоду, лежащую на полу, кладут сверху на доску деревянный катышок, а на него железную перекладину, один конец которой укреплен в стене, а на другом висит груз. Перекладина с грузом давит на доску сверху и прочно удерживает ее. Доску при этом пилят сверху вниз.

Сверло (бурав) — «ўшкэ» состоит из деревянного стержня, неподвижно скрепленного со стальным сверлом. На стержне — «сап» свободно вращается деревянная перекладина — «балдак». Ремень, привязанный к концам перекладки и продетый в отверстие верхнего конца стержня, приводит сверло во вращение. Над сверлом на стержень насажен толстый тяжелый брусок «баш».

Рубанки в мастерских преимущественно фабричного производства (общее название «рэндрэ»). В Фергане встречаются также рубанки старинного типа — «оракрэндрэ» с металлическим лезвием в виде скобы, вставленным в деревянную колодку с двумя ручками. Стамески — «искинэ» — своего и фабричного изделия; напильник для дерева — «чопса» — из железа с одной выпуклой и другой плоской стороной, покрытыми маленькими заусенцами треугольной формы. Молотки — «болка» чаще употребляются фабричные. Плотники имеют еще плотничью линейку — «чиза», обычного типа; для выделки колес употребляют мерку — «ўлгэ» в виде части окружности (деревянную). Из старинных орудий деревообделочников сохранились у некоторых колхозников ножи для вырезывания деревянной посуды — «кыргуч».

Много национальных уйгурских орудий бытует в сапожном ремесле. У некоторых сапожников, работающих в селениях, сохранились орудия, теперь уже не употребляющиеся.

3. ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ

Различия в материальной культуре двух групп уйгуров СССР наиболее ярко выступают в жилище.

В Илийском крае уйгуры жили в небольших селениях, состоящих из нескольких десятков, редко — сотни домов⁷⁰. Каульбарс называет селение — «кэнт», более известно название «йеза» (возможно, происходящее от слова «юз» — сотня), бытующее поныне. Всех селений «таранчей» в Илийском крае было около 100⁷¹.

По распоряжению генерал-губернатора Степного края переселенцы в Семиреченскую область — уйгуры и дунгане — должны были составлять селения не менее 200—300 дворов в каждом⁷².

⁷⁰ А. В. Каульбарс. Заметки о Кульджинском крае. Материалы для статистики Туркестанского края, т. III, СПб., 1874, стр. 123.

⁷¹ Там же, стр. 123—124.

⁷² «Записка о переселении кульджинских оседлых мусульман в Семиреченскую область, составленная 10/VI 1884 г. в г. Верном Н. Н. Пантусовым». Рукопись. Архив Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР.

Однако образованию больших селений в ряде мест помешали природные условия, недостаток воды и удобных земель. В результате некоторые первоначально образовавшиеся селения оказались слишком велики, и часть жителей покидала их, переходя на другие места. Так, пришлось разделиться многим селениям Джаркентской волости⁷³. При переселении на новых местах сказывалась крепкая спайка прежних земляческих групп, которые большей частью целиком составляли новое селение. Если же им приходилось поселиться вместе с представителями других земляческих групп, то каждая из них образовывала отдельный квартал села. Например, селение Чарын включало переселенцев из илийских сел Чонджи, Нилка, Мазар. По сведениям Переселенческого управления, «земляческие группы живут отдельно друг от друга и представляют собой три отдельных маленьких селения Нилка, Мазар, Чонджи в пределах одного большого Чарына. Отдельно держатся и дунгане. У каждой из этих групп населения свои мечети и школы»⁷⁴. Все большие селения (например, Байсеит, Малыбай, Карам и др.) делились на земляческие группы, имевшие особые мечети, особое управление. Административно это выражалось в делении на кварталы (пятидесятки) во главе со своими пятидесятниками («элликбеш»). Весь надел таких селений, усадебный и пашенный, делился между пятидесятками, а затем уже внутри них, так что каждый квартал составлял как бы отдельную общину.

Размеры селений уйгуров в Семиреченской области, несмотря на распоряжение, упомянутое выше, были очень различны. В местах, где условия этому благоприятствовали, возникли крупные селения, вроде Карамы, имевшего в 1910 г. 1200 дворов, Малыбая — 660 дворов, Тасты-Кора — свыше 400 дворов⁷⁵. Эти селения были расположены недалеко от торгового села Зайцевского (Чилик), в местности, удобной для орошения. На торговом тракте между Кульджей и Верным обосновалось большое селение Чарын. Наряду с этим встречались небольшие выселки по 10—20 домов⁷⁶.

Многие уйгурские селения в Семиречье были названы по имени тех селений Илийского края, откуда вышли их обитатели. Особенно характерно это было для селений Джаркентской волости (нынешний Панфиловский район). Ряд названий селений произошел от названия местности или реки, на которых они были основаны, — например Чарын, Аксу, Байн-Казак. Другие связаны с числом имевшихся в них дворов, — например выселки и т. д.

Очень характерны наименования новых селений, возникших после Октябрьской революции, — Азат (свобода), Ават (благополучие, счастье), Уйгур (Энбекши-Казахский район) и т. д.

Наблюдаются большие различия в планировке старых селений, расположенных в юго-восточном углу нынешнего Уйгурского района на территории, отошедшей к России по Петербургскому договору 1881 г., и существующих, таким образом, около 200 лет, и селений, основанных переселенцами в 1881—1884 гг.

Старые селения построены без определенного плана. Прямоугольные, обнесенные глинобитными заборами дворы, включающие все жилые и хозяйственные постройки, беспорядочно теснятся к реке и арыкам. Между заборами выются узкие кривые улочки, лишенные растительности. Вся зелень в селе сосредоточена в садах и огородах возле домов. Посредине

⁷³ «Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 4—5.

⁷⁴ Там же, стр. 97.

⁷⁵ Там же, стр. 156, 235, 334.

⁷⁶ Там же, стр. 155, 259.

селения — большая площадь, на которой прежде располагались пятничная мечеть, магазин купца, его склад.

На планировке новых селений сказалось русское влияние. Обычно они состоят из одной или нескольких широких улиц. С обеих сторон улиц проходят небольшие оросительные арыки, обсаженные деревьями (рис. 11). По такому же плану строились новые селения после революции и новые кварталы старых сел (Кальджата и других).

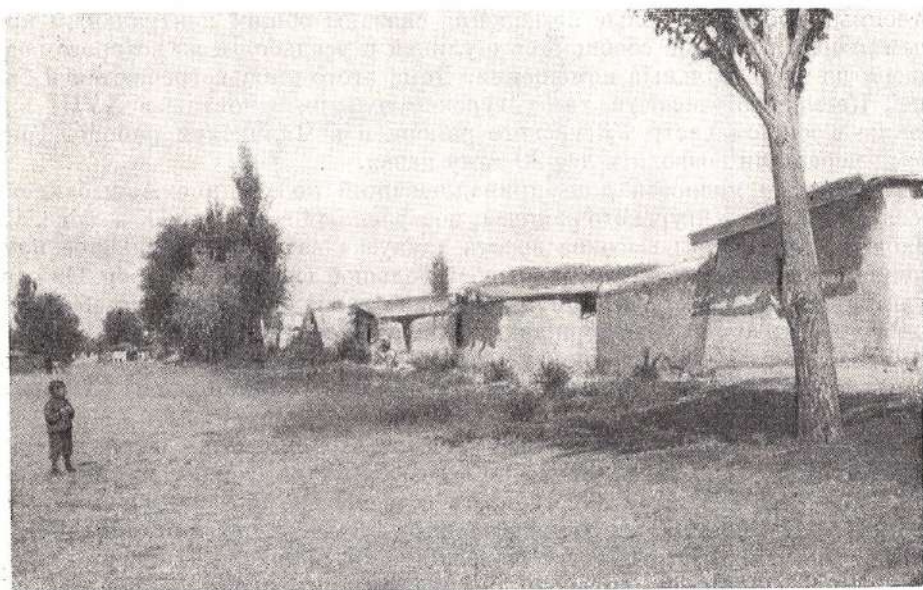

Рис. 11. Улица в уйгурском селении Б. Акеу, Уйгурский р-н
Алма-Атинской обл.

В первое время после переселения уйгуры строили себе землянки, и только через несколько лет начали возводить постоянные жилища. Благодаря значительной прочности построек, в уйгурских селениях до сих пор сохранились некоторые дома, поставленные в 80-х годах XIX в. При постройке домов использовались те же приемы, что и в Илийском крае. Большинство построек были глинобитные или из саманного кирпича. Только уйгуры земляческой группы Байтокай делали мазанки — дома с камышевыми стенками, обмазанными глиной. По объяснению П. Румянцева⁷⁷, это зависело от природных условий местности в Илийском крае, где они жили раньше. Возможно также, что байтокайцы сохраняли старинные традиции, принесенные в XVIII в. из прежнего своего места поселения в Восточном Туркестане⁷⁸.

Господствующим типом постройки у уйгуров Семиречья является дом с глинобитными стенами, верх которых заложен саманным кирпичом, с плоской земляной кровлей, держащейся на деревянных балках,

⁷⁷ «Материалы по обследованию...», т. V, ч. I, стр. 193.

⁷⁸ Техника постройки мазанок была распространена в Восточном Туркестане среди особой этнической группы, входящей в состав современных уйгуров-доланов, живущих в лесистой и порослей тростником долине Тарима, в районе Уч-Турфана — Аксу — Марал-баши до границ Яркендского оазиса (см. М. В. Певцов. Указ. соч., стр. 60).

положенных прямо на стены. Характерно отсутствие деревянного каркаса в стенах.

Жилые и хозяйственные постройки одной семьи объединяются двором, который со стороны улицы и соседних дворов отгорожен высоким (до 2 м) глинобитным дувалом. Сзади к двору примыкают сад и огород.

В планировке дома и двора обнаруживается значительное разнообразие. Можно выделить три типа планировки. К первому типу принадлежат обширные строения, объединяющие под одной кровлей жилище и хозяйственный двор. Отдельные помещения связаны общим центральным крытым двором, который сообщается с улицей и усадьбой и из которого ведут двери во все остальные помещения. Дома этого типа встречаются в бывшей Кетменской волости, где уйгурские селения основаны в XVIII в., а также в южной части Уйгурского района и в Чиликском районе. Такие дома перестали возводить лет 30 тому назад.

Типичным является дом, принадлежащий колхознице Азныбакиевой (сел. Кальджат Уйгурского района), построенный в конце XIX в. (рис. 12). Вход с улицы через высокие ворота «давуза» ведет в центральное помещение «далан», представляющее собой большой внутренний двор. Он освещен двумя окнами с деревянной решеткой, расположенными по обе стороны от ворот; кровлю поддерживают три ряда врытых в землю столбов — «түрүк». Далан служит двором, зимой здесь содержится мелкий скот, здесь же хранят сено, топливо, солому. В углу у задней стены отгорожен хлев для коровы.

Правую от ворот сторону занимает ряд помещений, двери которых выходят в далан; между собой они не сообщаются. Первое из них — «сарай» является комнатой для гостей и в то же время летним жильем; соседнее с ней «ашхана» служит в холодное время кухней и зимним жильем семьи. Летом пищу готовят во дворе. Далее расположен «амбар» — кладовая, за ней «ундук-ой» (прежде, как указывает само название, в этой кладовой хранили муку, теперь она используется для хранения топлива и других целей). По другой стороне от ворот находится комната, называемая «ходжур-кенэ»; она была построена специально для женившегося, но не выделенного сына; в настоящее время она используется как склад для различных вещей, но называют ее прежним термином и помнят ее первоначальное назначение. Напротив ворот в задней стене — дверь, выходящая на огород.

Дома этого типа варьируют по своим размерам, расположению и числу комнат, отчасти по их назначению, в зависимости от достатка их хозяев.

Некоторые особенности в планировке наблюдаются в старом доме, построенном в 1910 г., в настоящее время принадлежащем колхознице Ушуровой (сел. Байсеит Чиликского района)⁷⁹. Внутренний двор, в данном случае называемый «хойла», служит помещением для хранения топлива и сена, а также для зимнего содержания скота, летом же используется как жилье: тут работают, готовят пищу, спят. По одну сторону двора, слева от ворот, располагаются три жилых комнаты: прихожая, далан (средняя комната), ашхана. Далан в этом доме представляет собой небольшую проходную комнату, через нее входят в две другие. По словам хозяйки, она служит для жилья весной и осенью. Зимой живут в ашхане, летом — во дворе.

Иногда к дому пристраивается терраса — «лэмпэ» — навес, составляющий продолжение кровли дома, под которым устроено глинобитное воз-

⁷⁹ Материалы антрополого-этнографической экспедиции в Казахстан, 1947 г.

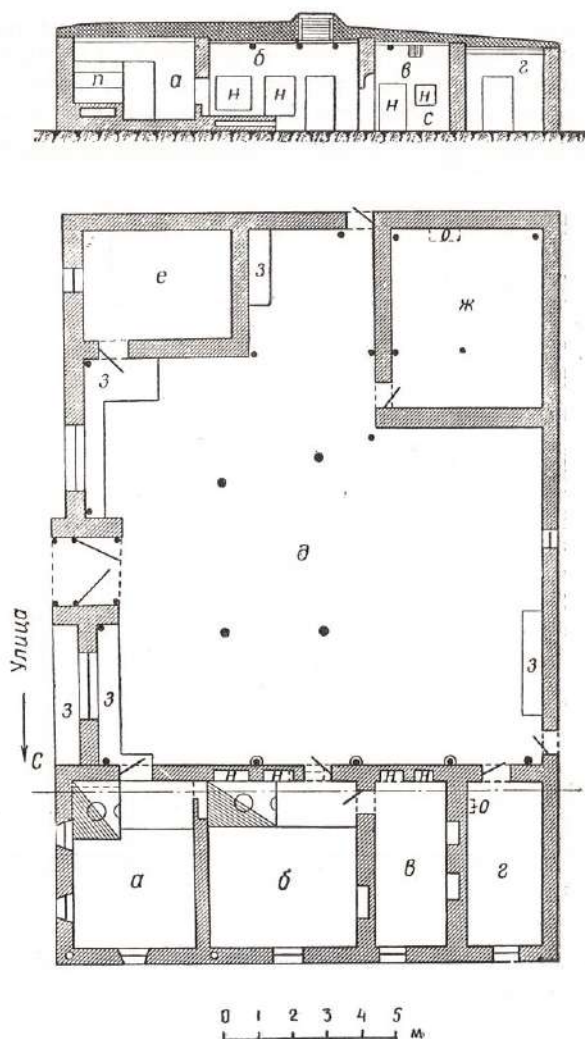

Рис. 12. План усадьбы семиреченских уйгуров:
(1-й тип):

а — гостевая «сарай», *б* — кухня «ашхана», *в* — кладовая «амбар»,
г — кладовая «ушлук-бй», *д* — крытый двор «далал», *е* — комна-
тата для желатого сына «ходжур-кен», *ж* — стойло «егыл»,
з — глинобитное возвышение «суна», *н* — ниша «сюк», *о* —
окно в крыше «тунук». Сел. Кальджат, Уйгурский р-н Алма-
Атинской обл., дом Азныбакиевой

вышение — «суна» и поставлена летняя печь. Но терраса более характер-
на для других типов жилища уйгуров⁸⁰.

⁸⁰ Большой сложный дом описанного выше типа был распространен в Восточ-
ном Туркестане. Один из них, описанный Гренаром, относится к Хотанскому оазису
(см. Dutreil de Rhins. Op. cit., t. II, p. 97—98). В книге приведен план одного
дома в Хотане, напоминающий дом первого типа семиреченских уйгуров, только
«далан» носит название «айван». Очень похож на хотанский дом в окрестностях
Аксу, описанный Лекоком, состоящий также из центрального помещения, назы-
ваемого «айван» или «далан», из которого идут двери во все другие комнаты (см.
A. L. e. C. o. q. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan, S. 35—36).

Усадьбы второго типа встречаются в Панфиловском районе и в сел. Чарын Уйгурского района. Их строили в 1930-х гг. Комплекс жилых и хозяйственных построек этого типа отличается от первого отсутствием центрального крытого помещения. С улицы ворота ведут в открытый

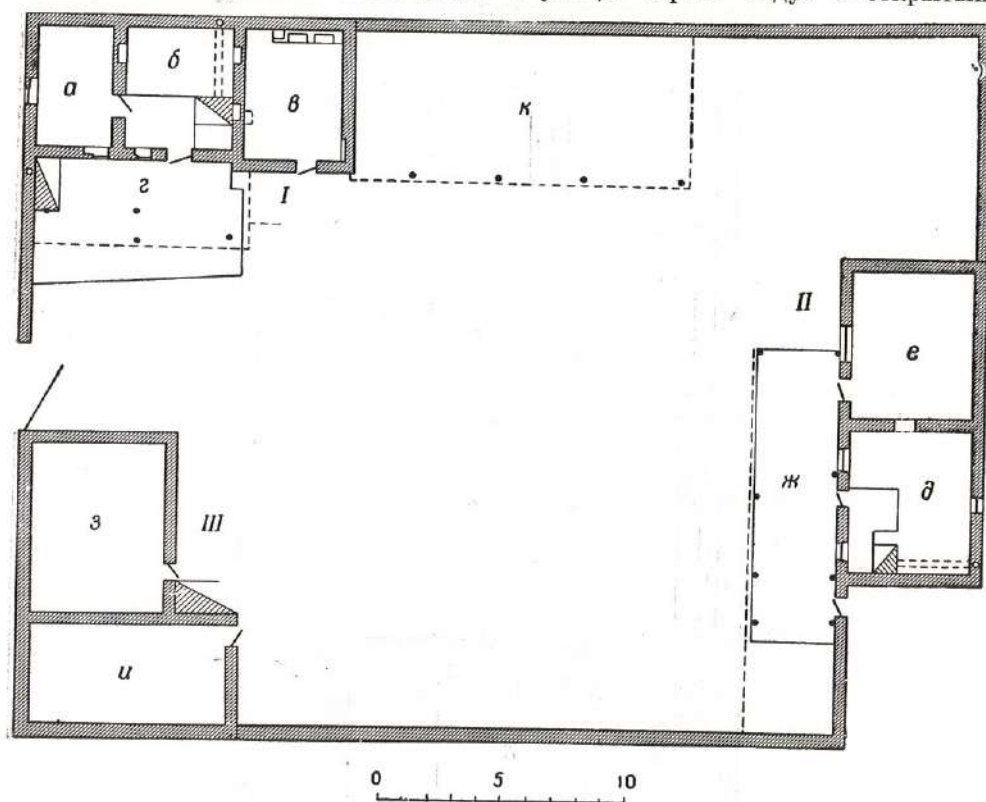

Рис. 13. План усадьбы семиреченских уйгуров (2-й тип):

дом I: а — гостевая «сарай», б — кухня и прихожая «ашхана» в — кладовая «амбар», з — терраса «лампиз»; дом II: д — прихожая и кухня «далан», или «ашхана», е — гостевая «сарай», ж — терраса «лампиз»; дом III: з — хлев «егыл», и — дом, сданный русской семье; к — навес для скота «егыл». Сел. Чарын, Уйгурский р-н Алма-Атинской обл., дом Гаита Мусаева.

двор — «кора», или «хойла»⁸¹. В некоторых случаях ворота нет, и во двор ведет калитка или широкий вход, закрываемый перекладиной — «балдак».

Во дворе стоят несколько отдельных строений, обычно от трех до пяти. Дома и хозяйственные постройки размещаются по стенам двора, а пространство между ними по забору занято навесами хозяйственного назначения (периметральная застройка). Чаще всего во дворе жили семьи отца и его женатых сыновей; дом стариков-родителей помещался в глубине двора, фасадом к воротам, дома детей — по боковым сторонам.

К этому типу жилища принадлежит дом Г. Мусаева (сел. Чарын Уйгурского района), обследованный нами в 1947 г. (рис. 13). Во дворе

⁸¹ Несколько слов о терминологии частей дома. Наиболее употребительное название внутреннего крытого двора — «далан». Попутно с ним встречается термин «хойла»; в доме Ушуровой последним термином обозначают также открытый двор, обычно называемый «кора». Очевидно, слово «хойла» более старое и исчезает из языка; отсюда некоторая его неопределенность. Термин «далан» переходит с названия внутреннего крытого двора на обозначение небольшой прихожей комнаты в домах новых типов.

стоят три дома: против ворот — дом из трех комнат (ашхана, сарай, амбар), в котором живут старики-родители; в доме слева от ворот, двухкомнатном, живет младший сын с семьей; справа от ворот стоит однокомнатный домик, к которому пристроен крытый хлев. В этом доме прежде жил старший сын хозяина, затем он уехал, и дом сдавался русской семье.

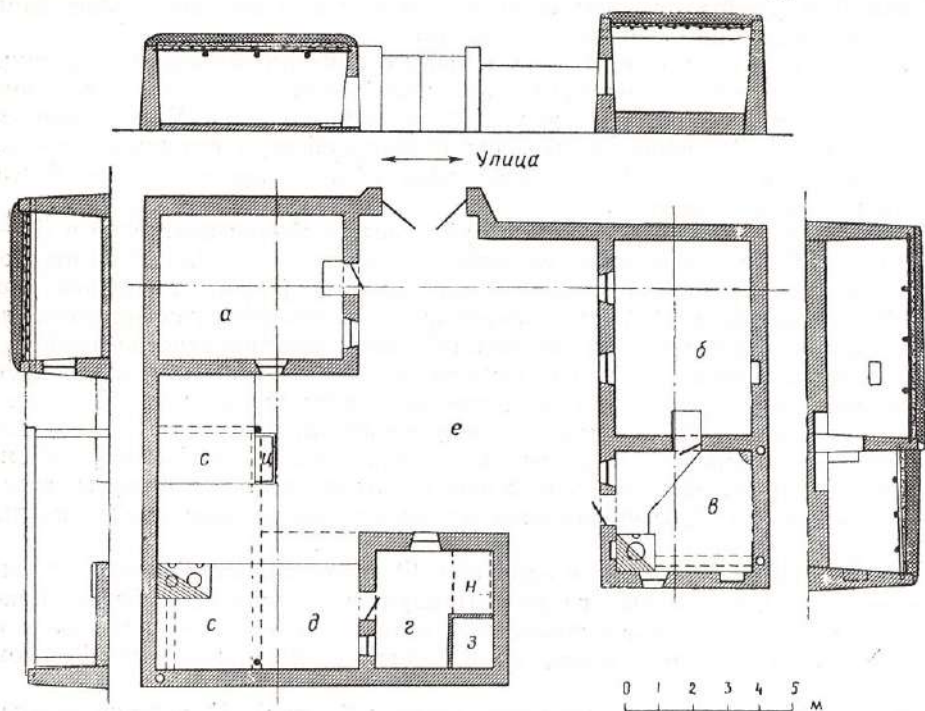

Рис. 14. План дома Ушура Аметова:

а — дом дочерей хозяина «ой», б — гостевая «сарай», в — кухня «ашхана», г — кладовая «амбар», д — терраса «лампэ», е — двор «хойла», ч — ящик для цветов, с — глинобитное возвышение «супа», з — закром «санг», и — деревянный настил. Сел. Чарын, Уйгурский р-н Алма-Атинской обл.

Перед домами хозяина и его сына устроены террасы — лампэ. Хозяйственные помещения составляют: хлев, пристроенный к одному из домов, и навесы, занимающие все свободное пространство по стене двора между домами. Такого же плана возведенная в 1930-х годах усадьба в колхозе им. Свердлова того же селения.

Несколько отличается по планировке дом У. Аметова в том же селении (рис. 14). В комплексе двора входят три постройки: одна из них — жилой зимний дом налево от ворот, состоящий из двух комнат (сарай и ашхана, она же далан). Справа от ворот — однокомнатный дом, где живут незамужние дочери хозяина, сбоку от него — терраса, у задней стены двора, выходящей к усадьбе, расположена кладовая (амбар), а рядом с ней обширная терраса с летней печью. Все постройки для скота помещаются на заднем дворе.

Комнаты дома носят такие же названия, как в домах первого типа. Отдельно стоящий однокомнатный дом именуется «ой» (дом). Далан чаще всего отсутствует, роль прихожей выполняет ашхана.

По словам информаторов, в жаркое время дворы нередко наполовину покрывались сверху циновками.

Обширные усадьбы первого и второго типа свидетельствуют о наличии у уйгуров в XIX в. значительных пережитков большой семьи. Вопрос этот, однако, изучен очень мало. По свидетельству пожилых колхозников, сыновья нередко оставались жить с отцом до его смерти, а иногда и до смерти обоих родителей. В настоящее время в колхозе женатый сын тоже не обязательно уходит от отца: он ставит дом в том же дворе; при этом иногда ведется общее домашнее хозяйство.

Уже до переселения в Россию, наряду с описанными типами жилищ, существовал третий, характерный для малой семьи. Это небольшой дом в одну-две комнаты, обычно с верандой, стоящий во дворе. Хозяйственные помещения (1—2) чаще пристроены к нему, образуя его продолжение, иногда стоят отдельно. Дома такого типа обычно принадлежали более бедным членам общины⁸².

Большинство жилищ в колхозах уйгурских районов построено в 30—40-х годах. План дома и двора современной постройки значительно проще. Во дворе стоит жилой дом из двух-трех комнат (сарай и ашхана или сарай, далан и ашхана). Жилые комнаты соединены между собой дверьми, выход во двор из далана или ашханы. Обычно к дому пристроена кладовая с отдельным входом со двора. Помещения для скота — закрытый хлев или навес — стоят отдельно или составляют продолжение дома. Для нового жилища характерно значительное уменьшение числа и площади хозяйственных построек — кладовых, конюшен, хлевов. Это объясняется тем, что орудия труда, рабочий скот, запасы продовольствия и фуража, в основном «перекочевали» в общественные колхозные скотные дворы, склады и амбары.

Все комнаты выстроены в один ряд. Фасадом является одна из длинных стен дома, выходящая во двор. Наилучшей ориентацией фасада признается южная; в случае невозможности такой ориентации дом строят с выходом на восток или запад, но избегают ставить жилище фасадом к северу.

Вдоль фасадной стены проходит терраса (лэмпэ). В отличие от старых жилищ, в новых домах на террасе не устраивают ни супы, ни печи. По плану современные жилые дома — того же типа, что и распространенные в Средней Азии и Южном Казахстане.

Для примера опишем дом колхозника Ошрапа Осипова (колхоз «Шарк» в сел. Тиермен Уйгурского района). Сел. Тиермен, основанное задолго до 80-х годов XIX в. (оно расположено на территории, прежде принадлежавшей Китаю), в 1938 г. было заново отстроено на другом берегу реки Тиермен. Дом Осипова (рис. 15) состоит из трех комнат: сарай — летняя жилая комната дома, с одним окном на улицу, другим — во двор; она соединяется со второй комнатой — с прихожей (далан), откуда идет вход во двор и в обе другие жилые комнаты, которые особого выхода во двор не имеют; третья комната (ашхана) — зимняя жилая комната и кухня, расположена за даланом. Длинная стена дома с окнами и входной дверью выходит во двор с ориентацией на юг. Перед ней расположена терраса (лэмпэ).

Дом колхозника Д. Савердинова (сел. Байсепт Чиликского района) состоит из четырех помещений: двух жилых комнат (сарай и далан, последний одновременно прихожая и зимняя кухня), кладовой и хлева, пристроенного вплотную к жилому дому, но с особым входом. Все двери и окна проделаны в одной стене. Перед домом длинный навес на двух ря-

⁸² Д. Федоров. Указ. соч., ч. II. Приложения. План дома бедняка в Кульдже.

дах столбов, летом заменяющий кухню и столовую — «баранглык», от лампы он отличается лишь тем, что не примыкает к дому непосредственно.

В каждой уйгурской усадьбе, во дворе или в саду, недалеко от жилого дома обязательно имеется легкая постройка типа беседки — «баранглык». Обычно это плетеная из хвороста кровля, держащаяся на четырех врытых в землю столбах. Летом беседку обычно обсаживают вьющейся декоративной тыквой — «капак», зеленые стебли которой образуют естественные стенки беседки. В беседке проводят время в теплую погоду, тут едят, отдыхают днем, женщины работают.

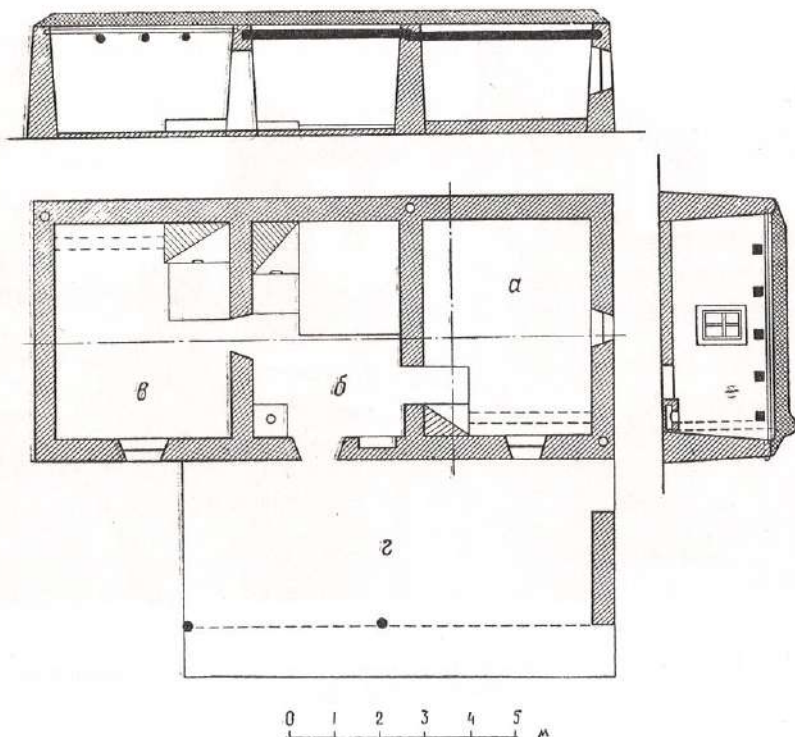

Рис. 15. План дома Ошрапа Осипова:

а — гостевая «сарай», б — прихожая «далан»; в — кухня «ашхана», г — терраса «лямпа». Сел. Тьермен, Уйгурский р-н Алма-Атинской обл.

Помимо описанных домов, у уйгуров, особенно за последние годы, начинает распространяться новый тип жилища, связанный с русским влиянием. Это характерно для Эмбекши-Казахского района, где уйгуры и русские живут в непосредственной близости. В этом районе нередко уйгуры строят деревянные дома из бревен, на кирпичном фундаменте (высотой 30—50 см), с высокой двускатной крышей, крытой соломой или тесом. Пол и потолок — дощатые. Дом состоит из 3—4 комнат, сохраняющих уйгурские наименования «далан», «сарай», «ашхана» и др. Бревенчатые стены дома изнутри и снаружи обмазаны глиной. Дома имеют большие застекленные окна. Отоплением в таких домах служат плита и железная печь.

В строительной технике уйгуры до сих пор почти полностью сохранили традиции, принесенные ими из Илийского края. Основным материалом для постройки дома является глина и саманный кирпич — «кесек»,

или «саман кесэк»⁸³. Обычный размер кирпича — $30 \times 15 \times 7$ см. Для изготовления кирпича употребляют деревянные формы — «кэлиц» в виде ящика с двумя отделениями (на 2 кирпича). Вынув из формы, кирпичи укладывают на солнце для просушки, которая длится 3—4 дня.

Постройка начинается выравниванием и укатыванием площадки под будущий дом. Стена ставится без фундамента. Для ее возведения устраивается несложное приспособление — «сокма ягач», представляющее собой большой деревянный ящик-каркас для трамбовки глины⁸⁴. При помощи его стена строится отдельными участками в 2,5—3 м длиной

Рис. 16. Возведение стен способом «сокма». Сел. Б. Аксу, Уйгурский р-н Алма-Атинской обл.

(рис. 16). В ширину небольшой дом состоит из двух-трех таких участков, пристроенных один к другому.

Когда данный участок стены возведен, деревянный ящик-каркас снимают и переставляют дальше, где начинают строить вплотную к первому следующий участок. Сверху стена выкладывается слоем кирпича в 80—

⁸³ Обожженный кирпич («хишт») был известен уйгурам, но в бытовых постройках не применялся (из этого материала строили общественные здания).

⁸⁴ «Сокма ягач» делают так. В земле прочно укрепляют стоймя 2 пары жердей — «мом ягач», по углам будущего участка стены. К каждой паре жердей привязывают стойком доски — «чакча», образующие короткие (вертикальные) стороны ящика; длинные (горизонтальные) стороны его составляют 3—4 жерди — «ян ягач», привязанные к стойкам у земли, одна над другой. Этот невысокий ящик является формой для будущей стены. В него кетменями и лопатами забрасывают землю, утаптывают ее ногами, а затем утрамбовывают кувалдой — «сокма таш», состоящей из круглого тяжелого камня на деревянной ручке, с перекладной сверху, за которую обеими руками поднимает кувалду работающий. Когда ящик наполнен хорошо утрамбованной землей, нижнюю пару жердей отвязывают и переносят выше, поднимая, таким образом, стенки ящика. Затем опять забрасывают и утрамбовывают землю. Так стену доводят до высоты 180—200 см. Чтобы стена получилась суженной сверху, вертикальные стойки — «мом ягач» ставятся слегка наклонно к середине. На высоте 180—200 см толщина стены бывает 30—40 см, внизу 70—80 см.

100 см. Ряды кирпича кладутся попеременно то на ребро, то плашмя. Для связи употребляется раствор глины с саманом или мякиной. Для дверей при постройке оставляют отверстия между двумя участками стены. Сверху отверстие закладывается толстой доской или балкой, на которую кладут ряды кирпича. Обычные размеры дверных проемов: 80—100 см ширины и 160—200 см высоты. В проемы вставляют деревянные рамы — «ян ягач», или «кесэк». Порогом у двери служит нетолстая балочка — «босуга». Дверь — «ишик» обычно одностворчатая, сколоченная из вертикально стоящих досок. Таким же способом ставят стены дворов — «дувал» и хозяйственных построек.

Другие приемы строительства встречаются редко. В горных селениях (например, Тиермен) на постройку частично использовали дикий камень. Из него складывали низ стены.

Теперь стены жилых домов нередко кладут целиком из саманного кирпича (в 1,5—2 кирпича шириной). Кирпичную стену ставят на фундамент, для чего предварительно прорывают канавку в 25—30 см глубины — «чонгкур». Канавку закладывают слоем камня (в 50 см), поэтому фундамент выступает над землей. На него кладут ряды кирпича⁸⁵.

Устройство кровли довольно однообразно. Основу ее составляют либо одна массивная матица — «лим», либо несколько балок толщиной в 20—35 см — «лингза», числом от двух до шести. Материалом для них служит горная ель. Поверх балок кладут тонкие круглые жерди-слегги — «чэнгзэ» на расстоянии 25—40 см одну от другой. Балки лежат на стенах, слегги нередко прибивают к балкам гвоздями. В новых домах, как правило, кровля держится на одной матице, идущей вдоль дома и образующей копец крыши. Слегги слегка наклонно спускаются с нее к боковым стенам дома. Таким образом, потолочное перекрытие плоско-двускатное, с высотой ската, равной толщине матицы (25—40 см). Поверх деревянного перекрытия настилают циновки из камыша — «бора», затем толстый слой камыша, соломы, ветвей, стеблей конопли; все это промазывается глиной и засыпается землей на 5—6 см. Стены снаружи и изнутри гладко обмазывают глиной, смешанной с соломой — «сугак», тщательно выглаживают, поверх еще обычно белят известью — «бор» или «актопа». В стенах делают ниши — «оюк», по 3—4 в комнате, глубиной до 30 см.

Старинные уйгурские дома имели глухие стены без окон. Для освещения устраивали так называемые «түнүк» и «пэнджирэ». Түнүк — наиболее архаичная форма — простое отверстие в крыше, четырехугольной формы, закрываемое по мере надобности деревянной ставней. В больших крытых дворах түнүк достигал размеров 2—3 кв. м. Под ним в полу выкапывали яму для стока воды. В небольших комнатах отверстия эти были значительно меньше. Пэнджирэ устраивали в парадных комнатах; раму такого светового отверстия (размером 60 × 80 см) ставили на верх стены, причем крыша в этом месте приподнималась⁸⁶. В раму вставляли деревянную решетку пэнджирэ, нередко узорчатую; ее изнутри заклеивали промасленной бумагой, позднее в нее стали вставлять стекла. В бедных домах иногда устраивали крошечное отверстие в стене под самой крышей, также заделываемое решеткой или бумагой.

⁸⁵ Материалы командировки Н. Г. Борозны к уйгурам Казахстана, 1949 г.

⁸⁶ В Восточном Туркестане обычно жилища освещались через квадратное отверстие в потолке (Г. Е. Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 243; М. В. Певцов. Указ. соч., стр. 114; Dutreil de Rhins. Op. cit., t. II, p. 98). Другая форма световых отверстий — маленькие окна в стене под самой крышей; окна закрывали часто деревянной решеткой и заклеивали на зиму бумагой (В. И. Роборовский. Указ. соч., стр. 411).

Описанные формы световых отверстий теперь встречаются только в старых жилищах. В домах нового типа, да теперь и во многих старых домах, окна проделаны в стенах, причем парадная комната имеет два-три окна, кухня — одно-два. В некоторых домах вместо обычных рам на окна используют старинную решетку, но застекленную.

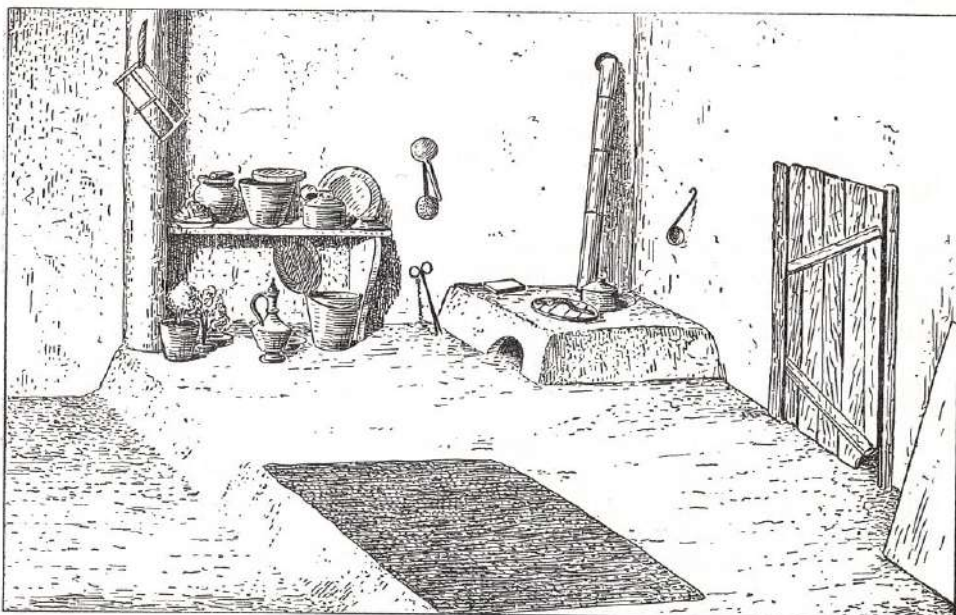

Рис. 17. Хозяйственный уголок в доме уйгуров Семиречья. Возвышение «супа» с печью на нем. Сел. Б. Аксу, Уйгурский р-н Алма-Атинской обл.

Большую часть жилой комнаты занимает глинобитное возвышение — «супа» в 30—40 см высоты (рис. 17)⁸⁷. Обычно оставляют лишь небольшую площадку перед дверью — «тапса» и перед печью — «манта», но иногда площадка перед супой занимает треть или половину комнаты. Поллом служит укатанная земля, смазанная глиной с саманом. Реже жилая комната не имеет супы, тогда пол ее устилается кирпичом или набивается глиной, слоем в 5—10 см.

Старинными отопительными устройствами в уйгурском жилище являются камин и «канг». Камин⁸⁸ — «мора очаг» в XIX в. был очень распространен, но уже вскоре после 1883 г. стали устраивать вместо него «канг». В настоящее время каминны даже в старинных домах не сохранились — они заложены кирпичом и замазаны глиной⁸⁹.

⁸⁷ Для устройства супы часть комнаты огораживают деревянным барьером и заполняют ее глиной. Поверхность супы тщательно сглаживают, обмазывают раствором глины с соломой, затем дощатый барьер снимают. Высота комнаты над супой обычно около 2 м.

⁸⁸ Камин наиболее характерен для уйгурского жилища Восточного Туркестана, где он распространен повсеместно вместе с глинобитным домом и, очевидно, известен очень давно. Каминны находили в раскопках поселений и монастырей VIII—XI вв. (см. А. Ле Соф. *Auf Hellas Spuren in Ost-Turkistan*, S. 82).

⁸⁹ В конце XIX — начале XX в. каминны ставились в летних комнатах дома (сарай). В углу или посредине стены устраивали для каминна высокую (шириной 50—80 см) сужающуюся кверху нишу, выше шел прямой дымоход — «мора», заканчивающийся невысокой трубой. Передняя стенка каминна слегка (на 10 см) высту-

Канг в настоящее время наиболее распространенный тип отопления. С какого времени он стал употребляться уйгурами Илийского края — неизвестно. По свидетельству Федорова в конце XIX в. канг встречался редко, только в домах богатых людей⁹⁰. В Семиречье первоначально канг устраивали только в зимней комнате дома — ашхана. Устройство канга следующее: у края глинобитного возвышения — супы построена обогревательная печь — «очак» из необожженного кирпича. От нее внутри супы, близко от поверхности, проложена кирпичная труба, идущая до задней стены комнаты, где она выводится наружу прямым проходящим в стене дымоходом. Этим уйгурский канг отличается от дунганского и китайского, где обогревается вся площадь лежанки⁹¹.

После переселения уйгуров канг получил у них всеобщее распространение. В некоторых домах он отапливает не одну, а все жилые комнаты. Канг лучше камина обогревает комнаты, обогревает пол (что очень важно, так как на нем спят), а печь, отапливающая канг, одновременно может использоваться для приготовления пищи.

С 1930-х годов в уйгурском доме появились еще два типа отопительных приспособлений — железная печь-временка, которую ставят на зиму в комнату, не имеющую канга («сарай»), и кирпичная плита, которую тоже устраивают только в парадной комнате дома. Железные печи и плиты («төмүр мэш», «плита») передки и в домах старинной постройки, но более характерны для бревенчатых жилищ, встречающихся в Эпбекши-Казахском районе. Плита, используемая для отопления и для приготовления пищи, начинает вытеснять старинный «очак».

В убранстве жилиго дома до революции существовало большое разнообразие, зависевшее от достатка хозяев. Для старинного уйгурского жилища было характерно отсутствие мебели, если не считать находящегося в кухне маленького прямоугольной формы столика для еды — «джоза». Роль шкапов выполняли стенные ниши, куда складывали постели и ставили сундуки с различным имуществом. Постель стлали прямо на супе, на ней же сидели за обедом и за работой. Платья, полотенца развешивали по стенам на гвоздях.

Ниже мы попытаемся описать обычное современное убранство жилища.

Сарай — летняя комната, служащая и для приема гостей, отличается наиболее нарядным убранством и по возможности освобождена от хозяйственных предметов. Большая часть ее занята супой, иногда весь пол комнаты приподнят на 30—40 см. В комнате нередко нет канга. Раньше ее отапливали камином, теперь часто ставят железную печку или кирпичную плиту.

Супу застилают циновками и кошмами, изредка коврами. Чаще всего употребляют узорчатые кошмы, приобретенные у казахов. Для сидения поверх кошм постилают одеяла, сложенные вдвое, или специально

пала в комнату, образуя сверху узкую площадку полукруглой или трехугольной формы, на которую ставили вечерами масляную свечильню «чирак». Камин не использовался для приготовления пищи; в нем только кипятили чай.

⁹⁰ Д. Федоров. Указ. соч., т. II, стр. 118.

⁹¹ Несколько иного устройства канг у уйгуров Пржевальского района (сел. Ырдык). В обогреваемой комнате пол, под тем местом, где проходит труба, приподнят лишь на 10—15 см, печь расположена в соседней комнате, где она врыта в земляной пол. В Синьцзяне канг известен только в восточных оазисах (Турфане и Хами), где он употребляется наряду с камином (канг в зимней комнате, камин — в летней). Он в общем имеет такое же устройство, как у семиреченских уйгуров (см. Грум-Гржи и майло. Указ. соч., стр. 242—243); в Илийский край канг, очевидно, проник с переселенцами из Турфана в XVIII в.

сшитые из лоскутков подстилки — «чушэк». В нишах ставят узорчатые, разукрашенные цветными металлическими полосками сундуки с платьем и другими вещами, на них лежат скатанные цветные одеяла и подушки — запасные постели для гостей. В углу комнаты стоит обязательный предмет обстановки — высокий стол — «устэл», очевидно, заимствованный у дунган «стол для украшений». Раньше покупали китайские столы, специально изготовленные для этой цели, спереди украшенные резьбой и росписью. Теперь их заменяют столы канцелярского типа. На них расставляют красивую чайную посуду, безделушки, нередко детские игрушки, тщательно начищенный самовар. На этом же столе стоят семейные фотокарточки, часть их украшает стену над столом.

Из новых предметов обстановки в комнате имеются одна или две металлические кровати, застеленные красивыми одеялами, этажерки, столы, стулья, тумбочки. Часть этих вещей употребляют не по назначению. Иногда на кровати уложены чемоданы и сундуки с бельем. Столы служат подставками для посуды, книг, цветов.

Стены украшены коврами, часто там же висят географические карты и плакаты. На окнах — белые кисейные занавески, на дверях шторы. Ниши занавешены белой тканью или кисейной занавеской. Так же прикрыта одежда, повешенная на вбитых в стену колышках.

Ашхана⁹² — основная жилая и рабочая комната семьи сохраняет в значительной мере старинное убранство. Пол ее занят супой с кангом и печью (очак) для приготовления пицци. Печь расположена недалеко от двери в углу, на площадке возле нее складывается топливо, стоит скамья для ведер с водой. Возле печи приделаны дощатые полки для посуды — «тахтуша», «тахта», иногда их заменяет ниша, перегородженная на два-три отделения. Иногда полку подвешивают под балкой потолка. На гвоздях возле печи развешаны ложки, половники и другая кухонная утварь.

В нишах стоят сундучки и складывается постель. Пол застелен циновками и кошмами. У стены стоит джоза — низенький столик для еды.

В углу комнаты у самого входа в некоторых домах устроен небольшой погребок — «ора» для овощей, до 1 м глубиной, с отверстием около 10 см ширины, достаточным для того, чтобы просунуть в погреб руку.

Обстановка прихожей (далап) зависит от ее использования как кухни, жилой комнаты, кладовой или двора.

Наиболее распространенным украшением жилого дома является деревянная резьба. Резным узором украшают балки потолка в парадных комнатах, столбы, поддерживающие крышу веранды, наличники окон. Особенно богато представлена резьба на карнизах больших ворот старинного дома (рис. 18). Резьбой украшают деревянную утварь и предметы обстановки — полки для посуды, столики, ящички для ложек, повешенные на стене.

В некоторых старых домах на стенах жилых комнат сохранились следы старинного штампованного орнамента, который покрывал всю стену до потолка, заканчиваясь внизу на расстоянии 80—100 см от пола (рис. 19). Орнамент располагался полосами в 15—20 см ширины, состоящими из повторяющихся узоров. Эти полосы орнамента обрамляли ниши, камин, оконные и дверные проемы и в несколько рядов обходили стену, под потолком. Рисунок, состоящий из геометрических или растительных узоров, наносился при помощи деревянного трафарета на гладко обмазанную гли-

⁹² Ашхана до революции считалась по преимуществу женской комнатой. Когда приходили в дом посторонние, женщины скрывались в ней, гостей же принимали в сарае. Настоящего деления дома на мужскую и женскую половины у уйгуров и тогда не было.

мой стену. Мастера, приготовлявшие трафареты, были известны далеко за пределами своих селений. Один зафиксированный нами узор представляет собой имя мастера, написанное арабскими буквами. Искусство это исчезло у уйгуров в начале XX в., последние мастера не дожили до революции⁹³.

Хозяйственные постройки в старых домах занимают большую площадь во дворе и в доме. В зажиточных домах бывало до 4—5 кладовых различного назначения. «Амбар» служил хранилищем продуктов и зерна,

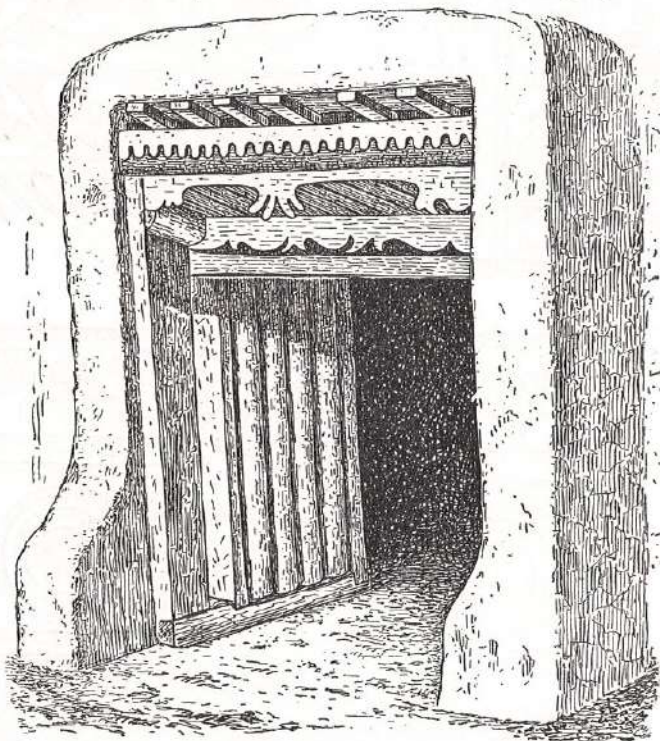

Рис. 18. Ворота «давуза» старинного уйгурского дома в Семиречье

«ундук» — муки, «казнак» — различной домашней утвари, старых вещей, «дукан» — сельскохозяйственных орудий, «саманлык» — сена, соломы, фуража и т. д. В настоящее время в доме имеется одна кладовая — амбар, летом нередко используется в качестве кладовой ашхана, зимой — далап. В кладовых устраивают глинобитные лари и закрома «санг», деревянные полки, ниши в стенах. Окон чаще не бывает или они очень малы. Иногда в кладовой делают супу. Кладовые, как правило, представляют собой одну из комнат дома, но потолок в них гораздо ниже, чем в жилых комнатах.

Хлевы, конюшни и другие помещения для скота строятся так же, как жилые дома, но из худшего материала. Стены их тоньше и не побелены изнутри. На кровлю идут тонкие балки, иногда жерди, а чтобы она не

⁹³ Полевые записки автора, 1947 г. Штампованный орнамент на стенах был распространен у уйгуров Восточного Туркестана (см. напр., Le Coq. Von Land und Leute in Ost-Turkistan; i d e m. Auf Hella Spuren in Ost-Turkistan).

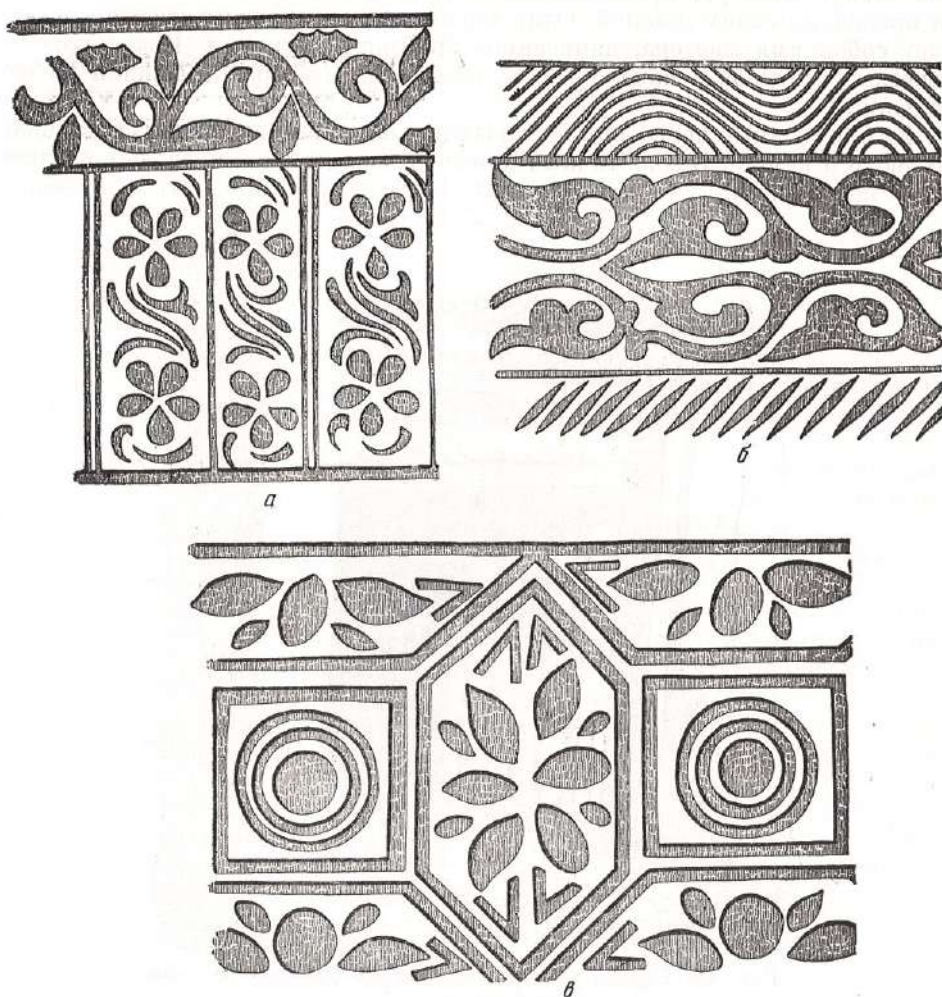

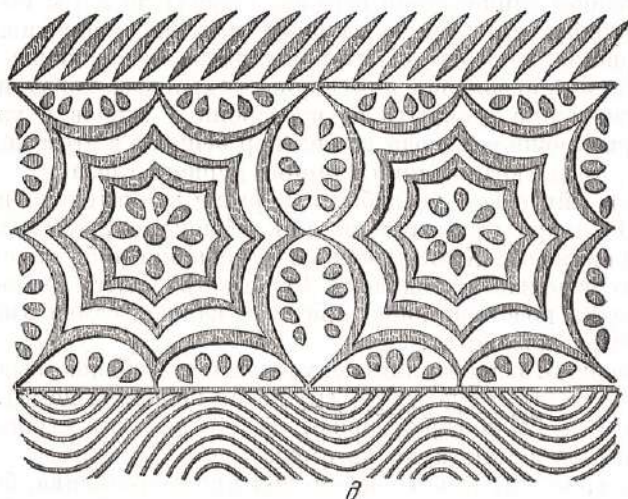
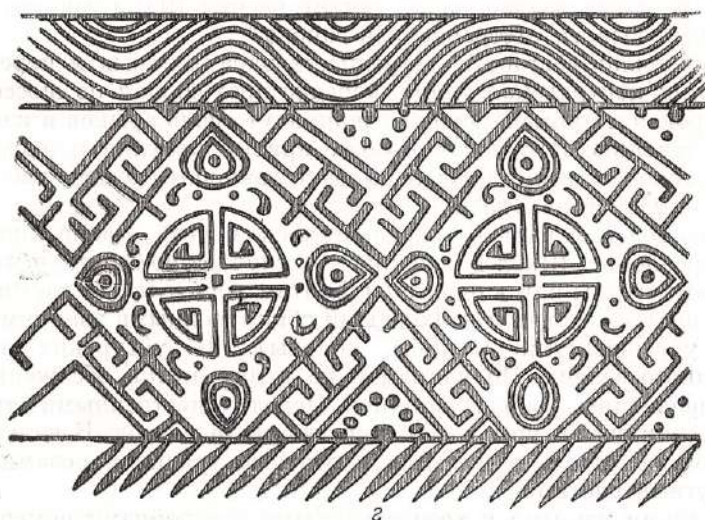
Рис. 19. Образцы штампованного орнамента

прогибалась, посредине ставят 1—2 столба — «түрүк», поддерживающие крышу. В хлевах устраивают глинобитные кормушки для скота — «егыл». Передко в качестве стоек используют навесы, примыкающие к стене двора.

* * *

Селение уйгуров, переселившихся в Фергану, первоначально представляли собой небольшие группы домов, в которых жили выходцы из одного и того же кашгарского села, постепенно обраставшие новыми домами, большей частью за счет новых пришельцев из Кашгарии, а иногда и узбеков. Иногда группы переселенцев-уйгуров устраивались в узбекских кишлаках, составляя там особые кварталы, но многие уйгурские семьи поселялись в одиночку среди узбеков.

Современный уйгурский кишлак в Фергане обычно состоит из несколь-

на стенах уйгурских домов Семиречья

ких десятков домов, но нередки селения, где более сотни дворов. В связи с большой плотностью населения в оазисах Ферганы расстояния между отдельными кишлаками невелики. Объединение нескольких соседних селений в одном колхозе способствует их слиянию. Уйгуры-переселенцы, основавшие новый кишлак, нередко давали ему имя того селения в Кашгарии, из которого они вышли. Так, в Пахта-Абадском районе имеются селения Токкуз-ак и Артуш: в Кашгарском оазисе известны крупные поселения с такими именами. Часто встречается название Кашгар-Кишлак⁹⁴.

Большинство уйгурских кишлаков насчитывает 100—130 лет со времени их основания. Строились они постепенно, по мере роста численности

⁹⁴ Село Кашгар имеется в Пахта-Абадском районе Андижанской области, в Ошском районе в Киргизии, в Кокандском районе, где уйгуры не значатся в числе национальностей района, и в других местах Ферганы.

населения, но после андижанского землетрясения 1901 г. многие кишлаки Андижанской области отстраивались заново⁹⁵.

Обычно кишлак состоит из нескольких параллельных и перекрещивающихся улиц; центральная улица, нередко проходящая по шоссе, — широкая и прямая, боковые чаще идут вдоль арыков и изгибаются, следуя их течению. Встречаются узкие кривые проулки между дворами. По обеим сторонам улиц тянутся высокие глинобитные дувалы — «девал», скрывающие дворовые строения.

В центре селения раньше располагались мечети, лавки купцов, волостное управление. Школ в большинстве случаев не было, ученики собирались в доме муллы или у одного из богатых родителей. В настоящее время центр кишлака застроен колхозными общественными зданиями и культурными учреждениями (клубы, школы). В уйгурских кишлаках Ферганы много зелени. По улицам и на полях арыки обсажены рядами деревьев шелковицы, тополя, карагача. Перед общественными строениями разбиты цветники. Уйгуры — большие любители цветов. В каждом дворе перед домом обязательно имеются цветочные грядки с розами, бархатцами и другими цветами⁹⁶.

Дом со всеми жилыми и хозяйственными постройками помещается во дворе, окруженном глинобитной оградой (девал) до 2,5 м высоты. С улицы во двор входят через узкую калитку или же, напротив, в большие ворота — «дарвазэ», которые со стороны двора отгорожены двумя стенками, образующими небольшое помещение — «дарвазэ-хонэ», иногда с крышей. Его назначение — скрыть от посторонних взоров с улицы дом и двор. Некоторые пожилые люди до сих пор вешают в этом помещении камешек-оберег, предотвращающий влияние дурного глаза.

Планировка уйгурской усадьбы в Фергане значительно проще, чем в Семиречье. Во дворе стоит жилой дом, обычно с 2—4 комнатами, построенными в один ряд. Хозяйственные помещения либо пристроены к дому, либо стоят отдельно неподалеку. Реже встречаются дворы, в которых живут 2—3 семьи родственников; при этом каждая семья имеет свой дом и ведет отдельное хозяйство.

Богатые люди до революции, следуя примеру узбеков, выделяли внешний двор с гостиной «михманханэ» (мужская половина дома), но для массы уйгуров это не было характерным, тем более, что строгая изоляция женщин у уйгуров в Кашгарии не имела места⁹⁷.

План дома (рис. 20) имеет обычно вид прямоугольника, более или менее вытянутого в зависимости от числа помещений (но больше семи встречать не приходилось). Вдоль фасада идет терраса (айван), на которую выходят двери и окна. Среди старых построек уйгуров Ошского района (насчитывающих по 40—60 лет) встречается планировка другого типа. Дома имеют в плане форму, близкую к квадрату, и делятся на четыре части, из которых три занимают жилые комнаты, а четвертая представляет собой айван (рис. 21).

Основные комнаты — «кятта ой», «дәлиз» и «кичик ой». Кятта ой — жилая зимняя комната, самая большая по размерам, наиболее чистая и

⁹⁵ Этим землетрясением объясняется отсутствие домов старше 45 лет в кишлаках Андижанской области (Пахта-Абадского и Андижанского районов), посещенных нами в 1948 г.

⁹⁶ Цветники очень распространены в Кашгарии, где их по недостатку земли иногда помещают даже на крышах домов (см. Henderson. From Lahore to Jarkand. London, 1873, p. 117).

⁹⁷ Деления на мужскую и женскую половину в Кашгарии не существует, исключением являются только некоторые дома в г. Кашгаре и Яркенде, где сильно сказывается влияние «андижанцев» — выходцев из Средней Азии.

нарядная. Дәлиз — прихожая («далан» семиреченских уйгуров), ее используют также как кухню и кладовую. Кичик ой (буквально «маленькая комната») имеет различное назначение; чаще всего она служит кладовой или кухней. Иногда этим термином обозначают самую старую комнату дома, к которой пристроены новые жилые помещения.⁹⁸

Название «ашхана» (кухня) посит помещение, используемое для приготовления пищи и имеющее обычно еще другое наименование. То же относится к термину «амбар» (обычно их называют «дәлиз» или «кичик ой»).

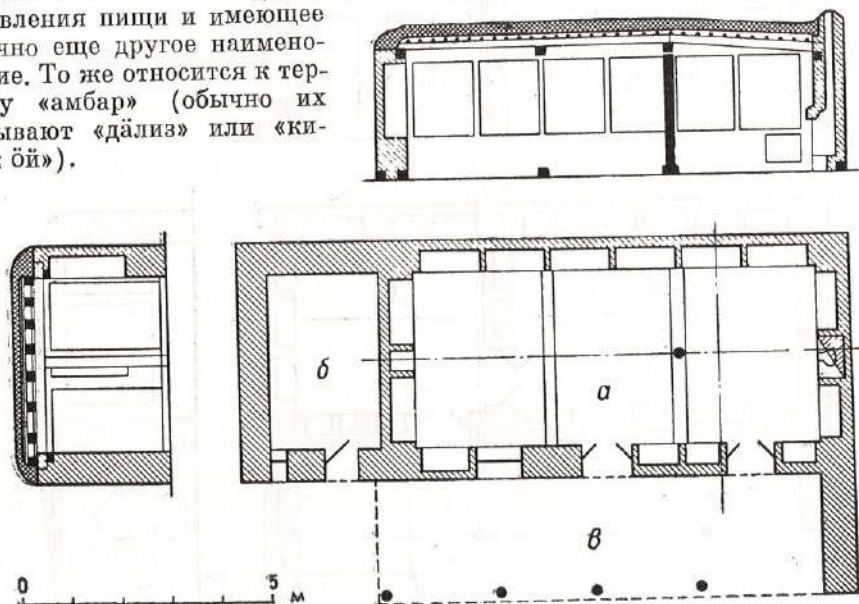

Рис. 20. План дома ферганского уйгура:

а — парадная комната «кәттә ой», б — кухня и прихожая «кичик ой», в — терраса «айван». Колхоз им. Кирова, Пахта-Абадский р-н Андижанской обл.

«Айван» — терраса имеет боковые стены, составляющие продолжение боковых стен дома, где обычно устроены каминны (в одной или обеих стенах). Спереди крышу поддерживает ряд столбов. В некоторых домах айван заменен так называемым «чукур-айван» — помещением между двумя комнатами дома, не имеющими передней стены.

Все комнаты дома имеют большие окна, выходящие на айван. Прежде в оконные проемы вставляли деревянную решетку, заклеенную бумагой, теперь окна снабжены застекленными рамами. Нередко окна имеют деревянные ставни «дарча». Двери — двустворчатые и одностворчатые; чаще всего каждая комната имеет особый выход на айван, реже вход идет только через дәлиз. Фасадная стена с оконными и дверными проемами ориентируется преимущественно на юг, реже на восток и запад. Ориентация на север нам не встречалась.

Строительная техника уйгуров Ферганы не имеет отличий от техники соседнего узбекского населения, даже в терминологии. Наиболее распространены два способа кладки стен — каркасная и глинобитная, чаще всего ставят каркасные постройки.

⁹⁸ Например, в одном из домов Онского района «кичик ой» называлась самая старая комната (первоначально дом был однокомнатный); там живет теперь мать хозяйки, сын же пристроил две новые комнаты, которые называют «кәттә ой» и «дәлиз».

Постройкой дома раньше занимались мастера-специалисты с помощью подручных, в роли которых нередко выступал хозяин будущего дома со своей семьей. В колхозах жилые и общественные постройки возводят строительные бригады во главе с мастером, иногда приглашенным из другого

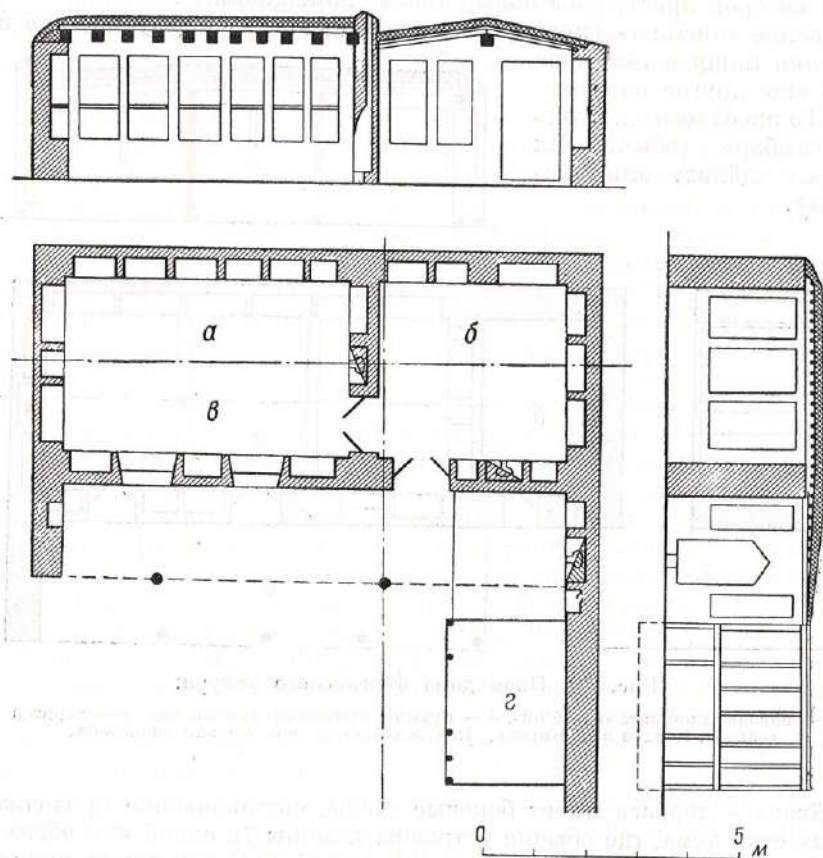

Рис. 21. План дома ферганских уйгуров:

а — парадная комната «кәттә йй», б — прихожая и кухня «дәлиэ», в — терраса «айвап», г — легкая летняя постройка «балахана». Колхоз «Уйгур», Андижанский р-н Андижанской обл.

колхоза. Расплачиваются за работу по трудодням. Мастер руководит постройкой и выполняет самые сложные процессы — постановку деревянного каркаса, настилку основания кровли. Его помощники изготавливают «гувалэ» (см. ниже) и саманный кирпич, закладывают ими стены и т. д.

Под стены будущего дома кладут фундамент — «пайдевал», для которого роют канавку в 20—30 см глубины и 60—50 см ширины; ее закладывают диким камнем, гравием и засыпают землей. Иногда фундамент кладут из сырцового кирпича прямо на поверхность земли. На фундамент ставят деревянный каркас дома.

Поверх пайдевала кладется «чарчоп» — основа деревянного каркаса. Обычно он состоит из двух (внутреннего и внешнего) венцов бревен или четырехгранных балок, срубленных «в лапу»; расстояние между ними равно ширине стены. Во внутреннем венце укрепляются вертикально стоящие балки — «үстүн», поддерживающие верхнюю раму — «сарраб», сруб-

ленную также из обтесанных балок. Стоянки ўстўн нижним заточенным концом вставляются в пазы, сделанные в балках нижнего венца. Такой род соединения называется «турум». Иногда стояки ставят и на внутренний и на внешний венцы чарчопа; тогда на них кладут двухвенцовый сарраб. Число стояков в стенах различно; чем их больше, тем постройка прочнее. Иногда ставят только по одному столбу в каждом углу будущей комнаты, но чаще на одну стену комнаты приходится 4—5 стояков, отстоящих один от другого на 80—90 см.

Реже постройки не имеют фундамента и нижних венцов каркаса (чарчопа); стояки каркаса врыты в землю или поставлены на круглые плоские камни «таш».

Больше всего требуется дерева при кладке стен из «гувалэ», при этом описанный выше каркас дополняется жердями и досками — «сынч», наискось прибитыми к стоякам и образующими вместе с ними редкую решетку, удерживающую стену. Менее необходим деревянный каркас для сырцово-глинобитной стен.

Для стен преимущественно употребляют сырцовый кирпич «хишт» и «гувалэ». Кирпич делают из чистой глины, без примесей. Глину накапывают в яме, смешивают с водой, мнут ногами и изготавливают кирпичи в деревянных формах. Обычные размеры кирпича $28 \times 13 \times 7$. Вынутые из формы кирпичи укладывают рядами для просушки на 4—5 дней.

Гувалэ готовят из глины, смешанной с рубленой соломой. Изготовленной смеси лепят неправильной формы кругляши и раскладывают их на просушку. В постройках предпочитают гувалэ, потому что на его приготовление затрачивается меньше времени и труда.

Пространство между стояками каркаса закладывают гувалэ или сырцовым кирпичом, для связи употребляют раствор глины с соломой — «сувак». Готовую стену (девал) несколько раз промазывают глиной; при помощи особого инструмента «эндува», имеющего вид железной пластинки с деревянной ручкой-скобой, сглаживают все неровности ее поверхности. В штукатурку нередко добавляют рубленую солому, мякину, кизяк.

Глинобитными делают главным образом дувалы, реже стены жилых строений. Техника глинобитной кладки совершенно иная, чем у уйгуров Семиречья. Мастер лепит всю стену из глины рукой (рис. 22); глину ему подает его подручный специальной лопатой — «белча» на длинной ручке. Этим же орудием мастер сверху уравнивает стену, сглаживая все неровности. Стена кладется слоями «пахса» в 45—50 см высоты; мастер складывает один слой и оставляет его на просушку, после чего надстраивает стену дальше. Стена сильно суживается кверху (внизу ее толщина 65—70 см, а на высоте 1,5 м—30 см). Доведя стену до нужной высоты (3—4 слоя), внутри ставят обычный деревянный каркас (если строят дом), стену изнутри выравнивают, пространство между каркасом и стеной, образовавшееся от того, что стена кверху сужается, заполняют гувалэ. Столбы каркаса замазывают глиной⁹⁹.

Кровля по своему устройству мало отличается от кровли в домах уйгуров Семиречья. Основу ее составляют толстые балки и жерди. На верхнюю раму деревянного каркаса — сарраб кладут несколько ровных балок — «тусун», диаметром в 20—30 см, или одну массивную матицу — «хъррă». Поверх них укладывают распиленные пополам жерди, обращенные вниз выпуклой стороной «васа». Чаще всего васа лежит на расстоянии 15—20 см друг от друга — «так-васа», реже уложены вплотную — «васа джуп», образуя сплошное покрытие. Поверх васа стелят

⁹⁹ Полевые записи автора, 1948 г.

циповки — «бора», затем камыш и хлопковую или рисовую солому. Все это покрывают слоем земли в 5—7 см — «турпак» и смазывают глиной — «лай». Верх крыши носит название «там»¹⁰⁰.

Нередко встречается плоско-двускатная кровля, в основе которой лежит матица хайрра и слегка опускающиеся с нее на балки сарраба слезги —

Рис. 22. Кладка пахсовой стены

покрытие, известное также уйгурам Семиречья. Крутизна ската иногда увеличивается тем, что под концы матицы кладут короткие брусья-подушки — «ястук»¹⁰¹.

Пол в комнатах оставляют земляным, чаще смазывают глиной или выстилают необожженным кирпичом. В новых домах иногда кладут полы из сырцового кирпича высотой до 50 см. Глинобитное возвышение — супа внутри дома устраивается редко, обычно оно располагается на айване. В 1948 г. мы нашли комнаты с супой только в старых домах Опшского района¹⁰².

¹⁰⁰ Напомним, что у семиреченских уйгуров термин «там» означает глинобитную стену, кровля же именуется «бгуз».

¹⁰¹ По данным В. Л. Ворониной, такое устройство кровли («харылык») известно только в Фергане (В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 70—71).

¹⁰² В Кашгарии супа — необходимая принадлежность жилой комнаты. Старые

Интерьер жилой комнаты оформлен нишами, которые в большинстве случаев занимают всю стену. Их разделяют обычно столбы деревянного каркаса стены, обмазанные глиной. Ниши играют роль шкафов и в то же время имеют декоративное значение. Они располагаются в определенном порядке. В боковой стене против двери из соседней комнаты устроены две больших ниши — «михраб», которые начинаются от самого пола и доходят до потолка, шириною же достигают 1,2—1,5 м. Между ними располагается узкая (50 см) ниша, начинающаяся на высоте 80—90 см от пола, — «такча». Стена комнаты напротив окон занята нишами — такча, обычно равными между собой в высоту и ширину. В старинных богатых домах эти ниши разделялись досками и алебастровыми пластинами на множество мелких ячеек, составляющих определенные узоры. Третья стена (с дверью из соседней комнаты) имеет одну или две ниши по обеим сторонам камин, помещающегося у этой стены, и часто еще нишу в углу за дверью. В фасадной стене также проделано несколько ниш в простенках между окнами. Такое размещение ниш характерно для жилой комнаты кәттә ой, примерно так же оформлены стены дэлиза и кичик ой.

Двери и окна проделываются в одной из длинных стен дома. Для них оставляют отверстие между двумя стойками каркаса, вставляют деревянную раму («кесәк» для двери, «пәнджирә» для окна). Дверной косяк состоит из боковых досок — «ян ягач», притолки — «ишик беши» и порога — «астана»¹⁰³. Проемы доходят до верхнего венца — сарраб. Дверь делается высотой 160—190 см, пространство же от притолоки до венца забирается деревянной решеткой или застекленной рамой, иногда просто заколачивается досками.

Окна уйгуры раньше проделывали в крыше так, как это было обычно в Кашгарии. В 1948 г. мы видели только один дом с таким окном (түнүк), он был построен уйгуром, в 1930 г. переселившимся из Кашгарии. Оригинальным во всей постройке является только устройство окна: в крыше сделано прямоугольное отверстие, проем его имеет глубину в 60 см и отделан брусками, которые уступами суживают его кверху; вверху на уровне поверхности кровли закреплена застекленная рама.

Для парадных комнат балки кровли подбирались ровные, нередко их украшали резьбой. От сарраба до потолка на 60—80 см кляли еще несколько венцов из балок. Все деревянные части карниза и потолка расписывали краской, для чего приглашали художников из города.

Основными средствами отопления служат камин и жаровня. Из новых типов отопления изредка встречается кирпичная плита, дымоход которой выведен в каминную трубу (в домах пригородных районов — Андижанского и Ошского).

Камин (очак) устраивается в каждой комнате, а также на террасе, где на нем готовят пищу летом. Внизу в каминной нише сделаны глинобитные выступы (20—30 см высоты), на которые ставят котел или чайник. Огонь разводится между этими выступами, дым выводится прямым дымоходом. Обычные размеры камин — 60—70 см ширина, 50—60 см глубина и 80—100 см высота ниши. Передняя стенка камин выступает немного вперед, благодаря чему образуется небольшая площадка-полочка над камином, обычно треугольной (как в Семиречье) или полукруглой формы.

ошские дома уйгуров, очевидно, лучше сохранили следы традиций жилого строительства Кашгарии.

¹⁰³ Некоторые уйгуры помнят старое название порога — «босуга», и утверждают, что это настоящее уйгурское название. Но его уже не употребляют.

Зимой для обогрева комнаты ставят жаровню — сандал. Для сандала в катта-ой недалеко от окна в полу проделывают квадратное углубление (в 20—40 см глубины, размером около 1 кв. м); жаровню с горячими углями помещают в это углубление, поверх его ставят низенький столик, который накрывают одеялом.

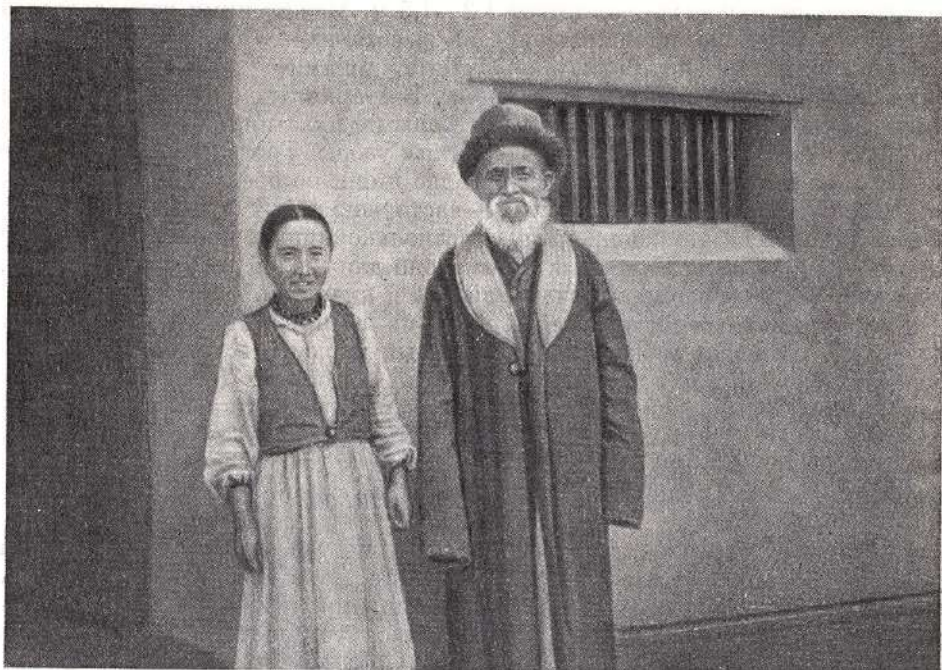

Рис. 23. Семиреченские уйгуры в национальной одежде

В жилой комнате тщательнее всего убираются стены, освещаемые окнами и дверью. В большие ниши — «михраб» боковой стены ставят деревянные расписные сундуки и низкие шкапы, в которых хранится одежда. На них почти до потолка укладывают скатанные ватные одеяла и подушки. Ниши напротив окон уставляют разнообразной посудой; главное место занимают большие расписные блюда для плова, рядом с ними ставят узорчатые и простые медные подносы, чайники, пиалы, медные и чугунные кумганы. В ниши других двух стен, слабо освещенных, складывают без особого порядка хозяйственные предметы.

Пол комнаты застилают циновками и кошмами, для сидения подстилают сложенные втрое одеяла. Сравнительно недавно к этой обстановке, обычной для старинного дома в Фергане, стала прибавляться русская мебель.

В саду почти у каждого колхозника имеется легкая постройка — «балахана», или «баласара». Чаще всего это маленькая комната с дощатыми полом и крышей и дощатыми или решетчатыми стенами, поставленная на столбах, вкопанных в землю, на высоте до 3 м. Балахана другого типа состоит только из двускатной крыши на столбах. Третий тип — двухэтажная постройка, причем нижний этаж, обычно полуподвальный, заколочен досками и служит кладовой. Балахана часто встречается и над зданием чайханы.

4. ОДЕЖДА

Различия в старинной одежде семиреченских и ферганских уйгуров были невелики и сводились к некоторым деталям покроя.

Основными элементами мужского костюма являлись распашная нагельная одежда туникообразного покроя, которую мы условно назовем рубахой, штаны и халат. Рубаху шили обычно из белой бумажной ткани — «мата». Ее кроили из одного полотнища, перегнутого по плечам и разрезанного спереди посередине. По бокам полотнища сшивали под рукавом, но чаще с боков вшивали клинья, расширяющие рубаху к подолу. Рукав пришивали к центральному полотнищу по прямой линии с плечом, у проймы его расширяли небольшим четырех- или трехугольным клинышком — «хиптэк». Рукава делали очень длинные, так что спущенные концы их закрывали кисть.

Мужские рубахи уйгуров Семиречья — «кйпэк» отличаются от ферганских главным образом покроем ворота: он вырезывался узким и обшивался небольшим стоячим воротником с завязкой или застежкой у горла¹⁰⁴. Длинной рубахи были до колен или длиннее.

В Фергане рубахи старинного покроя — «яктак» носят до сих пор. Длинной яктак доходит до середины икр, ворот вырезан глубоко и не имеет воротника. Он прострочен в несколько рядов на машинке, причем строчка образует твердую полосу в 4 см ширины. На груди пришиты тесемки для завязки или пуговица. Верхняя часть спины положена на подкладку — «астар». На правой доле изнутри имеется большой карман. Рубахи такого типа распространены повсюду в Синьдзяне, особенно в западных оазисах, а также у узбекского населения Ферганы.

Штаны — «иптан», «тамбал» шили из того же материала, что и рубахи. Их кроют из четырех основных частей: двух штанин, слегка суженных к концам, пояса и клина, вставленного между штанинами. Пояс — «бой», 8—10 см шириной, плотно облегал бедра, в нем продернут шнурок-завязка. Штанины — «бойи», «дивайна» пришиты к поясу без сборок. Клин — «ач» имеет форму ромба. К поясу внутри обычно пришит карман. В холодное время года сверху надевали вторые штаны из более плотной бумажной или шерстяной ткани, а в Фергане — стеганные на вате. В Казахстане носили казахские широкие кожаные штаны — тамбал.

Верхней одеждой являлся халат — «чапан», также туникообразного покроя. Различия халатов илийских и кашгарских уйгуров сводились также в основном к разному покрою ворота. Илийские и семиреченские уйгуры носили короткие и длинные халаты с узким стоячим воротником, длинными узкими рукавами и застежками на груди и у горла. Помимо того, в конце XIX в. вошел в употребление татарского покроя «бешмет». Иногда к халату пришивали отложной воротник¹⁰⁵. Халаты кашгарских уйгуров имели покрой, подобный яктаку. Шили их из цветных хлопчатобумажных тканей, предпочтительно коричневого, синего и серого цвета. На праздничные халаты употребляли полупелюковые и шелковые ткани.

Самая парадная верхняя одежда семиреченских уйгуров называлась «пэреджэ», она имела вид широкого халата, крытого шелковой материей, а по вороту, борту и подолу обшивалась широкой лентой или была украшена вышивкой.

¹⁰⁴ У уйгуров Синьдзяна такого типа рубаха была распространена в восточных оазисах (Турфан, Хами) (В. И. Роборовский. Указ. соч., стр. 423).

¹⁰⁵ В. Э. Пайсель. Указ. соч., стр. 31.

Халаты обычно шили на вате, которая простегивалась с подкладкой из редкой бумажной материи. В Семиречье верх халата обычно оставляли гладким. В Фергане старинного типа халаты, которые и сейчас являются основной верхней одеждой, чаще имеют простеганный верх.

Ферганские халаты кроются так же, как яктак, только рукав значительно уже, особенно у кисти. Подол имеет внизу с боков два небольших разреза — «ирмач» — в 10—12 см длины, вдоль бортов пришивают клинья — «пеш», сплошь застроченные. Ширина пеш вверху — 4 см, к подолу они расширяются до 12—13 см. Ворот также прострочен, причем простроченная полоска сзади образует стоячий воротник. Верх халата простеган

Рис. 24. Уйгурка Ферганы в платье национального покроя

вместе с ватной подкладкой параллельными швами сверху вниз, на расстоянии в 3—4 см, рукава простеганы поперечными швами. Борта халата украшены обшивкой из плетеного шнура или тесьмы, такая же обшивка имеется по вороту, подолу и концам рукавов. Изнутри по краям подшита лента шелковой или бумажной материи в 4 см шириной.

Необходимой принадлежностью старинного мужского костюма был кушак, обычно из куска бумажной материи, которым обертывали талию несколько раз, — «бэлбаг». Кушаком опоясывали рубаху или халат.

Бедняки летом ограничивались только рубахой или штанами. Рубаху носили поверх штанов и опоясывали кушаком. Зимой надевали несколько халатов один на другой. Более зажиточные люди имели шубу на бараньем меху — «джуга».

В современном костюме уйгуров Семиречья и Ферганы наблюдаются более значительные различия. В Казахстане описанные формы одежды почти вышли из употребления. Рубахи старинного покроя, халаты и бешметы носят некоторые пожилые колхозники, у которых они еще сохранились (рис. 23). Новую одежду уже не шьют по старым образцам. Господствующей формой мужской одежды является городское платье: сорочки, гимнастерки, костюмы. Верхней одеждой служат пальто — «чапан», стеганки — «кунайки» и шубы — «джуга» на бараньем меху с кожаным или

матерчатый верхом, сшиваемые немного в талию, с меховым отложным воротником.

Значительное количество предметов одежды, особенно верхнего платья, приобретает в магазинах. Во время войны широко распространилась одежда военного покроя — гимнастерки, брюки-галифе, сапоги, шинели.

В Фергане уйгуры сохранили в основном все старинные элементы костюма, но кроме них бытуют некоторые формы нового происхождения. Яктак поныне является наиболее распространенной частью одежды. Помимо яктака носят рубаху другого типа, вошедшую в обиход не более 20—25 лет тому назад. Рубахи этого покроя — «кўйнэк» шьют для мальчиков и молодых людей. Они — туникообразного покроя, с прямым рукавом, вшитым на одной линии с плечом, но не распашные, значительно уже и короче яктака (до колен). Ворот вырезан до середины груди и не имеет ни застежек, ни воротника.

Еще позднее (в 40-х годах) среди молодежи распространилась рубаха типа гимнастерки («кўйнэк», «комсомолка»), которую, впрочем, нередко шьют и пожилым людям. Кроме того, носят городские рубахи других покроев, майки, военные гимнастерки, но употребление их в общем невелико. Для пошивки берут преимущественно белые или светлые ткани. Праздничная одежда нередко шьется из белого шелкового полотна.

Летом штаны и рубаха составляют весь костюм. Рубаху подпоясывают кушаком «балбаг», свернутым из бумажного или шелкового платка, нередко украшенного вышивкой. Подпояска обычно очень низка; повязав кушаком рубаху или халат, опояску руками сдвигают пониже. Узел завязывают спереди. Сбоку на пояс вешают нож в кожаных расшитых ножнах, чаще красного цвета, и табакерку из тыквы-горлянки с жевательным табаком.

Верхней одеждой является халат. От кашгарских халатов современный «тон» уйгуров отличается цветом ткани, идущей на верх халата, — «авра», в чем несомненно сказалось узбекское влияние. Летом обычно носят полосатый тон, сшитый из узбекской бумажной лощеной материи «бекасаб». «Кызыл тон» (красный халат) считается осенней одеждой, он имеет более толстую ватную подкладку. Зимой надевают «кара тон» (черный халат); чаще всего крытый черным блестящим сатином¹⁰⁶. Кроме того, зимой поверх тона носят суконные халаты «чэкмэн» без подкладки.

В холодную пору года рабочей одеждой нередко служит «пинжак» — похожая на ватник короткая стеганая куртка на толстой ватной подкладке с маленьким стоячим воротником, застегнутая спереди на 3—4 пуговицы. Рукав прямой, без манжета. Спина на талии слегка стягивается наглухо шитым поясом¹⁰⁷.

Городское русское платье очень слабо проникло в кишлаки, до сих пор только отдельные лица, связанные с городом (учителя, бывшие

¹⁰⁶ В Кашгарии, как упоминалось выше, уйгуры носили халаты преимущественно синего, коричневого, серого и черного цветов. Другие цвета прежде встречались редко. Только по данным Сайкс, бывших в Кашгаре в 1915 г., «мужчины носят халаты пурпуровые, красные, зеленые или полосатые в несколько цветов» (E. and P. Sykes. Op. cit., p. 58). Может быть, в этом сказалось влияние в Кашгаре ферганского костюма.

¹⁰⁷ Название этой части одежды говорит как будто о ее русском происхождении. Однако подобная одежда в XIX в. была распространена среди уйгуров Восточного Туркестана, особенно в Турфане, где такие куртки нередко заменяли беднякам халат (В. И. Роборовский. Указ. соч., стр. 423). Только покроем их проще — прямой и без пояса сзади. Они, подобно халатам, подпоясывались кушаками. В Турфане такие куртки называли «dzädzmäk» (Dr. K. Menges. Op. cit., S. 44).

военнослужащие, административные работники), имеют костюмы, брюки, рубахи городского покроя, купленные в магазине готового платья.

Следуя мусульманским обычаям, уйгуры брили голову наголо, только мальчикам иногда отпускали волосы или прядь волос по обету. Это практиковалось в случае смертности детей в семье. Тогда при рождении нового ребенка родители давали обет не стричь ему волос (или одной или нескольких прядей) до определенного возраста (6—8 лет), когда их торжественно срезали и отдавали в мечеть.

На голову мужчины надевали тюбетейку — «доппа», которую не снимали даже на ночь. Тюбетейки шили из хлопчатобумажной материи с остроконечной и круглой верхушкой и широкой обшивкой по краю, иногда украшенной вышивкой¹⁰⁸. Поверх нее обычно надевали шапку — «тумак» или «төпә» с широким меховым околышем, сшитую на ватной подкладке. Тулью шили из бархата или сукна, околыш чаще был из лисьего меха, у богатых — из выдры, бобра или соболя¹⁰⁹.

Ношение чалмы — «сәллә» не было в обычае у уйгуров. Чалму надевали только в случае праздничного богослужения в мечети, обычным головным убором она служила лишь для представителей духовенства.

Современные головные уборы значительно отличаются от старинных. Летом уйгуры носят тюбетейки узбекского типа. Наиболее типичны черные тюбетейки с белым узором, распространенные повсюду в Средней Азии. Мальчики надевают иногда цветные вышитые тюбетейки. В Казахстане некоторые поверх тюбетеек надевают фуражку или казахскую войлочную шляпу, реже ходят с непокрытой головой (молодежь). Многие из молодежи не бреют головы и отрачивают волосы. В Фергане до сих пор мужчины бреют головы.

Старинные теплые шапки встречаются очень редко. Зимой обычно надевают покупную шапку-ушанку — «кулакчан». Иногда употребляют казахские малахай и киргизские меховые шапки.

Из старинных видов обуви почти исчезли из употребления ичиги — «мәсә» — мягкие сапоги без каблука из сафьяна или кожи, чаще всего красного и зеленого цвета. В них ходили дома, а перед выходом на улицу надевали кожаные галоши «кәш», «кавьш». Носили также кожаные сапоги с каблуком и подбором — «өтүк». Беднейшее население употребляло «чорук» — род обуви, представлявшей собой кусок невыделанной кожи или кожи с мехом, затянутый на ноге веревкой¹¹⁰. Под сапоги и ичиги надевали чулки, сшитые из маты, или портянки.

В настоящее время носят преимущественно сапоги, сшитые сапожниками-уйгурами или купленные в магазине, шерстяные и трикотажные носки, зимой нередко надевают казахские валяные чулки «пайпак». В сырую и холодную погоду на сапоги надевают резиновые галоши, а в Фергане — глубокие, так называемые азиатские галоши. Старинные кожаные «кәш»

¹⁰⁸ Головной убор типа тюбетейки в Восточном Туркестане известен уже с древних времен. Изображение подобной шапочки встречается в стенописи VIII в. Уйгурская тюбетейка была значительно больших размеров, чем распространенные теперь в Средней Азии, в частности среди уйгуров, формы.

¹⁰⁹ Шапки такого же типа распространены повсюду в Кашгарии; называют их «тумак» (по сведениям Катанова, существует второе название «кога бөгүк» в Турфане. См. Dr. K. Menges. Op. cit., S. 45). Шапки имеют разнообразные формы — с облегающим, с остроконечным и высоким или плоским верхом, широким и узким околышем, иногда имеющим вид полоски меха, нашитой на шапку, немного выше ее края.

¹¹⁰ Н. Н. Пантусов. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа, вып. II. Казань, 1898, стр. 20. Нам сообщили другое название обуви — «чокан». — Материалы антрополого-этнографической экспедиции в Казахстан, 1947.

почти совершенно не встречаются. Летом галоши нередко надевают на босую ногу. В Казахстане, особенно в Алма-Атинской области, распространены городские формы обуви (ботинки и полуботинки), но главным образом среди представителей сельской интеллигенции.

Женский костюм в XIX в. состоял из рубахи — «кўйпак», одновременно служившей платьем и нательной одеждой, штанов — иштан и халата — чапан. Рубахи старинного покроя выкраиваются из цельного полотнища, которое перегибают пополам на плечах; по стигу вырезают узкий ворот. Спереди от ворота идет разрез (18—20 см длины) с застежкой у горла. Ворот обшит узким стоячим воротником. Рукава — прямые, широкие (до 35 см у кисти), очень длинные. С боков под рукавами к центральному полотнищу пришивают клинья. Ширина старинных рубах в подоле около 2,5 м, длиной они доходят до щиколоток. Однако такие длинные рубахи носили только пожилые женщины, молодые шили себе платья покороче.

Девушки носили рубахи несколько иного покроя: разрез делали не спереди, а на плечах и там пришивали тесемки или пуговицы. Замужние женщины, имевшие детей, делали на правой стороне груди цветные нашивки, обычно из красных или зеленых лент или из широкой тесьмы¹¹¹. Эти характерные отличия в одежде женщины, зависящие от ее семейного положения, исчезли, очевидно, уже в XIX в.¹¹²

Рубахи шили из бумажной материи разных цветов. Пожилые женщины предпочитали белый цвет или белый с цветным рисунком, в котором не было красного. Девушки и молодые женщины носили красные и зеленые платья. На платья шла преимущественно кашгарская бумажная материя (мата), а после переселения в Семиречье распространились русские ситцы.

Штаны шили из того же материала, что и рубахи; по покрою они не отличались от мужских. В Синьцзяне в XIX в. передко концы их, видные из-под платья, украшались специально вышитыми полосками ткани¹¹³. В Семиречье такие украшения уже не были известны. В Фергане уйгурки в качестве украшения подшивали узкую вышитую тесьму с кисточкой — «джияк», что, очевидно, переняли у узбеков. От узбеков же было воспринято название женских шаровар «лазым», сменившее прежнее название «иштан».

В Семиречье уйгурки поверх платья надевали короткие халаты — чапан и безрукавки — «кэмзэл», длиной доходившие до колен. В холодное время поверх одежды носили длинные просторные халаты с длинными рукавами — чапан или пэрэдкэ.

Верхний женский костюм в Кашгарском оазисе также состоял из халатов разной длины. В качестве праздничной одежды в Илийском крае и

¹¹¹ Об отличиях в женском костюме Илийского края сообщал Д. Федоров (указ. соч., ч. I, стр. 268). Различия в костюме в зависимости от возраста и семейного положения в XIX в. существовали повсюду в Восточном Туркестане. По описанию Роборовского, женщины в Турфане носили платья с разрезом на плечах до рождения третьего ребенка и только после этого шили более длинные платья с разрезом спереди и нашивали на правой стороне широкую тесьму — «зьюма» красного цвета в 4 ряда. Пожилые женщины нашивали узкую зеленого цвета. Нашивки на платьях замужних женщин в Кашгарии были обычно зеленые (указ. соч., стр. 427—428).

¹¹² Так, В. Э. Пайсель, наиболее подробно описавший костюм семиреченских уйгуров, уже не упоминает об этом. В XX в. этот обычай начал исчезать и в Восточном Туркестане. А. Лекко, бывший в Кашгарии в первые полтора десятилетия XX в., еще застал его. Шомберг, который в 1930 г. объездил многие оазисы Синьцзяна, отмечал, что различия в женской и девичьей одежде сохранились только в местах, более отдаленных от крупных городов, например в Керийском оазисе (C. D. Schöberg. The peaks and plains of Central Asia. London, 1938, p. 235).

¹¹³ A. Le Coq. Volkskundliches aus Ost-Turkistan. S. 30. Лекко сообщал, что уже в начале XX в. вышивку на штанах стали заменять нашивкой полоски цветного ситца русского происхождения (ibid).

Кашгарии женщины носили короткие кофты маньчжурского покроя с характерным вырезом ворота и застежкой на правом боку. Они украшались цветной обшивкой по вороту и борту, иногда на груди нашивали украшения, вырезанные из материи другого цвета¹¹⁴.

В конце XIX — начале XX в. среди уйгурок Семиречья и Ферганы распространилась верхняя одежда типа татарских бешметов. В Семиречье их называли «пэшмэт» или «чапан», в Фергане — «тон». Шили их из бархата, сатина и других тканей, с гладким непростеганным верхом, в талию, с узким рукавом и маленьким стоячим воротником. В бока вставлялись иногда пеширокие клинья. Плечо сильно скашивали, рукав делали узкий и еще более суживающийся к кисти. У пояса обычно пришивали карман (семир.— «янчук», ферган — «чойтэк»), иногда ложный. Вначале шили их без застежки, позднее стали пришивать 1—2 пуговицы на талии.

В настоящее время в Семиречье только некоторые пожилые женщины носят платье старинного образца. Наиболее распространены платья, имеющие покррой, условно названный нами «казахским» и «узбекским». Их основное отличие от старого уйгурского платья состоит в том, что они шьются из лифа и юбки, отдельно скроенных.

«Казахское» платье имеет отрез по талии. Лиф шьют из цельного полотнища с прямым плечом и рукавами, пришитыми на одной линии с ним. Узкий ворот обшивается стоячим воротником, нередко пришивают отложной воротник. Разрез спереди застегивается на 1—2 пуговицы. Юбка пришивается слегка в сборку. Покрой этот, несомненно, воспринят от казашек. Такие платья носят женщины всех возрастов, но молодые предпочитают «узбекский» фасон. «Узбекское» платье шьют на короткой (25—27 см) кокетке, к которой пришивают в сборку нижнюю часть платья. Иногда кокетку кроют со скошенным плечом. Платье такого вида не отличается от распространенного по всему Узбекистану. Ворот обшит широким отложным воротником.

Помимо того, молодые женщины нередко носят покушнные платья городских фасонов, избирая формы, близкие к национальным — с длинными рукавами, разрезом спереди, гладкой юбкой. В пригородных районах (Алма-Атинском, Энгельс-Казахском), а также среди интеллигенции распространяются кофты с юбкой и женские костюмы.

Верхнее платье старинного типа почти исчезло. На платье уйгурки надевают короткую (до талии или немного длиннее) безрукавку — кэмзэл, с узким, сильно скошенным плечом, большим вырезом спереди, застегивающуюся на 2—4 пуговицы. Сбоку обычно пришиты карманы. Безрукавка — почти обязательная часть костюма, надеваемая на платье любого покроя. Шьют их обычно из черного, красного и зеленого бархата, сукна или шерстяной материи. Очень распространены двубортные жакеты — «кастюм», покушное пальто (называемые по старому «чапан»). Зимой надевают стеганые шубы.

Современный женский костюм уйгурок Ферганы отличается большим сохранением национальных традиций. Женщины носят платья трех типов. Пожилые уйгурки шьют себе старинные платья, теперь называемые «тогры кбйнэк», преимущественно из бумажной белой или белой с неярким рисунком ткани. Наиболее распространен покррой платья более позднего происхождения, отличающийся только наличием широкого отложного воротника — «кайтарма яка». Девушки и молодые женщины носят платья

¹¹⁴ Ч. Ч. Валиханов. Сочинения, стр. 418. См. также иллюстрации в кн. E. and P. Sykes. Op. cit.— Такая кофта была распространена во всех оазисах Сяньцзяна.

«бурмă кӱйнӱк», распространившиеся после 30-х годов; женщины старше 30 лет считают неудобным надевать такие платья. «Бурмă кӱйнӱк» спи- вают из широкой длинной юбки — «етӱк» и короткой кокетки — «елмӱ», имеющей подкладку. Кокетка кроится из спинки и двух половинок переда, плечо скошено. Юбка пришита в сборку. Рукава к кисти немного рас- ширяются. Ворот обшит широким отложным воротником с закругленными концами, застегивается у горла на одну пуговицу. Девушки шьют таким фасоном все праздничные шелковые платья. На пошивку употребляется пестрый шелк маргеланских и кокандских фабрик (рис. 24).

Верх платья надевают жилетку-безрукавку, называемую «камзур» или «джилӱт». По покрою камзур не отличается от безрукавки семиречен- ских уйгурок. Его шьют длиной до талии или немного ниже; в Опской об- ласти камзур длиннее, причем спереди нижние углы бортов выступают мысками вниз. Спереди он застегивается на несколько пуговиц. На груди и у пояса обычно нашито несколько кармашков, часть из них — ложные.

«Кастым» (или кастюм) — женский жакет на подкладке, с длинным узким рукавом, иногда имеющий разрез у кисти, очевидно, сделанный по образцу русского городского костюма. К вороту пришивают отложной во- ротник 8—9 см шириной, иногда с отворотами. Нередко воротник делается из материи другого цвета, чем жакет.

Верхним платьем служит тон, вошедший в обиход с конца XIX в. Пожи- лые женщины носят тон более старинной формы — «тогры румча», без во- ротника и застежек. Более распространены пальто, длиной до колен, с ши- роким отложным воротником, иногда с отворотами и с застежкой на та- лии. Сзади на спине пришит пояс. Шьют его из сатина, бархата, плюша, преимущественно темного цвета.

На зиму делают такие же пальто подлиннее, на толстой ватной под- кладке, простеганной вместе с верхом. Зимой женщины носят также сте- ганый «пинжак», такой же, как у мужчин, служащий рабочей одеждой.

Женщины носят мягкие кожаные ичиги с галошами, реже сапоги, летом ходят босиком или в чувяках — «попуш», спитых из кожи и укра- шенных вышивкой. Обувь старинного типа употребляется и сейчас в Фер- гане. Семиреченские уйгурки зимой и осенью обычно надевают сапоги, в теплое время — туфли, купленные в магазине. Летом вместо чувяк неред- ко пользуются галошами, кожаными или резиновыми. Под обувь надева- ют чулки.

В XIX в. прическа и головной убор уйгурской женщины определялись ее семейным положением. Девушки заплетали волосы в несколько кос, в Илийском крае обычно в три косы¹¹⁵, в Кашгарии — три — пять кос¹¹⁶. Головным убором служила шапочка — «донпа» такого же покроя, как мужская тубетейка, но передко украшенная вышивкой золотом и сереб- ром, бисером, бусами, монетами, кораллами. Праздничную шапочку в Се- миречье — «кимхан бӱк» шили из парчи. Она имела вид цилиндра с постав- ленным на него конусом, состоящим из мелких складочек парчи, сходив- шихся у вершины. Цилиндрическая часть убора имела ширину в 10—12 см и украшалась драгоценными камнями: горным хрусталем, яшмой, аме- тистом. Этот убор дополнялся белым покрывалом¹¹⁷.

Замужние женщины до рождения первого ребенка носили девичью прическу или заплетали одну косу (Илийский край). Молодая замужняя женщина, если она жила недалеко от своих родителей, каждую неделю

¹¹⁵ Х о р о ш х и н. Очерки Семиречья. В кн. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края». СПб., 1876, стр. 321; В. Э. П а й с е л ь. Указ. соч., стр. 32.

¹¹⁶ E. and P. S y k e s. Op. cit., p. 60; В. И. Р о б о р о в с к и й. Указ. соч., стр. 426.

¹¹⁷ В. Э. П а й с е л ь. Указ. соч., стр. 31—32.

посещала родительский дом, где мать причесывала ей голову. Эти посещения прекращались после рождения первого ребенка, которое обязательно происходило в доме матери¹¹⁸. После этого женщина делала себе прическу в две косы¹¹⁹ и надевала поверх тюбетейки шапку — «тумак» или «бök» — с круглым, невысоким верхом из сукна, бархата или парчи и широким меховым околышем. На шапку (или тюбетейку) женщины надевали большое покрывало, ниспадающее на спину и плечи, обычно из белой бумажной материи или кисеи. Спереди из-под шапки выпускали небольшую вуаль (из кисеи), нередко богато украшенную вышивкой по краям и висячими кистями. Эта вуаль — «личэк» имела назначение закрывать лицо от взоров посторонних (как «чачван» у узбеков), но уйгурки обычно носили ее закинутой поверх шапки¹²⁰. В Илийском крае женщины не носили личэк¹²¹. Вопреки запретам ислама уйгурки не закрывали лица на улице, исключение составляли лишь женщины высших классов.

После переселения в Семиречье и Фергану в прическах и головных уборах женщин произошли некоторые изменения. В Семиречье скоро исчезли отличия женщин и девушек: и те и другие заплетали волосы в две косы. Начали выходить из употребления меховые шапки, сменяясь головным платком — «яглык».

Ферганские уйгурки переняли головные уборы и прическу узбеков Ферганы. Под влиянием окружающего узбекского населения уйгурки стали строже соблюдать обычай закрывания лица, а также носить паранджу.

В настоящее время в Семиречье старинные головные уборы не встречаются. Девушки и женщины заплетают волосы в две косы. Молодые носят цветные вышитые тюбетейки, либо белые или красные платки, с узлом на затылке, повязываемые низко на лоб. В холодное время года голову покрывают теплой шалью.

В Фергане головным убором служит тюбетейка и небольшой платок — «ромалча», зимой — теплый шерстяной платок или палъ. Тюбетейку — доша носят девочки, девушки и молодые женщины. Маленьким девочкам тюбетейки шьют из белого материала, но большинство носит ярко расшитые тюбетейки, изготовляемые в артелях вышивальщиц. Рисунок довольно стандартный — стилизованный цветок (роза) посредине с листьями вокруг него. Чаще всего вызывают крестом, употребляя нитки разнообразных расцветок и оттенков. Рисунок повторяется на каждой из четырех долей, из которых сшита верхушка тюбетейки. Такие тюбетейки распространены и в других районах Средней Азии.

Молодые женщины покрывают голову небольшим платком (ромал, ромалча) — так, чтобы два угла платка свешивались по обе стороны лба. Платок обычно вышивают цветными нитками по краю, а нередко окаймляют обвязкой белыми нитками в виде висячих шишечек, называемой «шингил» (виноградная кисть) или «папук». Носят также шелковые платки фабричной работы. Пожилые женщины повязывают голову большим (чаще белым) головным платком, который складывают углом и связыва-

¹¹⁸ В. Э. Пайсель. Указ. соч., стр. 33. Такой же обычай известен был в Турфане (В. И. Роборовский. Указ. соч., стр. 426 и 434).

¹¹⁹ По свидетельству Сайкс (E. and P. Sykes. Op. cit., p. 313), в Кашгарии смена девичьей прически на женскую отмечалась как особый семейный праздник, не менее торжественно, чем свадьба. Жена в этот день получала богатые подарки. Обряд назывался «Shachbagh» (заплетание косы).

¹²⁰ Д. Федоров. Указ. соч., ч. I, стр. 268; Н. Зеланд. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. «Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО», т. IX. Омск, 1887, стр. 46; Громбчевский. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарии в 1885 г. Новый Маргелан, 1886, стр. 12—13.

¹²¹ В восточных оазисах (Турфан, Хами) также было неизвестно покрывало для лица.

ют узлом на затылке, иногда им покрывают голову так же, как маленьким платком — ромал.

При Советской власти женщины-уйгурки в Узбекистане не только сбросили паранджу, но и перестали стесняться показываться с открытым лицом в общественных местах. Однако в более отдаленных от города районах еще наблюдаются пережитки старых обычаев: женщины не носят паранджи, но нередко, выходя на улицу, накидывают на голову халат, иногда детский, или же при встрече с посторонним мужчиной стараются отвернуться либо закрыть лицо головным платком.

Обычная прическа молодых женщин и девушек — множество мелких косичек, часто в концы их влетают белые шнурки. Косы закручивают вокруг тубетейки и связывают концами. Женщины старше 30 лет заплетают две косы, носят их обычно также закрученными на голове.

Из женских украшений наиболее распространены браслеты, серьги; кольца в Казахстане носят реже, в Фергане это — одно из излюбленных украшений. В волосы девушки, девочки и молодые женщины вплетают шнурки, в Казахстане обычно черные, в Фергане белые, иногда удлиняют косы, приплетая чужие волосы¹²². Прежде уйгурки вплетали в косы «чач-гуч» или «чачпöпүк», состоящий из трех длинных кистей из плетеного шелка, концы которых прикреплялись крохотными привесками из бус и камешков к треугольному металлическому украшению ювелирной работы, которое также подвешивалось к косам. Такое украшение уже до революции вышло из употребления. Украшения приобретают на базарах и в магазинах. Часть их покупают у казахских, киргизских и узбекских мастеров. В ферганских кишлаках до сих пор имеются свои ювелиры, выделывающие дешевые украшения из серебра или посеребренной меди. Чаще всего надевают перстни — «үзүк» — серебряные или посеребренные, реже золотые, с камешком или цветным стеклом (красного и зеленого цвета). Их носят на безымянном пальце, а если их несколько — то надевают и на указательный и большой пальцы, иногда два кольца — на один палец. В селениях Казахстана уйгурки любят серебряные браслеты — «биллэүк», круглые в сечении с несомкнутыми концами. В Фергане распространены плоские серебряные браслеты с штампованным узором в виде веточки, листа, спирали. Носят также браслеты из бисера и стеклянных бус. Из бус — «мончак» наиболее любимые — коралловые; кроме того, приобретают бисерные и стеклянные бусы: надевают обычно несколько нитей. Серьги (семир.— «зирэ», «пэйпэзэ», фERG.— «зырга») — серебряные, редко золотые, в виде кольца с камешком на нижней дужке.

Из косметических средств уйгурки больше всего употребляют усму для подкрашивания бровей. Краску готовят, растирая листья растения того же названия. Брови подводят даже маленьким девочкам. Девушки, а в Фергане также молодые женщины, соединяют брови в одну линию над переносем. В Казахстане женщина, вышедшая замуж, не соединяет бровей, но после рождения первого ребенка подравнивает брови выщипыванием. Эту операцию производят специалистки этого дела при помощи нитки¹²³. Прежде уйгурки употребляли также румяна «энглик» — подкрашенную вату, которой натирали щеки. Свообразным украшением были родинки «халь», нередко матери делали их искусственно своим детям, прокалывая им кожу и впуская в прокол каплю темной краски¹²⁴.

¹²² В Восточном Туркестане приплетали также фальшивые косы из волос умерших и из хвоста диких яков (см. В. И. Роборовский. Указ. соч., стр. 426).

¹²³ Материалы командировки Н. Г. Борозны, 1949 г.

¹²⁴ Н. Н. Пантусов. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа, вып. VIII. Казань, 1907, стр. 8.

Различия в современном костюме уйгуров семиреченской и ферганской группы появились, в основном, в недавнее время. В старинном костюме наблюдается много общих черт в покрое, выборе материала и цвета тканей, в обуви, прическах и головных уборах. Отличия были в мужском костюме (покрой ворота мужских нательных рубашек и халатов).

Семиреченские уйгуры восприняли новые формы костюма после революции. В обиход вошли городские формы русской одежды, которые в настоящее время в значительной мере изменили весь облик национального костюма, особенно у мужчин.

Костюм ферганских уйгуров изменился отчасти под влиянием узбекского, к которому он был очень близок, даже в деталях. Дальнейшие изменения в уйгурской одежде происходили одновременно с изменением костюма местного узбекского населения (новые формы мужской и женской одежды; на некоторых из них сказывается влияние русской городской одежды).

5. ПИЦА И УТВАРЬ

В пище уйгуров сильнее всего сохраняются старинные национальные традиции, — как в способах приготовления и употребления различных блюд, так и в выборе продуктов питания. В целом они близки к традициям, существующим у соседних народов Средней Азии, особенно у узбеков. Основная пища уйгуров — растительная с добавлением молока и молочных продуктов и мяса. Главные продукты питания — хлеб и мучные блюда.

По данным, собранным экономистами, обследовавшими хозяйство ферганских и семиреченских «туземцев» в 1909, 1915 и 1920 гг., можно судить о питании уйгуров до революции¹²⁵. Эти источники говорят о значительном преобладании растительной пищи в столе «оседлых туземцев». В тех же источниках есть данные об употреблении различных продуктов. Первое место среди них занимала мука (пшеничная, джугаровая, кукурузная) и крупы (рис, кукуруза, джугара, в Семиречье — просо, джугары там нет). Много употребляли овощей (морковь, тыкву, репу, турнепс, редьку), из бобовых — горох, маш, бобы. Довольно большое место занимали молочные продукты: кислое молоко — «кетык», кипяченые сливки — «каймак», сыр — «курт» и др. Из мясных продуктов больше всего употребляли баранину, реже на стол попадала говядина.

Колхозное строительство и, как следствие его, обилие продуктов, а также рост новых отраслей хозяйства, в особенности скотоводства, — не могли не оказать влияния на состав продуктов питания и пищевой рацион. При сохранении старых традиций и способов приготовления пищи наблюдается обогащение стола колхозников некоторыми новыми продуктами питания — такими, как картофель и помидоры, капуста, кондитерские изделия, сахар, мед, — а особенно повышение процента мясной и молочной пищи. Наиболее ярко это проявляется в употреблении жиров. Раньше для приготовления блюд шло главным образом растительное масло: в Фергане — хлопковое и кунжутное, в Семиречье — конопляное и горчичное; теперь употребляют преимущественно животные жиры, в том числе и сливочное масло, которое очень часто подают и к чаю.

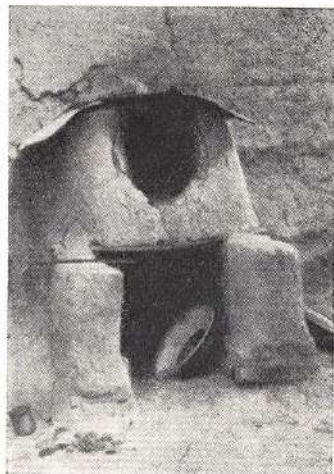
¹²⁵ «Хозяйство сартов Ферганской области». Ташкент, 1911; «Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г.». М., 1924; «Бюджеты крестьянских хозяйств в хлопковых районах Средней Азии», вып. 1—2. Ташкент, 1929; «Статистический ежегодник Турк. ССР, 1917—1923 гг.», вып. 1—2. Под редакцией Красовского. Ташкент, 1924.

Огромную роль в питании играли и играют фрукты и бахчевые культуры: дыни, арбузы, персики, абрикосы, виноград, яблоки, груши и т. д., употребляемые в свежем, сушеном и вареном виде.

Пищу для семьи готовит хозяйка дома, которой помогают дочери. Варят пищу в больших чугунных котлах — «казан», вставленных в отверстие над очагом (в Фергане казан помещается в камине). Для выпечки хлеба ставят особые печи. Хлебная печь уйгуров Семиречья — «тонур», «туно» — делается из глины, смешанной с бараньей шерстью (на одну печь идет шерсть с одного барана); в смесь добавляют горсть соли. Лепят печь валиками в 5—7 см ширины, накладываемыми один на другой. Печь имеет фор-

а

б

Рис. 25. Хлебные печи:

а — семиреченских уйгуров («тонур»), б — уйгуров Ферганы («стандыр»)

му несколько вытянутого полушария с плоской верхушкой, в которой оставляют отверстие для топки (рис. 25, а). Внизу сбоку находится небольшое отверстие — поддувало. Размеры печей различны, высота их обычно 80—90 см. Снаружи печь обмазывают глиной и обкладывают кирпичом, рядом с отверстием печи иногда делают широкую площадку, на которой сидит хозяйка, пекущая хлеб¹²⁶.

Уйгуры в Фергане раньше тоже делали печи такого же типа — «ер тандыр». В Пахта-Абадском районе нам сообщили, что ер тандыр еще в 20-х годах был в каждом дворе, но с тех пор быстро сменился узбекским тандыром и теперь встречается как исключение. В Семиречье всегда делают печи женщины, они же изготовляли старинные печи в Фергане; печь нового типа — «узбекский тандыр» — устанавливает мужчина. Основную

¹²⁶ Такие же печи устраивают уйгуры в Восточном Туркестане. См., напр., книгу Леккока (A. Le Coq. Auf Hellas Spuren in Ost-Turkistan), где имеется фотография хлебной печи; Роборовский приводит название «туноур» для Турфана (указ. соч., стр. 413). Несколько иную форму, очевидно более архаичную, описывает Грум-Гржимайло для Турфанского оазиса: «...выкапывается в один метр глубиной круглая яма, которая и вымазывается изнутри тонким слоем глины; края ее окружаются плоским, глиняным же, валиком, одновременно исполняющим два назначения: стола и ограды, высота которой обыкновенно не превышает 70 см» (Г. Е. Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 243).

его часть, напоминающую большой сосуд для воды — «хум» без дна, изготовляют ремесленники и продают на базарах. Для установки печи во дворе, недалеко от дома, делают высокий настил из досок на двух кирпичных столбах или на цельной кирпичной подставке, высотой 120—140 см от земли. На него кладут тандыр широким отверстием вперед, обмазывают глиной сверху и с боков, сверху пробивают небольшое отверстие для выхода дыма (рис. 25, б). Для печения хлеба в тандыре (тонуре) разводят огонь, и когда глиняные стенки печи раскалятся, лепешки налепливают на стенки через отверстие для топки.

Уйгурская кухня очень богата и разнообразна. Уйгуры славятся по всей Средней Азии как превосходные кулины и пользуются в этом отношении общим признанием как в Фергане, так и в Семиречье.

Хлеб и хлебные изделия пекут из пресного, реже из кислого, теста. Тесто — «хемир» замешивается в деревянном корытце на соленой воде. Его выкладывают на чистую скатерть и, отрезая куски нужной величины, разделяют их в лепешки с круглым валиком по краю и плоской серединой. Чтобы тесто не вздувалось, его прокалывают пучком куриных перьев (семир. — «чекүш», ферг. — «чекич»); готовую лепешку обмазывают с обеих сторон кислым молоком, к которому часто примешивают семена тмина, аниса, кусочки зеленого лука или другие приправы, припекающиеся к поверхности лепешки. В Казахстане пекут большие тонкие лепешки «непизнан» (30 см) и маленькие — «тогач», или «токач» — потолще, чем первые; их не накалывают чокушом, а продавливают пальцем.

В прежнее время бедняки чаще всего пекли лепешки из кукурузной муки (семир. — «зыгыр нан», ферг. — «загарá»). Теперь их готовят гораздо реже, так как они хуже пшеничных и скоро черствеют.

На праздники готовят различные сдобные изделия: «пати́р» (ферг.) — из теста, замешанного на молоке с маслом, обмазывая их маслом; «кичи́к тогач» (семир.) — маленькие лепешки из теста на масле и яйцах; «катлама́» (ферг.) — слоеные лепешки на сливках и масле, сверху посыпанные сахаром, по вкусу напоминающие хворост; «сангэ катлима» (семир.) — лепешки небольшого размера из слоеного теста. В Казахстане пекут в казане слоеные лепешки с луком — «катлима» или «казан-нан». В казане же пекут блины — «пошкál»¹²⁷ из сдобного крутого теста на масле или сале, «чават» (семир.) — сухие блины без сала, которые пекут в тонуре; «куйма́к» — оладьи, «чозна́» — маленькие блинчики на сливках. «Джимбил нан» изготавливается на пару; сдобное тесто на сливках свертывают валиком и кладут в специальную плетеную посуду — «джимбил» в виде плоской корзины, которую помещают над казаном с кипящей водой и накрывают крышкой. В Фергане подобное блюдо называется «хонан». В казане поджаривают «богусак» — кусочки теста на сале.

Из теста приготавливают различные пирожки, начиненные мясом и тыквой, приправленные перцем и луком. Наиболее распространены «самса» — пирожки небольшого размера, которые пекут в хлебной печи или жарят в казане на сале; «гöш-нан» («гöш-гирды») — большие пироги с мясом; «пöрэ» (семир.) — пироги, начиненные мелко крошеным луком и зеленью, поджаренные в казане на масле.

Из горячих блюд больше всего готовят мучные: лапшу, пельмени и другие. Уйгуры знают много способов приготовления лапши. В Фергане

¹²⁷ Пошкál были отчасти ритуальным блюдом. Так, бакши (шаману-лекарю) в качестве платы за лечение, помимо других даров, обязательно давали пошкál или муку для их выпечки (Н. Н. Пантусов. Таращинские бакши. «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. VI, 1907, стр. 49).

готовят из лапши преимущественно «лэнгмэн»¹²⁸ — полужидкое блюдо из толстой домашней лапши с кусочками мяса, мелко нарезанного лука, к которым теперь обычно добавляют картофель и помидоры. В Казахстане и Северной Киргизии уйгуры также чаще всего делают лэнгмэн, но здесь это блюдо очень отличается от ферганского. Из крутого теста делают длинную тонкую лапшу, варят ее в кипящей воде, затем вынимают, кладут в холодную воду, после чего откидывают и подают на стол. Предварительно делают соус из мелко накрошенной баранины, лука, поджаренного на сале, перца и помидоров. Все это варится в казане и переливается в особую кастрюлю, на столе этим соусом поливают готовую лапшу.

Реже готовят другие кушанья из лапши «мэнчүр-аш» — мелкую треугольную лапшу; «халваш»¹²⁹ — четырехугольную лапшу, также приготовленную с мясом, помидором, луком, перцем и чесноком; «суйгап» (семир.) или «өрәш» (ферг.) — жидкий суп с мелкой лапшой, который варят с луком, перцем и овощами, а иногда кладут и мясо, нарезанное мелкими кусочками.

Пельмени (семир.— «чүшүрэ», ферг.— «чора») принадлежат к числу любимых и праздничных блюд. По форме и размерам они похожи на сибирские пельмени, их варят в бульоне, с салом, чесноком и перцем, и с бульоном подают на стол. «Манта» — пельмени большого размера, начиненные мясом с тыквой или одной тыквой, которые варят на пару. Для начинки мелко рубят жирную баранину и тыкву особого сорта (называемую в Казахстане «манта кава»), прибавляют лук и красного стручкового перца. Сваренные на пару манту подают обильно смазанными маслом или с укусной подливкой, иногда последнюю заменяют помидорами.

Много блюд изготовляется из риса. Наиболее известное из них — плов (семир.— «полу» или «гүрүч аш», ферг.— «палау»), который готовится в каждом торжественном случае, особенно в Фергане. По способу приготовления уйгурский плов не отличается от узбекского. Главные продукты — рис, мясо (преимущественно баранина), лук. В праздничный плов добавляют мелко нарезанную морковь. Раньше плов обычно делали на растительном масле, теперь большей частью на сливочном масле или бараньем сале. В Фергане в плов иногда добавляют картофель.

Кроме плова, из риса готовят кашу с мясом и луком (семир.— «шолу», ферг.— «шавла»)¹³⁰, обычно довольно жидкую; «ширин-гүрүч» — сладкую рисовую кашу на молоке без пряностей и сала.

Уйгуры часто готовят мясной суп — «шова» (семир.), «шорва» (ферг.); его варят из баранины или другого мяса с овощами: морковью, луком, нередко с картофелем и помидорами; иногда прибавляют редьку, репу, горох. На столе суп иногда подбеливают кислым молоком. Приготовление этого супа в Фергане и Казахстане несколько различно. Семиреченские уйгуры сначала поджаривают мелко изрезанные овощи и мясо, затем подливают воды, кладут картофель и помидоры; в Фергане мясо (не нарезанное) и овощи кладут в воду и варят; затем мясо вынимают из готового супа и подают на стол после него. Нередко делают рисовый суп с картофелем на мясе или на масле (семир.— «хорда», ферг.— «мостова»); «хорда» (ферг.) — молочный рисовый суп; «ора-чой» (ферг.) — мясной суп,

¹²⁸ По Пантусову, «лямань» — дунганское название лапши, которому соответствует таранчинское «угра» («Таранчинские бакши», стр. 53). Но теперь семиреченские уйгуры употребляют только термин «лэнгмэн» (параллельное ему «уграш» известно, но обычно не употребляется).

¹²⁹ Другие названия такой лапши — «жингту» или «кесмэ».

¹³⁰ Более сладкая каша называется также «когур-машавла» или «медресешавла» (ферг.).

приправленный мукой; «кѳжэ» (семир.) — суп с просом: «маш-хорда» (ферг.) — гороховый суп.

До революции наиболее распространенным среди бедняков блюдом была кукурузная похлебка — «умач» (семир.). Ее варили из кукурузной или пшеничной муки, добавляя молока, иногда масла¹³¹. Ферганские уйгуры, кроме такого же супа — умач, варили похлебку из зерен кукурузы — «корá», которую также ели с кислым молоком. Теперь такие блюда готовят очень редко.

Чисто мясных кушаний у уйгуров немного. Это, прежде всего, пашлык — «кавап» — кусочки баранины и лука, поджаренные на вертеле. Делают два сорта колбас: «хесип» — из баранины с рисом, начиненных в бараньи кишки, и «кезы» — копченые колбасы из конины, очевидно перенятые у казахов¹³².

Из новых продуктов питания наиболее распространенными для уйгурского стола являются картофель и помидоры; последние стали необходимой приправой к традиционным блюдам — лапше, супам и др.

Семиреченские уйгуры нередко готовят «кордák» — новое блюдо из картофеля с мясом, луком, морковью и помидорами. Делают также «жарков» — жареный картофель с мясом. Летом и осенью нередко готовят легкие овощные закуски: вареные в соленой воде початки кукурузы, вареную тыкву, в Казахстане — салат из свежих помидоров, огурцов и лука. Часто закуской служит дыня или арбуз, которые едят с лепешкой.

Фрукты едят в сыром и сушеном виде. Особенно много их бывает на столе летом и осенью. Иногда из них делают похлебки вроде компотов на сиропе из дыни: «чўму» из урюка, «шинны» из тутовых ягод и др.

Молоко и молочные продукты — сливки, сыр — идут главным образом в приправы к различным блюдам. В свежем виде молоко не употребляют. Пьют его кипяченым или чаще всего кислым, разбавленным водой — «айран». Сыр — «курт» готовят из творога в виде небольших катышков и высушивают на солнце; подают его к чаю.

Большую роль в питании уйгуров играет чай. В Семиречье чаще всего пьют «эткэн чай», который скорее является питательной похлебкой. Эткэн чай варили раньше исключительно из китайского кирпичного чая, но теперь иногда берут для этой цели и другие сорта. Варят чай в казане с солью, а затем переливают в кастрюлю и добавляют молока и сливок — «каймак». Иногда уже на столе в чай кладут сливочное масло или кусочки поджаренного бараньего сала. Чай разливают в большие миски «апкур», вместимостью с тарелку, и едят с лепешкой, которую крошат в чай¹³³.

После горячих жирных блюд обычно на стол подают «синчай». Для приготовления его кипятят воду в медном или чугунном чайнике, реже в казане. Это обычный чай без соли, иногда его забеливают молоком. На стол синчай подают разлитым в маленькие пиалы.

Ферганские уйгуры пьют чай зеленый — «кѳк чай» и черный — «пэмил

¹³¹ Умач, по свидетельству Певцова и Гренара («жидкий кисель, приготовленный из маисовой муки») — общеупотребимое блюдо в Кашгарии; бедняки обычно довольствуются им одним (см. М. В. Певцов. Указ. соч., стр. 123; Dutreil de Rhins. Op. cit., t. II, p. 105).

¹³² Для приготовления хесипа рис обдают кипятком, мясо нарезают кусочками и варят в казане. В колбасу прибавляют различные приправы. Конские колбасы готовят из мяса, снятого с ребер и посоленного; коптят их в течение недели.

¹³³ В Восточном Туркестане в XIX — начале XX в. было повсюду отмечено употребление соленого чая с молоком и сливками (Певцовым и Гренаром — в Южной Кашгарии, Роборовским — в Турфане, Сайкс — в Кашгарском оазисе). Помимо него, пьют обыкновенный чай, черный и зеленый, которым запивают обеденные блюда и угощают гостей.

чай»; воду кипятят в кумгане, а чай заваривают в большой фарфоровый или фаянсовый чайник. Знают также «как чай», сваренный с солью и забеленный молоком, но пьют его очень редко.

Пищевой рацион и ежедневный стол ферганских и семиреченских уйгуров имеет довольно существенные различия, связанные отчасти с различиями в хозяйстве областей. Уйгуры Семиречья больше употребляют мяса и молочных продуктов, из зерновых продуктов у них преобладает пшеница, кукуруза и отчасти просо, меньше — рис. У ферганских уйгуров рис употребляется гораздо чаще, рисовые блюда более обычны. Они едят больше фруктов.

Рис. 26. Уйгурская семья за столиком «джоза»

Уйгурская семья питается обычно три раза в день: утром и в полдень бывает легкий завтрак, вечером — обед. В Казахстане утром пьют эткэн чай с лепешкой, нередко подают сливочное масло. Лепешку крошат кусочками и бросают в чай, откуда вылавливают ложкой или палочками — «чока». Днем опять — эткэн чай с лепешкой, иногда суп. Вечером чаще всего делают «лэнгмэн» или «кордак», пельмени и другие блюда. В праздники для гостей готовят плов, сдобные лепешки и печенья.

Ферганские уйгуры утром пьют чай с лепешками. Нередко ставят на стол кислое молоко, в которое обмакивают лепешку; летом всегда добавляют свежие фрукты (урюк, персики, виноград). В полдень опять пьют чай или едят суп, чаще всего овощной на бараньем бульоне — «шорва». После супа обязательно пьют чай. Вечером едят суп или какое-нибудь густое блюдо: рисовую кашу — «шавла», лапшу — лэнгмэн, нередко плов, сделанный без моркови и с небольшим количеством мяса. Все это также запивают чаем. Следует отметить, что на обеденном столе ферганских уйгуров чаще появляются супы и похлебки, чем в Семиречье, где роль горячего жидкого блюда выполняет эткэн чай.

Едят уйгуры, сидя на полу, на кошмах (в Семиречье — обязательно на суше, в Фергане либо на полу, либо на «чорная»). Посуду с пищей и хлеб ставят на разостланную скатерть, в Семиречье — на низенький стол «джоза» (рис. 26). Обеденные блюда разливают в большие миски (семир.— «ашкур», ферг.— «кесэ»), чаще всего фаянсовые, из них же в Семиречье

пьют эткэн чай. Посередине стола кладут одна на другую несколько лешпек, которые перед началом еды хозяин или старший гость разламывает руками. Едят деревянными ложками. Раньше в Фергане ели, беря пищу рукой, а жидкость отпивая из чашки, в Семиречье пользовались деревянными палочками — «чока». Некоторые кушанья, например плов, подают на общем блюде или тарелке. В Казахстане раньше пользовались деревянными тарелками — «тавак», теперь это обычно фаянсовые тарелки или металлические подносы. Плов каждый участник трапезы берет рукой. Манты в Семиречье подают также на общей тарелке, откуда по 1—2 штуки перекалывают в маленькие пиалы, стоящие перед каждым, в которых обычно налит уксус или растопленное масло.

Чай пьют из маленьких пиал, причем у семиреченских уйгуров для каждого ставят отдельную пиалу и в нее наливают чай на две трети. В Фергане семья пьет чай из одной пиалы, передаваемой по очереди, чай в нее наливают понемногу.

В уйгурском доме преобладает покупная посуда фабричной работы (подносы, фарфоровые и фаянсовые блюда, пиалы, тарелки, чайники, металлические ложки). В Семиречье еще до сих пор немало самодельной посуды, вырезанной из дерева, — тарелки, ложки, корытца для теста (рис. 27). Делают также посуду из тыквы — разливательные ложки, фляжки, табакерки. В Фергане самодельная деревянная посуда встречается реже.

Глиняная посуда у уйгуров мало употребляется. В Семиречье встречаются глиняные миски, в Фергане — большие глиняные сосуды для воды — «хум».

Из новых форм посуды, перенятых от русских, наиболее широко распространился самовар — он имеется в каждой чайхане, а в Семиречье почти у каждого хозяина. В Семиречье много другой русской посуды — железные ведра, сменившие уйгурские деревянные ушаты и глиняные хумы, чашки с блюдцами, тарелки, вилки, ножи, кастрюли и сковороды.

Следует отметить значительное влияние китайской кухни на уйгурскую (особенно в Семиречье), — например приготовление блюд на пару. На заимствование некоторых кушаний уйгурами указывают их китайские или дунганские названия: «манту», в Казахстане «хо-нан» и пр. С китайским влиянием связано употребление палочек для еды.

6. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДВУХ ГРУПП УЙГУРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ)

Как уже было показано выше, семиреченская и ферганская группы уйгуров Советского Союза значительно отличаются друг от друга по современной материальной культуре.

Целый ряд различий между ними возник уже после переселения в результате различных условий их жизни, природных (почвы, климат), историко-экономических (например, более сильное проникновение капитализма в Фергану), а также в результате различного этнического окружения (узбеки и таджики, отчасти киргизы, в Фергане, русские и казахи в Семиречье).

Помимо того, материальная культура семиреченских уйгуров-переселенцев из Илийского края, и уйгуров Ферганы, переселившихся из Кашгарии, имела и прежде некоторые различия в ряде элементов, отражая варианты материальной культуры уйгуров разных оазисов Синьдзяна.

Илийская группа уйгуров образовалась из подневольных переселенцев из различных оазисов Кашгарии. В 60-х годах XVIII в. маньчжурские

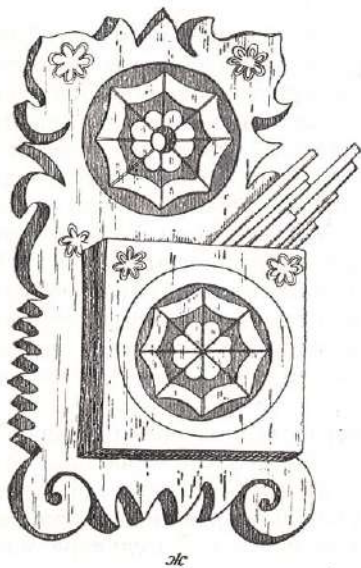

Рис. 27. Утварь семиреченских уйгуров:

а — толкушка для проса «келе» с пестом «келсап», б — сосуды из тыквы «напан», в — плетеная шумовка «чоло», или «чойла» для доставания манту из котла, г — деревянное корытце для замешивания теста «тенги», д — сечка для рубки мяса «чайду», е — ложка для выкладывания плева «кэлкур», ж — подвесной ящичек для хранения ложек и палочек для еды «ношук салгуч»

завоеватели переселяли в Илийскую долину преимущественно жителей юго-западной Кашгарии (оазисы Кашгар, Аксу, Яркенд, Хотан), поскольку восточные оазисы — Турфан и Хами были уже вассалами империи. Некоторое число турфанцев переселилось со своим князем, который был назначен хаким-беком (правителем) уйгурского населения в Или. Очень вероятно, однако, что до середины XVIII в. в Илийской долине жили уйгуры, переселенные сюда при джунгарах. По предположению Радлова, эти ранние переселенцы составили основную часть жителей г. Кульджи¹³⁴. Джунгары должны были переселять преимущественно население Турфанского и Хамийского оазисов, подчинявшихся с начала XVIII в. Китаю и часто подвергавшихся нападению калмыков.

К сожалению, нельзя установить характер расселения выходцев из разных оазисов — держались ли они «землячествами» или были поселены смешанно. В. В. Радлов приводит в этом отношении совершенно противоположные утверждения¹³⁵. В одном случае несомненен факт поселения вместе друины турфанского населения, которые образовали село Турфан-юзы (вернее «йеза») ¹³⁶. Вероятно, уйгуры селились в Или так же, как впоследствии в Семиречье, т. е. отдельные села или кварталы занимались одной земляческой группой, но по соседству с ними поселялись группы из других областей Кашгарии, так что в XIX в. они были уже смешаны.

Уйгуры в Илийском крае были поселены среди чуждого им этнически или культурно населения — монголов, мапъчжур, китайцев, дунган и казахов, но, несмотря на это, хорошо сохранили свою национальную культуру, лишь в незначительной степени восприняв инородные влияния от своих оседлых соседей дальневосточного происхождения. Сохранение национальных особенностей в культуре уйгуров в Илийской долине находит объяснение в достаточно высоком ее уровне, выработанном веками. Спазывались и различия в религии с оседлыми соседями-китайцами, а также тесные связи с народами Средней Азии.

Вторым важным этапом в истории культуры этой группы уйгуров было переселение в Россию, очень оригинальное в истории событие — добровольный переход целой этнической группы на новую территорию. Это переселение должно было способствовать исчезновению всех остатков локальных различий, которые, как нам представляется, еще существовали в XIX в. в отдельных селениях Илийского края. Переселение сопровождалось новым смешением населения, при котором соседями оказывались жители ранее очень далеких друг от друга поселений. Новые климатические условия и необходимость заново строить хозяйство, ставить постройки и т. д. облегчали распространение отдельных элементов, ранее не бывших общими. Примером служит приведенная в главе о жилище история кана, который, по-видимому, широко распространился у уйгуров только после переселения в Россию, а в Илийском крае, видимо, составлял особенность лишь выходцев из Турфана.

В результате двукратного переселения выработалась оригинальная и довольно единая культура. В условиях Советского государства она продолжает развиваться, воспринимая черты новой, социалистической культуры, но, перестраиваясь, сохраняет национальные традиции, придающие особую окраску социалистической национальной уйгурской культуре, единой для данной группы.

¹³⁴ W. W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. II. Leipzig, 1883, S. 321.

¹³⁵ Ibid., S. 324, 338, 345.

¹³⁶ Н. Н. Пантусов. Война мусульман против китайцев. Соч. Муллы Биляля. Казань, 1881, вып. II, прим. 38.

Семиреченская группа уйгуров спаялась в очень монолитное и стойкое национальное меньшинство. Национальная политика Коммунистической партии обеспечивает возможность дальнейшего развития и расцвета национальной уйгурской культуры. В Казахской ССР выделены уйгурские национальные районы, развивается уйгурская печать, уйгурское театральное и музыкальное искусство.

Образование ферганской группы уйгуров имеет другую историю. В Фергану переселялись преимущественно жители Кашгарского оазиса и небольшое число яркендцев и уроженцев других оазисов Кашгарии. Вторая особенность состояла в том, что переселение происходило постепенно, небольшими группами, на протяжении долгого времени (около столетия), а так как Фергана в XIX в. была уже довольно плотно населена, уйгуры нередко селились совместно с местными узбеками. Лишь в некоторых случаях образовались более крупные (в 2—3 тыс. человек) группы уйгурского населения (Зарабдарский сельсовет Ленинского района, Уйгурский сельсовет Пахта-Абадского района, Кашгар-Кипшлакский сельсовет Опшского района).

Мы говорили выше, что численность уйгурского населения Ферганы в середине XIX в. значительно превышала современную. Уменьшение уйгурского населения нельзя объяснить обратным переселением уйгуров на родину, так как до последнего времени имело место прибытие эмигрантов из Кашгарии, хотя в незначительных размерах. Несомненно, многие потомки уйгуров-переселенцев именуются ныне узбеками и входят в состав узбекской нации. Имеются некоторые, подтверждающие это, факты. Так, например, В. А. Парфентьев сообщает о том, что в сел. Вуадиль, считающимся узбекским, половина населения является потомками выходцев из Кашгарии¹³⁷. О том же говорит и тот факт, что в Кокандском районе и некоторых других районах имеется ряд селений, называемых Кашгар-Кипшлак, хотя все современные жители этих кипшлаков считают себя узбеками. Очень интересно наличие так называемых «умлаутизированных» говоров в районе Намангана. А. К. Боровков пришел к выводу, что эти говоры создались не в результате влияния уйгурского языка на узбекский, а наоборот, являются результатом узбекизации уйгурского языка. Автор отмечает две степени «узбекизации» этих говоров, что, по его мнению, говорит о двух разновременных эмиграционных волнах¹³⁸. Наманганский район, наряду с Опшским и Андижанским, являлся территорией преимущественного переселения выходцев из Кашгарии. По нашим данным, современные уйгурские селения редко насчитывают больше 100 лет, т. е. появились не раньше 1840—1850 гг. Можно полагать, что большинство селений, которые основаны кашгарцами раньше этого времени, теперь считаются уже узбекскими, т. е. потомки более ранних эмигрантов полностью слились с современным узбекским населением Ферганы.

Кашгарский оазис и Ферганская долина — смежные районы оседлой культуры уйгуров и узбеков — народов, родственных друг другу по языку, быту и происхождению. Политические и исторические связи населения Ферганской долины и Кашгарии отмечаются с древнейших времен. Отсюда понятно и сходство в материальной культуре населения обоих оазисов.

Близость материальной культуры населения Кашгарского оазиса и Ферганской долины, наряду с отмеченными выше особенностями расселения уйгуров в Фергане, привели к полной утрате отличий материальной

¹³⁷ В. А. Парфентьев. Селение Вуадиль. «Ежегодник Ферганской области», т. III, 1903.

¹³⁸ А. К. Боровков. К характеристике узбекских умлаутных или уйгуризированных говоров. Сб. «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946, стр. 29—30.

культуры уйгуров и их оседлых соседей. Произошло это в результате взаимовлияния обеих культур, с естественным преобладанием узбекского влияния.

Ясному представлению о том, насколько уйгуры восприняли узбекские элементы культуры и насколько сохранили специфически свои, препятствует недостаточная изученность материальной культуры не только уйгуров Кашгарии, но и узбеков Ферганы в XIX в. Судя по имеющимся литературным источникам по этнографии Восточного Туркестана, бытовавшие там орудия сельского хозяйства и ремесленного производства почти не отличались от ферганских, даже в терминологии. Переселившись в Фергану, уйгуры переняли существовавший там тип хозяйства, который не очень отличался от кашгарского, поскольку сложился в сходных природных и социально-экономических условиях. Значительно изменила характер сельского хозяйства в Ферганской долине культура египетского хлопка, появление которой произошло уже после обоснования основной массы уйгуров на этой территории.

В костюме уйгуров и узбеков в XIX в. не было больших различий, за исключением различий в женских головных уборах, в цветах материй, идущих на мужской халат (для уйгуров характерно преобладание синих цветов и редкое употребление полосатой и красной ткани). В покрое наблюдалось большое сходство — туникообразные рубахи типа «яктак» и халаты без воротника у мужчин, такие же халаты и прямые платья со стоячим воротником и разрезом спереди у женщин, без воротника, с разрезом на плечах у девушек. Современные узбекские платья с короткой кокеткой и отложным воротником и узкие пальто в талию со скошенными плечами появились в быту уйгуров и узбеков значительно позднее и, вероятно, были усвоены ими одновременно.

Наиболее существенные перемены отмечаются в жилище. Для кашгарцев не свойствен тот тип постройки с двойным деревянным каркасом, который господствует у ферганских уйгуров. Столь же непохож на кашгарский и интерьер ферганского дома. И то и другое было воспринято от узбеков. У них же уйгуры переняли хлебную печь тандыр (до сих пор именуемую тандыром, в то время как уйгурская печь старого типа называется в Фергане «ер тандыр», т. е. земляной тандыр).

Немалую роль в заимствовании каркасной постройки сыграли особые сейсмические условия Ферганы (частые землетрясения), к которым узбекские каркасные дома со стенами, изрезанными нишами, гораздо более приспособлены, чем простая глинобитная или кирпичная кладка. Имеет значение и то, что в Фергане, вследствие частых колебаний почвы, дома быстрее разрушаются. Дом 10—15 лет считается уже старым и редко доживает до 30 лет, поэтому старые формы исчезают быстрее.

В Опском районе, где сохранилось несколько жилищ, построенных около 60 лет назад, встречаются жилые дома, отличающиеся от обычной ферганской постройки и, вероятно, сохраняющие некоторые старые традиции, принесенные из Кашгарии: особый план дома в виде квадрата, поделенного на четыре помещения, небольшое число ниш в стенах, наличие сушья внутри дома, где она занимает половину комнаты.

Очень значительно узбекское влияние на язык ферганских уйгуров, сказывающееся, в частности, в терминологии. В настоящее время в названиях элементов материальной культуры уйгуров и узбеков отличий не наблюдается. В некоторых случаях уйгуры сообщали нам, что бытующий у них тот или иной термин — узбекский, а свой, уйгурский, они знают, но не употребляют (например, вместо уйгурского названия порога «босуга» теперь говорят «астана» и т. п.).

В результате особенностей расселения уйгуров в Фергане мелкими группами, происходившего в течение длительного периода и в среде густого оседлого населения, родственного им по языку, культуре, религии, уйгуры частично уже слились с преобладающей в Фергане узбекской нацией, частично находятся в процессе слияния с нею.

7. НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УЙГУРОВ И ДРУГИХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Материальная культура уйгуров обнаруживает большое сходство с культурой оседлых народов Средней Азии — узбеков и таджиков. Если в некоторых случаях можно это объяснить заимствованием, то в целом мы находим здесь сходство родственных культур, объясняющееся древнейшими этно-культурными связями.

Мы говорили уже о сходстве культуры народов Восточного Туркестана и Средней Азии с древнейших времен, отмеченном советскими археологами. Оно обнаруживается уже в IV—III тысячелетиях до н. э. в памятниках Хотана и Хорезма (в так называемой кельтеминарской культуре Хорезма) и прослеживается в дальнейшем. С I—II вв. н. э. (Кушанское царство) до XVIII в. (завоевание маньчжурами) Восточный Туркестан то частично, то целиком входит в государственные образования, объединяющие его с теми или иными народами Средней Азии.

Связи между народами Восточного Туркестана и Средней Азии не прекращались на всем протяжении истории, не прекратились они, как мы видели, и после присоединения Синьцзяна к Китаю в XVIII в.

В нашу задачу не входит рассмотрение этих древнейших культурных взаимосвязей и их развития. Мы постараемся лишь отметить в материальной культуре уйгуров те черты, которые свидетельствуют о ее ближайшем родстве с культурой среднеазиатских народов. Сходство материальной культуры уйгуров и оседлых народов Средней Азии наиболее заметно выступает в хозяйственной деятельности тех и других. Ряд соответствий в типе хозяйства, землепользовании, орошении, видах сельскохозяйственных культур зависит от большого сходства природных условий оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана. Более интересно сравнение орудий труда. Иногда разница между ними ограничивается незначительными деталями или даже только наименованиями.

Примитивное орудие пахоты — деревянная соха с чугунным или железным лемехом — характерно для всей Средней Азии. Узбекский омач отличается от уйгурской сохи («сапан», «бугуса», в Кашгаре — «омач»), как указывалось выше, только способом регуляции глубины вспашки. Плетеная борона семиреченских и восточнокашгарских уйгуров находит параллели в «чапаре» горных таджиков и язгулемцев, так же плетеном из сучьев¹³⁹. В Кашгарии вместо плетеной бороны употребляется «мала» — такая же, как и в Узбекистане. Молотильный камень семиреченских уйгуров отличается от узбекского (в Фергане) только наличием деревянной рамы. Помимо того, в Средней Азии и в Восточном Туркестане очень распространен другой способ молотбы — животных гоняют по разостланным снопам, и они ногами вытаптывают зерно. Серп уйгуров отличается более длинной ручкой и менее изогнутым, широким лезвием, это делает его похожим на

¹³⁹ Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 116; Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы Западного Памира. «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 92.

косу. Важным орудием земледелия является кетмень — лопата типа мотыги, одинакового типа как в Кашгарии, так и в Средней Азии.

Большое сходство мы находим в инвентаре ремесленников. Одинаковы типы плотничьих топоров («кэка») у семиреченских уйгуров, «тиша» у узбеков), пил, орудий кузнечного и сапожного ремесла¹⁴⁰. Мало различия в устройстве уйгурских и узбекских мельниц, маслоделен, рисорушек.

Большой интерес представляет сопоставление жилища уйгуров и оседлых народов Средней Азии. При сравнении мы примем во внимание лишь старинный уйгурский дом Семиречья и известные нам вариации жилого дома уйгуров в Восточном Туркестане. Узбекское и таджикское жилище выступает в ряде местных вариантов, которые, несомненно, существуют и в уйгурском жилище Восточного Туркестана, но, к сожалению, о них приходится в большинстве случаев лишь догадываться. Старинный уйгурский дом Семиречья сближается по ряду признаков с наиболее архаичными типами узбекского дома Хивинского оазиса и жилищем горных таджиков. Их характеризуют глинобитные (паховые в Хорезме) или кирпичные, а в горах — связанные глиной каменные стены, суживающиеся кверху, на которых держится тяжелая кровля¹⁴¹. Плоская крыша на деревянной клетке из балок и тонких жердей, сверху крытая хворостом, соломой и землей, встречается повсюду в Средней Азии, но в Фергане, Бухаре и других местах она держится на деревянном каркасе, в жилищах же уйгуров — на стенах, и только в больших помещениях для ее поддержки ставится несколько столбов внутри комнат. Не менее характерно устройство светового отверстия в крыше, только в уйгурском жилище оно не служит одновременно для выхода дыма, так как уйгурский дом отапливается очагами с дымоходом в стене, старинные же дома таджиков и хивинцев отапливались «по-черному»¹⁴².

По внутреннему устройству уйгурский дом Семиречья имеет сходство с домом горных таджиков. Их роднит приподнятый пол в виде супы у уйгуров; «декун» у горных таджиков¹⁴³. Размеры этого возвышения и особенно его формы различны; так, у горных таджиков оно отличается гораздо большей высотой, так что иногда под ним устраиваются даже особые помещения для скота¹⁴⁴. По расположению этого возвышения вдоль стен с проходом посередине таджикское жилое помещение напоминает уйгурский айван или далан в Куче и Хотане, описанные Лекоком и Гренаром¹⁴⁵, где супа также сбита у стен, а посередине оставлен проход, над которым в потолке проделано световое отверстие. Супа и декун являются местом, где проходит жизнь семьи, а пониженные места пола служат лишь для прохода (в таджикском доме они даже считаются нечистым местом¹⁴⁶).

В стенах для различных вещей проделаны небольшие ниши, 2—3 на

¹⁴⁰ См. Кирпичников. Краткие очерки некоторых туземных промыслов. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. V, 1897.

¹⁴¹ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна реки Хинтоу. «Советская этнография», II. М.—Л., 1939, стр. 154—155; В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 81; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. «Тр. Ин-та этнографии», т. III, вып. I, Серия этнографическая, Л., 1940, стр. 41—42.

¹⁴² А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 43; Л. Ф. Моногорова. Указ. соч., стр. 98; А. К. Писарчик. Жилой городской дом Бухары и Хивы. «Архитектура СССР», 1937, № 1, стр. 46.

¹⁴³ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков..., стр. 157; у язгулемцев — «ражь» (Л. Ф. Моногорова. Указ. соч., стр. 48).

¹⁴⁴ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков..., стр. 159.

¹⁴⁵ A. Le Coq. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan, S. 36; Dutreil de Rhins. Op. cit., t. II, p. 97.

¹⁴⁶ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков..., стр. 158.

комнату; число их не так велико, как в ферганском жилище, где они играют отчасти декоративную роль.

В плане старинный уйгурский дом Семиречья скорее сближается с хивинским, так как объединяет под одной крышей жилые и хозяйственные постройки, в том числе хлевы для скота. Хивинская укрепленная усадьба «хаули» (уйг. «хойла» — крытый или открытый двор) обносится прямоугольником высокими глинобитных стен с круглыми контрфорсами по углам, которыми фланкированы и массивные ворота, ведущие в долан — крытое центральное помещение, по назначению и по названию совпадающее с уйгурским даланом. В состав жилого комплекса входят: сарай — «пешуй», «янбаши-уй», расположенная близ ворот «михманхона», здесь же конюшня — «сеисхона», нередко и мельница — «хараз»¹⁴⁷. В упрощенном виде устройство хаули повторяет каракалпакский старый оседлый дом «там». Это невысокое (4 слоя пахсы) прямоугольное здание в 20 м длиной и 12—15 м шириной, с единственным входом через ворота «даруаза». «...от ворот вглубь дома идет коридор — дализ, соединяющий все внутренние помещения — жилые окре (обычно 2), уйжай, кладовую и хлев — сеисхона, который занимает обычно около $\frac{1}{3}$ тама и расположен во всю ширину задней стены дома, отделяясь от упирающегося в него дализа легкой калиткой из палок и ветвей»¹⁴⁸.

Интересно, что сходство в планировке хаули и уйгурского старинного дома сопровождается частичным совпадением в терминологии. Так, термин «сарай», обозначающий летнюю комнату, встречается только у хивинцев и уйгуров, сходно также название «долон» — «далан», в большинстве других мест Узбекистана заменяемый термином «дализ»¹⁴⁹.

Уйгурский дом сильно отличается от узбекских, особенно городских домов, отсутствием деления на мужскую и женскую половины. «Михманханэ» — комната для гостей и прежде была известна, но устраивалась только в самых богатых домах. Другое деление жилого дома — на летнее и зимнее помещения — имеется у уйгуров, как и во многих местах Средней Азии. Летняя комната сарай — лучшая, наиболее хорошо убранная комната дома. У уйгуров она обычно выполняет функции гостиной — михманханэ. Впрочем, в небольших домах сарай снабжен каном и служит зимним помещением.

Наряду с чертами сходства уйгурского старинного дома Семиречья с домом горных таджиков, можно отметить в них и большие различия. Особенно важное из них — обязательное выделение у горных таджиков помещений для скота под особой крышей или, если они связаны с домом общей кровлей, — наличие совершенно отдельного в них входа. У уйгуров же, поскольку разведение скота играло подсобную роль и его было немного, помещения для скота от дома не отделяли.

Небольшой дом уйгуров Семиречья (третий тип, по нашему определению) похож по планировке на дома узбеков Ферганы — с комнатами,

¹⁴⁷ В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 82.

¹⁴⁸ Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула. «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 50.

¹⁴⁹ Интересны термины «айван» и «далан», нередко заменяющие один другой. Чаще всего название «далан» («дализ», «далан») означает прихожую или коридор (хивинский городской дом), крытое центральное помещение (у уйгуров, в Хиве); айван — терраса перед фасадом дома. У семиреченских уйгуров терраса называется «лэмпэ», название «айван» неизвестно; у горных таджиков пристройку к дому в виде веранды именуют «долун» (Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков..., стр. 156), а айваном называют переднюю комнату; в Хотане (по Гренару) айван — большая центральная комната, которая в Куче называется «айван» или «долан» (Лекок).

вытянутыми в одну линию, с отдельными строениями по периметру двора, с террасой перед фасадной стеной, куда выходят все двери и окна дома.

Наиболее оригинальны у уйгуров приспособления для отопления и приготовления пищи, т. е. очаги. Для уйгурского жилища характерен камин — «мора очаг», к которому в Семиречье добавляют кан с очагом. Во дворе жилого дома находится тону (р) — хлебная печь. Особенно отличает уйгурские печи наличие прямого дымохода, проведенного в стене. Очаги с дымоходом мы находим только у ферганского населения и у таджиков верхнего Зеравшана¹⁵⁰, у уйгуров и у узбекского и таджикского населения Ферганы — тип камина почти одинаковой формы. Труба проходит в стене, камин помещается в стенной нише, причем его передняя поверхность слегка выступает вперед, образуя сверху фигурный выступ. В Семиречье этот выступ обычно имел сверху узкую трехугольную площадку. В Фергане такая форма носила наименование кашгарской¹⁵¹. Семиреченский камин имел еще одно отличие: он не был приспособлен для приготовления пищи (т. е. для установки казана), его делали слишком узким и без глинобитных выступов. Очевидно, это было связано с наличием в доме специальных очагов для приготовления пищи. Камин южной Кашгарии не отличаются от ферганских.

Распространенные формы очагов в старинных жилищах горного Таджикистана и Припамирья — земляные надземные печи («ipki» — у ягнобцев, «дегдон» — у горных таджиков Хингоу¹⁵²), очень близки по форме к тону уйгуров и выполняют функцию хлебной печи, наряду с употреблением их для отопления жилища и приготовления пищи в казане (у таджиков Хингоу название ее связано с названием котла «дег») ¹⁵³. Это — углубление в декуне или яма в земле, куда вставляется расширяющийся книзу очаг из глиняных стенок. Он пристраивается у края глинобитной площадки и имеет, помимо верхнего, еще одно отверстие сбоку. Особенно близка к этой форме хлебная печь в Турфане, описанная Г. Е. Грум-Гржимайло¹⁵⁴.

В заключение приведенных параллелей в жилище уйгуров и других народов Средней Азии можно отметить, что общность замечается в формах старинных элементов дома довольно удаленных друг от друга районов; вероятно, это объясняется тем, что здесь лучше сохранились старые традиции в строительстве жилищ Средней Азии.

Интересно указание Бартольда о вероятном сходстве элементов культуры Хорезма и Кашгарии, в частности о бытовании старинного термина «кент», обозначающего как в Хорезме, так и у кашгарцев оседлое поселение¹⁵⁵. Сохранение сложного плана жилища типа хаули (в частности, у хивинцев) связано с более стойкими пережитками большесемейной общины, с исчезновением которой дом уменьшается в размерах до небольшого жилища в 2—4 комнаты.

При всем указанном выше сходстве с жилищем народов Средней Азии в целом уйгурский дом, наиболее сохранивший свои особенности в Семиречье, выступает как совершенно самостоятельный тип оседлого среднеазиатского жилища, характеризующийся рядом присущих ему особенно

¹⁵⁰ И. И. Зарубин. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. «Изв. АН СССР», 1927, № 5—6, стр. 352.

¹⁵¹ В. Л. Воронина. Старые жилые дома в Фергане. «Архитектура СССР», 1940, № 3, стр. 62.

¹⁵² Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков..., стр. 157.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ «Описание путешествия в Западный Китай». Изд. 2. М., 1948, стр. 243.

¹⁵⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 38.

стей в способе постройки, внутреннем устройстве и убранстве, отражающих национальные особенности уйгурского народа.

Старинный и новый костюм уйгуров обнаруживает большое сходство с одеждой узбеков, таджиков и других народов Средней Азии, а нередко идентичность форм.

Для всех народов Средней Азии характерен тот же комплекс костюма, что и для уйгуров: пательная рубаха, штаны, надеваемые под рубаху, халат прямого покроя. Покрой, расцветки, выбор тканей — также очень близки или одинаковы. Наиболее распространенная мужская рубаха уйгуров — распашная, без воротника, с завязками на груди, длинным прямым рукавом (в западной Кашгарии), — столь же распространена у узбеков и таджиков¹⁵⁶. Помимо этой рубахи, семиреченские уйгуры носили другую, подобную же, но отличавшуюся узким воротом, обшитым стоячим воротником. Женские платья уйгурок, узбечек и таджичек не отличались по покрою¹⁵⁷. В Фергане девушки носили платье с разрезом на плечах — «моллача койнак»¹⁵⁸, в других областях Средней Азии рубаху с таким воротом носили только мужчины духовного звания (откуда ее наименование), а на Памире они были обычной одеждой мужчин¹⁵⁹. Больше было различий в орнаментации женской одежды. Узбечки Ферганы, по описанию Наливкиных, обшивали узкой узорчатой тесьмой ворот и разрез рубахи, а также концы штанов¹⁶⁰. Уйгурки ворот и разрез обшивали цветной материей или бумажными пестрыми лентами¹⁶¹. Такая же обшивка украшала платья горных таджичек¹⁶² и женщин Язгулема, последние добавляли еще и вышивку¹⁶³. Штаны уйгурки обшивали широкой полосой вышитой материи, а позднее — ярким русским ситцем.

Халаты уйгуров, мужские и женские, по покрою также не отличались от среднеазиатских. Различия были в выборе цветов: уйгуры носили преимущественно темные халаты, узбеки — полосатые, черные, красные и др., избегая синего цвета как траурного; наоборот, у уйгуров передки халаты синего цвета, особенно у мужчин. Женская верхняя одежда типа бешмента, не известная кашгарским уйгурам, появилась только в конце XIX в.¹⁶⁴, постепенно вытеснив старинный прямой халат у узбечек, а также и уйгурок Ферганы и Семиречья. Паранджу, распространенную у узбечек и таджичек, уйгурки, за исключением жен богачей, не носили.

Опояска халата и рубахи кушаком из куска материи, характерная для уйгуров, — обязательный элемент мужского костюма у таджиков и узбеков; кроме того, опоясывались ремнем или поясом из тесьмы, бархата, шерстяной материи, иногда украшенным металлическими бляхами. К поясу узбеки подвешивали нож в ножнах и табакерку, иногда и другие предметы (брусок, шило, кошелек); уйгуры Турфана носили на поясе палочки для еды в кожаном футляре.

¹⁵⁶ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 94; Шингов. Сарты, ч. I. Этнография. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. XI. Ташкент, 1904, стр. 134; А. А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 28.

¹⁵⁷ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 94; А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 30.

¹⁵⁸ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 94.

¹⁵⁹ «Курта» у таджиков (А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 28), «халифа-каут» у язгулемцев (Л. Ф. Моногарова. Указ. соч., стр. 100).

¹⁶⁰ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 94.

¹⁶¹ В. И. Роборовский. Указ. соч., стр. 427; М. В. Певцов. Указ. соч., стр. 124.

¹⁶² А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 30.

¹⁶³ Л. Ф. Моногарова. Указ. соч., стр. 100.

¹⁶⁴ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 97.

Еще большее сходство в обуви. В XIX в. у уйгуров и узбеков были в употреблении одинаковые типы обуви: мягкие кожаные ичги с галошами и кожаные сапоги.

Большое разнообразие наблюдалось в головных уборах, которые отличаются уйгуров от узбеков и таджиков. Шапочка — «допнабё (р)к» типа тюбетейки у уйгуров является очень старинным головным убором, в Средней Азии она не была так широко распространена, особенно у женщин. В Фергане женщины носили головной платок — «румаль» и повязку из платка — «дурача»¹⁶⁵. Среди таджичек также были распространены головные повязки и платки¹⁶⁶. Тюбетейка в XIX в. у узбеков и таджиков являлась мужским головным убором. Поверх нее надевали чалму¹⁶⁷, шерстяные шапки (горные таджики); зимние шапки горных таджиков подобны уйгурским меховым шапкам с околышем («тумак», у таджиков — «талрак») ¹⁶⁸. Шапки с меховым околышем были известны у киргизов, у которых такие шапки носили и девушки («тебетей») ¹⁶⁹. Легкое покрывало для лица вместо черной волосяной сетки узбечек бытовало у горных таджичек («чашбанд» или «рубанд») — продолговатый четырехугольный платок, расшитый шелком, с шнурами, которыми он привязывался к голове; размеры его были больше, чем у «личака» уйгурок (Кашгарии) ¹⁷⁰.

Много общего наблюдается в украшениях и их формах, а также в употреблении косметических средств. Лекок, описавший формы ювелирных украшений в Восточном Туркестане, отметил, например, близость форм серег, распространенных в Кашгарии и у памирских таджиков ¹⁷¹.

В новых формах национального костюма уйгуров, узбеков и других народов Средней Азии также большое сходство. Повсюду в качестве одежды молодых женщин распространено платье на короткой кокетке. В Семиречье уйгурки обычно шьют его с перекидным несошпленным плечом и иногда со стоячим воротником, сохраняя традиции пошивки старинного уйгурского (и узбекского) платья. Другой покрой платья семиреченских уйгурок (казахский) совпадает с покроем современного платья казашек. Одинакова форма женской верхней одежды, которую носят узбечки, уйгурки, казашки и киргизки (у уйгурок в Казахстане она уже вышла из употребления). Повсюду распространены короткая безрукавка (кэмзэл, камзур), одинаковы формы мужских и женских тюбетеек, нередко даже одинаковы расцветки.

Много общего в пище уйгуров и оседлых народов Средней Азии, что отчасти объясняется сходным типом хозяйства. В составе продуктов питания излюбленных блюд, способа приготовления многих блюд, употребляемой для приготовления и подачи на стол посуды, — во всем этом наблюдается большая близость. У узбеков и уйгуров распространены одинаковые блюда, и мало таких, которые были бы известны только одному из этих народов. Хлеб выпекают из пресного теста в виде лепешек, в особых печах тону (р) (у уйгуров и узбеков некоторых областей), тандыр (у узбеков), инкир (у горных таджиков). В узбекских и таджикских домах (у

¹⁶⁵ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 95.

¹⁶⁶ И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины Бартауга. «Сб. МАЭ», т. V, вып. I, 1918, стр. 136; А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 30.

¹⁶⁷ Шишов. Указ. соч., стр. 132; Лыкошин. Чапулдукская волость. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, 1906, стр. 175.

¹⁶⁸ И. И. Зарубин. Указ. соч., стр. 135.

¹⁶⁹ С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 36—37.

¹⁷⁰ А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 30.

¹⁷¹ A. Le Coq. Volkskundliches aus Ost-Turkistan, S. 24.

равнинных таджиков), как и в уйгурских, хлебная печь стоит отдельно во дворе или в особой кухне. Хлебную печь ставят теперь и казахи, помещая ее во дворе или на улице, недалеко от ворот.

Наиболее распространенные блюда у узбеков и уйгуров — мучные (лапша, пельмени, манты и др.) и рисовые (плов, рисовые каши и похлебки)¹⁷². Плов является праздничным блюдом у уйгуров, узбеков и таджиков. Характерно, что у всех этих народов существует одинаковая традиция подачи плова на стол на общем блюде и едят его рукой, хотя уйгуры Семиречья для других кушаний употребляли палочки и подавали пищу в отдельной посуде каждому.

Диету семиреченских и восточнокашгарских уйгуров отличает ежедневное употребление чая с солью и молоком. В XIX в. оно было довольно распространено и у узбеков, но теперь они редко пьют такой чай. Чай как напиток уйгуры Семиречья пили гораздо реже, чем узбеки и таджики.

Горячие блюда и «шир чай», подобный эткэн чай уйгуров, готовят в чугунном котле (казан, дег), вставленном в очаг над огнем (у узбеков — в камине, у казахов он подвешивается над очагом). Сходны формы другой посуды, употребляемой для приготовления и принятия пищи: медные и чугунные чайники, деревянные блюда, глиняные миски. Широко распространены фаянсовые и фарфоровые пиалы, блюда.

* * *

Материальную культуру уйгуров частично отличает наличие в ней некоторых элементов китайской культуры, что объясняется экономическими и культурными связями, существовавшими на протяжении многих веков. Китайское влияние было более заметно в восточных оазисах Синьцзяна (Хами, Турфан), и в Илийском крае, где с XVIII в. жило земледельческое население, пришедшее из Китая, — китайцы, дунгане, маньчжуры. В юго-западной Кашгарии влияние китайской культуры сказывалось слабее и главным образом в городском быту.

Наиболее прочно вошел в быт уйгуров канг, который, как указывалось выше, распространен только в восточной Кашгарии. Канг семиреченских уйгуров по своему устройству значительно отличается от дунганского, и, как указывалось, вероятно, занесен в Семиречье уйгурами из Турфанского оазиса. Относительно турфанского канга трудно выяснить, когда и от кого именно он был заимствован, но он хорошо приспособлен к особенностям уйгурского дома с сушой, занимающей большую часть площади пола жилой комнаты, и с обязательным выходом. Уйгурский канг, судя по нашим материалам и описаниям путешественников по Синьцзяну, был всегда связан с очагом внутри дома.

Дунганский канг в старину отапливался с улицы и имел только топку, в которой нельзя было готовить пищу.

Из других элементов китайского или дунганского происхождения можно отметить наличие в парадной комнате дома семиреченских уйгуров «стола для украшений»; сейчас он является обязательным предметом обстановки. Низенький столик для еды — джоза тоже, возможно, перенят у китайцев, так как он распространен только в восточных оазисах и не характерен для обстановки дома южной Кашгарии. Косвенным доказательством этого является его китайское название.

¹⁷² Вирский. Дюрткульская волость. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. III, 1895, стр. 140—141; Л. Ф. Костенко. Туркестанский край, т. I. СПб., 1880, стр. 354; В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 124—125; Шишов. Указ. соч., стр. 45—49, 155—161.

Частичные заимствования наблюдаются в хозяйстве. Так, при огородных работах уйгуры Семиречья употребляют дунганскую лопаточку для окучивания овощей — «чэнчээ»; они переняли некоторые сорта китайских овощей и т. д.

В costume китайское влияние сказывалось очень слабо: женщины в качестве нарядной одежды шили кофты или безрукавки китайского покроя с характерным вырезом ворота, обшитые по подолу, вороту, борту вышитой тесьмой или лентами. В Семиречье этот элемент костюма скоро исчез. От китайцев или дунган были заимствованы палочки для еды. Довольно значительным было влияние китайской кухни на пищу уйгуров.

Частично прослеживается у уйгуров китайская терминология. Так, деревянные части кровли дома в Семиречье называются «лим», «лингза», «чэнгэ»; возможно, что названия эти произошли от китайских слов, обозначающих строительный материал, который уйгуры покупали у китайцев; в устройстве самой кровли ничего китайского нет.

Воспринятые уйгурами элементы китайской культуры были переработаны и приспособлены, иногда настолько, что приняли своеобразные формы (например, кап). Китайское влияние прослеживается значительно сильнее в быту уйгуров Семиречья, нежели Ферганы; причиной этого нельзя считать только соседство дунган и китайцев в Илийском крае. «Проводниками» влияния китайской культуры в формирующейся с середины XVIII в. группе уйгуров Илийского края были, вероятно, уйгуры — переселенцы из Турфанского и Хамийского оазисов, где это влияние имело место еще до присоединения Синьцзяна к Китаю.

После переселения в Семиреченскую область уйгуры оказались в соседстве с казаками, русскими и украинцами, что отразилось в их материальной культуре. Они восприняли отдельные элементы культуры новых соседей.

Русское влияние ощущалось уже в Кульдже. Так, Каульбарс в 70-х годах XIX в. отметил там употребление наряду с арбами телег тюменского типа. В быт населения проникали привозимые из России товары — мануфактура, спички, свечи, посуда.

Переселившиеся уйгуры, не меняя в основном типа и характера своего хозяйства, а в ряде случаев выступая учителями русских поселенцев в Семиречье (например, в проведении арыков, культуре травосеяния), переняли ряд русских сортов культур: пшеницы, ячменя и других хлебов, более урожайных или более подходящих к местным условиям, а также ряд овощей, в том числе новые для них картофель, капусту, помидоры, некоторые сорта яблок и других фруктов. Незначительное восприятие русской техники объяснялось большой бедностью большинства уйгуров, которым не по силам была попытка русского сельскохозяйственного инвентаря. Русское влияние сказывалось на инвентаре ремесленников. В Фергане влияние русской культуры было гораздо слабее.

Самые значительные перемены в материальной культуре уйгуров произошли после Великой Октябрьской революции и связаны главным образом с социалистическим строительством в сельском хозяйстве. Материальной базой этих перемен послужило коренное преобразование способа производства.

Огромные сдвиги произошли в основной отрасли хозяйства уйгуров — земледелии. Благодаря механизации, агротехнике, коллективному труду неизмеримо повысилась производительность сельского хозяйства, выросла урожайность всех культур, возросла доходность хозяйства. Введение машин и удобрений сократило количество «неудобных» земель.

Значительны доходы отдельных колхозных семей, слагающиеся из оп-

латы трудодней и дохода от индивидуального хозяйства, доставляющего овощи, фрукты, молоко, частично идущих и на рынок. В связи с ростом доходов растут возможности к улучшению быта и удовлетворению культурных потребностей, что способствует изменениям в материальной культуре. Попытаемся подытожить те изменения, которые произошли в культуре и в быту уйгуров за годы Советской власти.

Старые традиции в жилище уйгуров Семиречья сохраняются довольно прочно. Большую роль тут играет долговечность самих построек. В Семиречье можно встретить немало домов, построенных в конце XIX в. Частично эти дома перестроены и в них проникли новые элементы. Так, у всех имеются окна в стенах, каминны заложены и замазаны. Исчезает дом старинного сложного плана, объединяющий жилые и хозяйственные постройки, что, очевидно, связано с исчезновением пережитков большой семьи. Господствующей формой жилища стал небольшой, в 2—4 комнаты, жилой дом с верандой по фронтальной стене, с большим числом застекленных окон, иногда выходящих на улицу. Хозяйственные постройки стоят отдельно. Характерно уменьшение их числа, что вызвано перемещением рабочего скота, сельскохозяйственных орудий, запасов хлеба и фуража на обширные колхозные дворы. Отметим полное исчезновение деления дома на мужскую и женскую половину, раньше частично существовавшее у уйгуров Ферганы. В убранство дома проникает городская мебель.

Социалистическое переустройство села нашло свое яркое отражение в планировке селений, во всем его внешнем облике. Характерно исчезновение прежнего деления на землячества, о которых сохранилась только память. Объединение в одном колхозе способствовало слиянию некоторых близко расположенных селений в одно. Вместе с уйгурами живут представители других национальностей (русские, казахи), прежнее деление на кварталы и улицы по национальному признаку исчезло. Немало смешанных колхозных сел — частью уйгурских, частью казахских или русских.

В центре села выросли новые общественные здания — колхозные конторы, клубы, школы. Эти дома, так же как и колхозные хозяйственные дворы с хлевами, амбарами и другими зданиями, строят по-новому — с высокой двускатной крышей, крытой железом, с дощатыми полами и потолками, большими окнами. В настоящее время проводится плановое благоустройство колхозных поселков с полной электрификацией домов колхозников, улиц и общественных зданий.

Значительные изменения произошли в costume, особенно в Семиречье. Наблюдается появление новых форм национального женского costume — «казахское» и «узбекское» платье, короткая жилетка-безрукавка, женское пальто в талию, сменившие прежние халаты; появились также новые формы мужской рубахи (в Фергане). Исчез традиционный мужской costume семиреченских уйгуров. Все шире в быт проникает русская городская одежда. Городские платья носят и уйгурки Казахстана. Заслуживает особого внимания употребление белья.

Одежда реже приобретает на рынке или в магазине, она изготавливается на машинке, имеющейся почти у каждой хозяйки. Ткани все покупные. В Узбекистане в сельмагах продаются платья национального (узбекского) покроя, вырабатываемые пошивочными артелями.

В одежде, пище, домашней утвари наблюдается не только большое разнообразие по сравнению с прежним, но и количественное и качественное обогащение. В прошлом многие авторы отмечали, что «сарт» или «сартянка» носят рубаху, не снимая, пока она не свалится с плеч. Обычно носили единственное затрапезное платье и лишь на праздники или в гости надевали шелковое платье, причем женщины из бедноты за всю жизнь

редко имели больше одного шелкового платья¹⁷³. Из-за экономии мыла стирали платье очень редко. У уйгурки-колхозницы в Фергане имеется обычно несколько хлопчатобумажных будничных платьев и одно-два шелковых. Девушки и молодые женщины иногда выходят в шелковом платье даже на работу. Почти у каждой есть пальто из бархата или плюша. Мужчины также имеют несколько смен платья, не менее трех халатов (летний, осенний и зимний). Некоторые имеют, кроме того, и городскую одежду: пиджак, гимнастерку, брюки или костюм военного образца, который надевают в праздники.

Изменения в пище связаны отчасти с переменой в типе хозяйства, но главным образом — с общим повышением благосостояния уйгуров-колхозников. Значительно увеличилось потребление мяса, молока, животных жиров.

Наблюдается своеобразная национальная переработка воспринимаемых элементов русской культуры. Так, бревенчатой постройке придается вид глинобитной благодаря гладкой обмазке стен снаружи и внутри. Обстановка дома также имеет специфические отличия. Мебель приобретают в определенном подборе — прежде всего кровати, затем столы на высоких ножках, употребляемые для расстановки посуды, книг и пр. и лишь в редких случаях для еды или работы, стулья покупаются редко. В Фергане шкафы вмазывают в стенные ниши. Мебель расставляется в определенном своеобразном порядке. Для пошивки одежды используют ткани большей частью тех же цветов, что и прежде. Так, в женском и мужском летнем костюме преобладает белый цвет, реже — белый с мелким рисунком.

В Семиречье, при исчезновении ряда национальных форм костюма, сменившихся городским платьем, наблюдается довольно определенный выбор фасонов и цветов, более близких к традиционным.

* * *

Изучение обеих групп уйгуров Советского Союза обнаруживает большие различия в их культуре, отражающие различие их исторических судеб. Семиреченская группа уйгуров, развитие культуры которой происходило в условиях двукратного переселения, спаялась в монолитное и стойкое национальное меньшинство. Ферганские уйгуры, в результате переселения «волнами» и расселения в Ферганской долине, в теснейшем соседстве с узбеками, частично уже слились с узбекской нацией, частично находятся в процессе слияния с ней.

Анализ материальной культуры уйгуров показывает ее родство с культурой оседлых народов Средней Азии — узбеков и таджиков. В отдельных случаях ее отличия связаны с сохранением некоторых архаичных форм, прежде существовавших и у этих народов. Частично ее отличает наличие некоторых элементов китайской культуры, особенно у уйгуров Семиречья. Вместе с тем культура уйгуров имеет свои характерные черты, выражающие их национальную специфику.

После переселения на территорию России уйгуры подверглись значительному влиянию прогрессивной русской культуры, особенно сказавшемуся в современной материальной культуре. В условиях советского строя трудолюбивый, одаренный уйгурский народ строит национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру, включающую и прогрессивные элементы традиционной уйгурской культуры, выработанной в течение веков.

¹⁷³ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 98—99.